

Московская духовная семинария

Сектор заочного обучения

Протоиерей Александр Салтыков

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Период III

Разделение Церкви на две митрополии

Учебное пособие

Сергиев Посад

2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Предпосылки разделения Русской Церкви на две митрополии....4

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ МИТРОПОЛИИ В XV – XVI ВЕКАХ

Глава I. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ СВЯТОГО МИТРОПОЛИТА ИОНЫ.....	11
Митрополит Феодосий.....	11
Митрополит Филипп I.....	12
Митрополит Геронтий.....	14
Движение жидовствующих. Митрополиты Зосима (1490-1494) и Симон (1495-1505).....	15
Москва – Третий Рим.....	20
Церковное искусство конца XV – начала XVI веков.....	22
Глава II. ЦЕРКОВЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА.....	25
Митрополит Варлаам.....	26
Митрополит Даниил.....	27
Подвижничество.....	29
Преподобный Нил Сорский.....	30
Святой Иосиф Волоколамский.....	31
Преподобный Максим Грек.....	33
Глава III. ЦЕРКОВЬ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА.....	36
Митрополит Иоасаф.....	36
Эпоха святителя Макария.....	37
Соборы по канонизации святых.....	39
Стоглавый собор.....	40
Собор на еретиков (1553-1554 гг.).....	42
Учреждение Казанской архиепископии.....	45
Церковно-литературная деятельность.....	47
Церковное пение.....	48
Глава IV. ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО.....	50
Митрополит Афанасий.....	50
Святой митрополит Филипп.....	51
Митрополиты Кирилл, Антоний и Дионисий	53
Миссионерская деятельность Церкви среди северных племен в XVI веке.....	55

РАЗДЕЛ II**ИСТОРИЯ ЗАПАДНО-РУССКОЙ МИТРОПОЛИИ**

Периодизация истории Западно-русской митрополии.....	57
Сравнительное положение Православия и католичества в Литовской Руси..	58
Начало разделения.....	61
Положение Церкви в первой половине XVI века.....	67
Начало упадка.....	73
Братства.....	77
Образование и просвещение в Юго-Западной митрополии.....	81
Подготовка унии.....	83
Заключение унии.....	88
После Бреста.....	92
Восстановление высшей иерархии в Западно-русской Церкви.....	97
Митрополит Петр Могила.....	100
Сближение с Москвой.....	101
Смуты в управлении митрополией.....	103
Литература.....	107

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗДЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ НА ДВЕ МИТРОПОЛИИ

Предпосылки к разделению Русской Церкви на две митрополии возникло давно. Еще в XII веке святой князь *Андрей Боголюбский*, создав новую столицу во *Владимире*, задумал укрепить авторитет своей власти возведением в митрополичий сан суздальского епископа *Феодора*, и, таким образом, получить церковную независимость от Киева. Рост территории и населения его княжества, значительно удаленного от Киева, вынуждали его к этой попытке. Однако намерение святого Андрея было преждевременным, и Константинопольский патриарх отказался его поддержать.

Вскоре, после завоевания Руси татарами, земли Юго-Западной Руси попали под власть княжества Литовского. Но уже с XIII века русские митрополиты выбирают своей резиденцией г. Владимир-на-Клязьме в пределах Северо-Восточной Руси, а в 20-х годах XIV века, с митрополита Петра, переселяются в Москву. При этом они сохраняют титул *митрополитов Киевских*. Литовские великие князья не могли равнодушно относиться к тому, что глава православной Церкви в их землях предпочитал проживать в Московском княжестве, с которым у Литвы часто возникали военные конфликты, и при том сохранял титул митрополита Киевского. Поэтому с середины XIV века литовские великие князья постоянно делают усилия, чтобы добиться от константинопольского патриарха поставления особого митрополита с титулом Киевского для православного населения Великого княжества Литовского.

Московские митрополиты, со своей стороны, стремились сохранить свою власть над Русской Церковью в обоих государствах. Церковная уния, заключенная между Константинополем и Римом на Ферраро-Флорентийском соборе в 1439 году, создала новые, более благоприятные условия для разделения Русской Церкви. Вскоре, после неудачной попытки утвердить в Москве униатского митрополита *Исидора*, Рим решил отделить русско-литовские епархии от Москвы и создать там униатскую митрополию. В 1458 году папа *Каллист III* рукоположил ученика митрополита Исидора – *Григория Болгарина* – с титулом митрополита «*Киевского, Литовского и всей нижней России*», в то время как униатским митрополитом Московским номинально оставался Исидор, проживавший в Риме. Посылая Григория в Литву, папа отправил королю Казимиру буллу, в которой велел его принять, а «*отщепенца*» Иону, если он появится в Литве, схватить и заключить в оковы.

Митрополит *Иона* и великий князь *Василий Васильевич Темный* должны были вступить в борьбу с Григорием. Великий князь направил послание к Казимиру, в котором, ссылаясь на историю, просил не нарушать существовавшего порядка и не принимать митрополита от Рима. Митрополит Иона послал грамоты литовско-русской Церкви, епископам и православным

князьям, убеждая всех стоять за Православие. Но Казимир, конечно, последовал указанию папы и Григория принял. Более того, он решился предложить униата Григория великому Василию Васильевичу на место митрополита Ионы. В ответ на все эти действия Рима в Москве в 1459 году был созван собор Русской Церкви, осудивший Григория и выразивший верность митрополиту Ионе. Собор направил послание литовским епископам и их пастве с увещанием не принимать Григория. Такое же послание от себя вновь написал митрополит Иона. Однако разделение закрепилось, поскольку католическое правительство Литвы и Польши должно было рано или поздно отвергнуть православного митрополита, проживающего в Москве. С этого времени начинается самостоятельная жизнь двух половин Русской Церкви, причем московские митрополиты именуются *«митрополитами всея Руси»*, а литовско-русские – *«митрополитами киевскими и всея Руси»*.

С момента разделения Русской Церкви на две митрополии начинается самостоятельная жизнь каждой из них в особых отличных от другой половины Русской Церкви, исторических условиях.

По словам И. Покровского, территориальное устройство Русской Церкви с самого начала шло рука об руку с устройством государственной территории Юго-западной и Северо-Восточной России. Пока не было между центром и вновь завоеванными землями прочного церковно-административного единства, до тех пор не могло быть постоянного государственного объединения, и наоборот. Примеров достаточно – присоединение Казани, Сибири, Малороссии, Польши, Крыма, Кавказа, Грузии и других областей, вошедших в состав России, сильной в своем историческом прошлом преимущественно религиозной верой и сознанием важности обоюдных интересов Церкви и государства.

Он же так характеризует Северо-Восточную митрополию: «В 1458 году большая половина древнейших епархий отошла под власть киевского митрополита. Сравнительно небольшое населенное пространство, сосредоточенное около Новгорода, Твери, Ростова, Суздаля, Владимира, Москвы и Рязани, инородческий восток и пустынный юг достались Москве с ее митрополией. На северо-востоке ей достались тундры, леса и болота, населенные не столько людьми, сколько зверьми. В одних местах ничего не было, в других – жили и хозяйничали враги русских и христианства – татары, ногаи и другие кочевые народы, сменявшие друг друга. Русскому человеку, на долю которого выпала трудная задача просветителя и культурного пионера на европейском северо-востоке, пришлось идти в одну сторону со словом Евангелия и мирной проповедью христианства, в другую – с мечом и крестом, в третью – наконец, выселять жителей и сторожить свои окраины, не защищенные природой от постоянных вторжений. Всем: и церкви, и государству было много дела. Нашлись подвижники – мирные распространители христианства и герои – борцы за веру. Загорелись огоньки, засветились лучи христианства с севера и востока, даже до моря Каспийского...

Понятно, что с распространением христианства на северо-востоке и завоеванием целых царств, территория Московской митрополии значительно

увеличивалась. Но успехи внешнего распространения христианства и расширение епархиальных территорий далеко не соответствовали внутреннему развитию христианства и церковного порядка в северо-восточной Руси».

В Северо-Восточной (Московской) митрополии, после получения ею автокефалии, все более увеличивается власть митрополита над церковью. Объединение русских земель вокруг Москвы ведет к объединению епархий вокруг московской кафедры. Устанавливается обычай избрания епархиальных епископов в Москве, что дает митрополиту возможность влиять на состав высшей иерархии.

Московский митрополит сознает себя стоящим выше епархиальных архиереев. Он не допускает их послушания и требует почтительного к себе отношения. Так, уже святой Иона строго выговаривает епископу, назвавшему его в письме не «отцом», а «братом». В титулатуру Московского митрополита включается эпитет «святитель». Так задолго до установления патриаршества Московский митрополит начинает управлять церковью как бы на правах патриарха.

Тем не менее, высшим органом церковной власти являлся **церковный собор**, который только и мог принимать необходимое решение. Большое и все возрастающее влияние на ход церковных дел имел государь, который нередко вмешивался в выборы митрополита, проводя удобного себе человека, а также в дела епархий и монастырей.

Собор епископов ограничивал судебную власть митрополита, который мог лишь делать внушение провинившемуся епископу, производить судебное следствие. Самый суд производился соборно и утверждался царем.

Соответственно своему высокому положению и богатству, митрополит имел собственный, весьма значительный двор. У него были свои бояре, боярские отроки, стольники, постельничие и т.д. Он имел даже собственное войско, которое во время войны он отдавал государю. Свое влияние митрополиты употребляли для объединения земли, для мира, ходатайствовали за опальных и т.д.

В начале этого периода московская митрополия состояла из всего лишь нескольких епархий: московской, новгородской, ростовской, тверской, саранской, пермской, суздальской, коломенской. Постепенно число епархий увеличивалось за счет земель, отвоеванных у Польско-Литовского государства (смоленская и полоцкая кафедры), и вновь открываемых (казанская епархия). Размеры епархий были очень велики.

Огромное значение в жизни церкви продолжали иметь **монастыри**. После падения татарского ига количество их возросло. С середины XV по конец XVI века возникло около 300 монастырей. Их создавали монахи, иерархи, богатые миряне, князья. Причины основания монастырей были различны. Монахи-отшельники строили их как центры миссионерской деятельности. Иногда они возникали как убежище для тех, кто хотел принять постриг в старости и окончить жизнь в благочестии, вдали от мира. Монашеские общины возникали также в память об особенных событиях.

Так, *Новодевичий монастырь* в Москве, основан великим князем Василием Ивановичем после взятия Смоленска (1514 г.), а *Благовещенский* в Муроме – после взятия Казани Иваном IV (1552). Многие обитатели были поставлены на местах явлений чудотворных икон. Количество монашествующих колебалось в очень широких пределах. В крупнейших монастырях жили многие сотни иноков. Так, в *Троице-Сергиевом монастыре* в начале XVI века было около 300, а к концу столетия – до 700 насельников, кроме монастырских слуг. Крупными монастырями были также *Соловецкий*, *Кирилло-Белозерский*, *Иосифо-Волоколамский* и другие. Но насчитывалось очень большое количество и совсем маленьких монастырь-ков, по существу скитов, где жило по 6, 5, 3 и даже по 2 монаха.

Монастыри, как правило, подчинялись местному епископу. Существовали также *ставропигиальные* монастыри, то есть такие, которые подчинялись непосредственно патриарху, например, *Симонов* в Москве. Были также митрополичьи и княжьи монастыри. Содержание, защита, наблюдение за порядком в таких монастырях лежали на их покровителях – *ктиторах*. Существовали, наконец, т.н. приписные монастыри, т.е. общины, находившиеся под покровительством более крупных обителей.

Во главе монастырей стояли *архимандриты*, *игумены* и *игумении*. Игумену помогали *казначей*, *келарь* и *собор старцев*. Соборные старцы избирались братией и утверждались игуменом. В крупных монастырях их было обычно 12. Собор старцев управлял монастырем в отсутствие игумена. Послушание игумену простиралось настолько, что, по некоторым уставам, даже на переписку с родственниками нужно было брать благословение. В общежительных монастырях все было общее: одежда, полученная с монастырского склада, библиотека, трапеза, труд, богослужение. В кельях запрещалось держать даже воду. Выручка от работы шла в монастырскую кассу. В трапезной читались жития святых или святоотеческие творения. Вкушение пищи совершалось молча. Некоторые уставы запрещают смотреть, как едят другие. В отшельнических и скитских монастырях инок имел больше самостоятельности. Монастыри существовали, главным образом, за счет вкладов и пожертвований денежных, материальных, земельных. Монастырская собственность освобождалась от многих видов налогов, поэтому монастырские земли охотно заселялись крестьянами.

Монастыри были центрами просвещения и грамотности, центрами художественного и литературного творчества, имевшими на Руси, преимущественно, церковно-религиозную форму. В монастырях велось летописание, имелись богатые библиотеки. Так, Иосифо-Волоколамский монастырь имел более 1.000 книг (крупная цифра для XVI века). Библиотеки имелись даже в маленьких монастырях, причем, кроме богослужебных книг, в них была обычно представлена учительная и житийная литература. Монастырские школы имели преимущественное значение в распространении образования. Монастыри имели огромное экономическое значение, как крупные центры сельскохозяйственного производства.

На монастырях лежала также миссия благотворительности: создание больниц, гостиниц, «странноприимниц» для детей, раздача милостыни. Так, например, Иосифо-Волоколамский и Кирилло-Белозерский монастыри в голодные годы кормили по 600-700 человек ежедневно. На все это монастыри должны были тратить огромные средства. Но скапливаемые богатства порождали и отрицательные явления, в первую очередь: стяжательство, бродяжничество монахов, упадок богослужения, деспотизм настоятелей по отношению к инокам и крестьянам, свободный доступ мирян в монастырские келлии и т.д. Разложение вносили, в частности, «*богатые постриженники*», привыкшие к роскоши. В середине XVI века эти отступления строго обличает Стоглавый собор.

Немалым злом было использование монастырей как тюрем и мест ссылки. Необходимо, однако, сказать, что отрицательные явления, в целом, были еще не многочисленны. По свидетельству Зиновия Отенского, писавшего несколько позже, в 60-х годах – монастырская жизнь была, в целом, суровой и подвижнической. «Плакать мне хочется от жалости сердечной, – пишет Зиновий о монашествующих, – руки скорчены от страданий; кожа, как волосья – истрескалась, лица осунулись, ноги и руки посинели и распухли. А имения у них так много, что нищие больше имеют. Обыкновенная пища их – овсяный невяный хлеб, ржаные колосья толченые и без соли, питье – вода, варево – листья капусты, зелень – свекла и репа, овощи – рябина и калина, а об одежде что уж и говорить?»

Приходское духовенство избиралось обычно прихожанами. Так, в Новгороде, улица, составлявшая обычно особый приход, выбирала кандидата и просила владыку о поставлении избранного. Если владыка присылал священника без согласия прихода, он мог быть не принят. Благодаря таким условиям, клир и община жили тесной совместной жизнью. Но на протяжении XVI века этот порядок разрушается. Государство все более сопротивлялось свободному выбору людей, находившихся у него на службе. Постепенно становится все больше ставленников по наследству из лиц духовного происхождения, которые, к тому же, были более грамотны и лучше знали службу. Так, мало-помалу, духовенство начало превращаться в сословие.

Положение городского и сельского духовенства было различным. Представители городского духовенства привлекались к епархиальному управлению. Из его состава выбирались т.н. «*поповские старосты*» и «*десятские священники*», занимавшиеся сбором пошлин, надзиравшие за благочинием и участвовавшие в суде над духовенством. Большое влияние оказывали протопопы, чин которых существовал при больших городских храмах.

Сельское духовенство имело подчиненное положение. В городах было много безместного духовенства, т.н. «*крестцового*», служившего по найму (они становились на «крестцах» т.е. перекрестках). Среди них было немало запрещенных священнослужителей, злоупотреблявших своим саном. При рукоположении в духовный сан ставленник платил епископу т.н. «*ставленную пошлину*», что нередко вело к злоупотреблениям – поставлениям «*по мзде*». Богослужение во многих частностях отличалось от современного. Так,

до Стоглавого собора (1551 года.) часы не имели особого отпуска, и литургия начиналась сразу после их окончания.

В XV веке проскомидию обычно совершали на шести просфорах, но наряду с тем употреблялись три, четыре и семь просфор (на Востоке проскомидия до сих пор совершается на одной просфоре). На одной служебной просфоре могли поминаться вместе со святыми живые и умершие. Расположение частиц на дискосе определено только на Стоглавом соборе. Общее покровение даров еще не было в повсеместном употреблении. В служении литургии употреблялись некоторые возгласы и молитвы, ныне отсутствующие. Причащение священников в XV веке совершалось так: младший священник подавал агнец старшему, а старший – младшему; так же было и с чашей. Был обычай, по которому дьякон при причащении мирян держал одной рукой потир, а другой – горящую свечу. Возглас «Спаси, Боже, люди Твоя» появился в XV веке; «с миром изыдем» перед заамвонной молитвой в XV веке произносил дьякон. Много было и других особенностей.

Крещение детей в XVI веке совершали обычно на сороковой день по рождении, соединяя его с воцерковлением. При крещении нескольких человек сразу запретительные молитвы читались отдельно над каждым, так же и отрицания говорились по отдельности. В чине крещения до XV века полагалось читать заклинательные молитвы по 10 раз; в XV веке этот обычай удержан был только при крещении старых евреев, в остальных случаях эти молитвы читались по три раза, стали сокращать даже и до одного прочтения. Наряду с погружением существовало и обливание. Новокрещенный, если это был взрослый человек, возвращался в дом со свечами в руке и затем, в течение семи дней, ходил в храм на каждую службу и стоял с зажженной свечою в белых одеждах и «куколе незлобия», которые снимались на восьмой день.

В таинстве священства возгласа «аксиос» и обведения вокруг престола при поставлении диаконов и священников до XVI века не было. Также и епископа не обводили вокруг престола.

В таинстве брака обхождение вокруг аналоя вводится только с XV века. В XVI веке обручение совершалось посредством смены крестов. Иногда совершалось пострижение или обоих брачующихся, или жениха. Вопрос о свободном произволении предлагался не всегда. «Общую чашу» давали из скляницы, которая, в соответствии с древним обычаем, разбивалась.

Постепенно церковная жизнь обогащалась новыми днями памяти святых и праздниками. Большая часть праздников вводилась по случаю тех или иных светских политических событий. Так, в 1480 году установлен праздник Владимирской иконы Божией Матери по случаю спасения Москвы от нашествия хана Ахмата. Канонизации святых были особенно многочисленны в XVI веке. Помимо установления дней памяти новопрославленным святым, прославлялись явления чудотворных икон. Так, в 1579 году совершилось явление чудотворной иконы Божией Матери в Казани, почитание которой стало общецерковным. Вообще, Русская Церковь выражала особое почитание Пресвятой Троицы и Божией Матери, иконы и храмы которых особенно распространялись.

Из новых обрядов особенной торжественностью отличалось шествие на осляти, совершавшееся в Вербное воскресенье, в память Входа Господня в Иерусалим. Оно совершалось перед литургией. Впервые этот праздник появился в XV веке в Новгороде и затем перешел в Москву. Митрополит, сидя на осле, левой рукой держал на коленях Евангелие, а в правой – крест, которым осенял народ. Осла вел государь.

Перед ними шли священники и бояре. Впереди несли хоругви, иконы, свечи, и пели певчие в белых одеждах. Перед Праздником Рождества Христова совершался обряд пещного действия, совершавшийся в храме и в лицах изображавший историю трех отроков.

В XVI веке печать церковности лежала на всех проявлениях жизни. Даже внешний вид русского города и селения показывал, что религия – господствующая сила в стране. Иностранцы видели в русских городах множество богатых церквей и монастырей, слышали неумолкаемый звон колоколов, по всем улицам стояли часовни и иконы с зажженными перед ними свечами, прохожие крестились пред каждой часовней, а иные клали земные поклоны, везде можно было встретить духовенство со святой водой, крестами, иконами и пением; весьма часто совершались крестные ходы. На Руси было весьма распространено то, что называют *«обрядовым благочестием»*. В целом, влияние его на духовную жизнь народа было очень положительным, т.к. приучало весь народ, живший на огромной территории, к церковной дисциплине. Не существует Церкви без обрядности, через нее выражается дух Церкви. Обрядность утрачивает часть своего значения лишь на высотах подвижничества. Разумеется, нельзя ждать от значительного по числу людей мирского общества «умного делания», тогда мир перестал бы быть миром. Но Русская Церковь сумела заставить это мирское общество преклониться пред образом Христа и привила ему постоянное памятование о вечной жизни. В этом – большое значение «обрядового благочестия», т.е. системы символических действий, выражающих веру в Спасителя. Критика обрядности идет, в основном, от протестантизма, обряды которого примитивны.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ МИТРОПОЛИИ В XV – XVI ВЕКАХ

Глава I

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ СВЯТОГО МИТРОПОЛИТА ИОНЫ

Митрополит Феодосий (1461-1464)

По словам академика Е.Е. Голубинского, новый период отношений русских митрополитов к константинопольским патриархам – период фактической независимости их от последних и фактической автокефалии – начинается собственно с Феодосия... Таким образом, поставление Феодосия в митрополиты было весьма важным событием русской церковной истории, начавшим в отношении к положению митрополитов новый ее период. Но оно было вместе весьма важным событием и истории гражданской: Феодосий был первый митрополит, которого великий князь утвердил сам, непосредственно и единственно, в качестве преемника императоров греческих.

В момент избрания митрополита *Феодосия (Бывальцева)* внешнее положение Русской Церкви было сложным. С одной стороны, в ее жизнь активно вмешивалась католическая церковь, стремившаяся навязать унию, и, поставившая униатского митрополита Григория в Литве. С другой стороны, константинопольский патриарх, находившийся под властью турок и только что сам состоявший в унии с католиками, стремился восстановить зависимость Русской митрополии от него, потерянную при митрополите Ионе. Чтобы избежать возможных посягательств с той или другой стороны, святой митрополит Иона еще при жизни благословил на свое место Феодосия, яв-

лявшегося Ростовским архиепископом. Выбор святого Ионы был согласован с великим князем и епископатом. Сама форма этого предварительного избрания была необычной: была написана благословенная грамота с подписью и печатью митрополита Ионы, которую положили на престол в Успенском соборе.

После кончины Ионы, 3 мая 1461 года состоялся собор русских епископов, на котором Феодосий и был возведен в сан митрополита. Ранее митрополит Феодосий в течение десяти лет был архимандритом Чудова монастыря в Москве. С 1454 года он был поставлен архиепископом Ростовским. На митрополичьей кафедре Феодосий пробыл недолго: уже в 1464 году он ушел на покой.

Деятельность митрополита Феодосия была последовательно направлена на укрепление Русской Церкви. Против возможных происков униатского митрополита Григория Феодосий писал в Новгород, который не хотел попадать в политическую зависимость от Москвы и мог вступить на опасный путь компромиссов с Литвой. Стремясь к сохранению мира и единства внутри Церкви и страны, митрополит Феодосий, вместе с великим князем Иваном Васильевичем, отказали Пскову в его просьбе о создании самостоятельной Псковской епархии (Псков входил в Новгородскую архиепископию). Просьба псковичей о создании отдельной кафедры в их городе диктовалась в то время в значительной степени неприязненными отношениями между Новгородом и Псковом. Митрополит Феодосий прилагал большие усилия к исправлению нравов духовенства. Эту деятельность он начал еще архиепископом Ростовским. Став митрополитом, он начал решительно отстранять от служения недостойных, обращая особое внимание на целомудрие священнослужителей и их подготовку к священнослужению и пастырству. Со стороны внешнецерковных отношений при митрополите Феодосии имел место весьма замечательный факт: поставление им греческого митрополита для иерусалимского патриархата по просьбе патриарха. Это событие имело огромное значение для Русской Церкви: оно говорило о фактическом признании на православном Востоке законности русской автокефалии.

Оставив митрополичью кафедру, митрополит Феодосий взял на себя подвиг ухода за расслабленным старцем, которому служил много лет. Скончался он в 1475 году в Троице-Сергиевом монастыре.

Митрополит Филипп I (1464-1473)

Преемником Феодосия стал митрополит *Филипп I*, поставленный в митрополиты собором епископом 11 ноября 1464 года по благословению Феодосия, из епископов Суздальских.

При митрополите Филиппе продолжались нестроения в Пскове и, особенно, в Новгороде. Митрополиту вместе с великим князем *Василием Ивановичем III* (1462-1505) пришлось увещевать псковичей подчиняться их ар-

хиепископу в Новгороде. Развитие событий в Новгороде было связано со сложившейся сложной политической ситуацией. В Новгороде существовала группа, крайне враждебно настроенная к Москве, во главе со вдовой посадника Борецкого – *Марфой «посадницей»*. Эта группа была готова подчиниться Литве. После смерти архиепископа Новгородского святого Ионы (5 ноября 1470 года) дух разделения проник и в церковные круги: появились сторонники литовского митрополита Григория. Митрополит Филипп в двух обширных грамотах увещевал новгородцев сохранить верность Русской Православной Церкви и политическую верность великому князю. Новгородцы, однако, не слушали увещаний и заключили договор с королем Казимиром. Хотя в договоре предусматривалась свобода православия в Новгороде, со временем новгородское православие разделило бы трудную судьбу Юго-Западной митрополии, – в случае успеха замысла новгородцев. В 1471 году великий князь Иван Васильевич выступил в поход против новгородцев, и митрополит до этого увещевавший новгородцев, пишет Ивану III послание с ходатайством за них и призывает его к милосердию. В знаменитой битве на реке *Шелони* 14 июля 1471 года новгородцы были полностью разгромлены. В новом договоре с великим князем была подчеркнута и церковная зависимость Новгорода от митрополита Московского.

В 1470 году митрополиту Филиппу пришлось защищать свои права перед константинопольским патриархом. Дело в том, что в это время униатский митрополит Григорий покаялся в отступничестве, отрекся от унии и был принят в православие патриархом Дионисием I. Но, присоединив Григория к православию и получив от него богатые дары, патриарх признал его митрополитом не только Литовским, но и всея Руси и потребовал отстранения, как незаконного, митрополита, находящегося в Москве, т.е. Филиппа. Патриарх склонял и новгородцев признать Григория, что крайне обостряло положение.

Это была попытка уничтожить автокефалию Русской Церкви, законность которой константинопольские патриархи все еще не признавали. Ответ Русской Церкви и великого князя сформулирован в послании Ивана III в Новгород к тогда еще жившему архиепископу Ионе. Великий князь утверждает, что русское православие выше греческого, запятнанного унией, и подчеркивает политическую зависимость греческой церкви от турецкого султана. В Москве понимали, что султан не применит использовать зависимое положение патриарха в целях давления на Русь. От имени митрополита и епископов он решительно отмежевывается от константино-польского патриарха, имеет его «*чюжа*» и «*отреченна*». Такая твердая позиция говорит о том, что независимая Русская Церковь к этому времени достаточно окрепла. Однако богословское обоснование автокефалии еще не было выработано, а идея превосходства русского православия уже содержала в зародыше мысль о национальной исключительности, приведшую в будущем к расколу.

Хотя униатские притязания Рима перестали быть опасными, митрополиту Филиппу пришлось соприкоснуться с католиками. В 1472 году Иван III вступил в брак с византийской царевной *Софьей Палеолог*, воспитывавшейся в Риме. Брак имел большое значение политическое: Иван Вачиьевич

получал юридическое основание считаться преемником византийских императоров, а Рим, вероятно, рассчитывал вовлечь Россию в предполагаемый крестовый поход против турок. Кроме того, Рим мечтал обратить Русь в католичество при помощи этого брака.¹ Папа Сикст IV послал с Софьей своего легата, кардинала *Антония*, перед которым на всем пути несли католический крест с распятием.

Нежелая оказывать почести католицизму, митрополит заявил, что если легат войдет в Москву с крестом, то он, митрополит, выйдет в другие ворота. Тогда великий князь потребовал убрать крест, и легат подчинился.

Во время пребывания папского легата в Москве была сделана попытка богословских прений между ним и митрополитом Филиппом, причем, инициатива исходила от митрополита. К встрече митрополит готовился заранее, но кардинал уклонился от прений под предлогом отсутствия книг. Каковы бы ни были причины нежелания папского легата спорить с православными (случай весьма редкий для католического деятеля), в Москве его расценили как поражение, и митрополит мог радоваться успеху своего вызова.

При митрополите Филиппе в 1472 году была начата постройка нового *Успенского собора в Кремле*. Старый собор, построенный при Иване Калите, обветшал, и, к тому же, его скромные размеры не соответствовали теперь значению и престижу Русской Церкви. Но построить собор митрополит Филипп не успел – он скоропостижно скончался 5 апреля 1473 года, в разгар строительных работ.

Митрополит Геронтий (1473-1489)

Митрополит *Геронтий* был поставлен в митрополиты в Петров день, 12 июля 1473 года, из епископов Коломенских.

Длительное правление митрополита Геронтия ознаменовалось многими крупными событиями, как в церковной, так и в государственной жизни.

Следует, прежде всего, отметить постоянные столкновения митрополита с великим князем то по второстепенным, то по более существенным вопросам. Так, в 1478 году возник конфликт из-за Кирилло-Белозерского монастыря, который митрополит передал из ведения Ростовского архиепископа Вассиана удельному князю Михаилу Андреевичу Верейскому. Но великий князь встал на сторону архиепископа Вассиана (который был его духовником) и вернул ему монастырь.

В 1479 году при освящении Успенского собора в Кремле возник спор о хождении «*посононь*». Митрополит считал правильным ходить против солнца и был готов покинуть кафедру. Спор принял острый характер, и великий князь даже запретил освящать новые храмы, пока не будет выяснен этот во-

---

¹ А.Л.Хорошкевич, Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. – М., 1980. С. 184-185.

прос. Наконец, митрополит настоял на своем, а Иван III признал свою ошибку.

В 1480 году произошло событие, имевшее огромное значение в русской истории: столкновение с золотоордынским ханом *Ахматом*, закончившееся бескровной победой русских и окончательным падением татарского ига. После трехмесячного стояния на реке *Угре* против друг друга двух воинств, татары бежали. Огромная роль Русской Церкви в этой победе заключалась в том, что митрополит и епископы настаивали на решительной борьбе с врагом, в то время как некоторые советники предлагали великому князю спастись в бегстве. И митрополит Геронтий, и духовник Ивана III архиепископ *Ростовский Вассиан (Рыло)* слали великому князю послания, в которых воодушевляли его на борьбу с Ахматом.

«Послание на Угру» архиепископа Вассиана вошло в число лучших произведений древней русской литературы. Иван III, тем не менее, был склонен более слушать «богатых и брюхатых» (по выражению летописца) советников. Летопись ярко описывает приезд великого князя в Москву и резкое обличение его со стороны Вассиана: «Нача же владыка Вассиан зле глаголети князю великому, бегуном его, называя.., а граждане роптаху на великого князя».¹

Летописи сохранили отрывок пастырского послания по поводу победы над Ахматом, который объясняет, почему победа над ордынцами была достигнута без сражения. В послании говорится: «да не похвалятся несмысленни в своем безумии, глаголюще: мы своим оружием избавихом Русскую землю, – но дадут славу Богу и Пречистой Его Матери Богородицы, тот бо спасе нас, и престанут от такового безумия».² Бог даровал эту великую победу из милосердия, чтобы русские не возгордились, – таков был взгляд Церкви на события.

В этот же период было покончено с новгородскими вольностями. В 1478 году Иван III вынужден был предпринять против Новгорода решительные меры: многие новгородцы были выселены, был снят и вывезен вечевой колокол – символ новгородской вольности, и отобраны многие земли, в том числе церковные: у архиепископа и (частично) у шести крупнейших монастырей. Это была первая секуляризация церковных имений. В 1480 году был арестован Новгородский архиепископ Феофил, обвиненный в отношениях с Литвой. На его место в 1483 году впервые поставлен московский инок Сергей. До этого новгородцы сами выбирали себе архиепископа из природных новгородцев. Теперь они навсегда лишились этой привилегии.

При митрополите Геронтии начало активно действовать и было, наконец, обнаружено крупное противохристианское движение иудейского направления, известное как «ересь жидовствующих».

Внешние церковные отношения при Геронтии были менее активны, чем при его предшественниках. Но при нем в ставленническую грамоту епи-

¹ ПСРЛ, 20, Ч. 1, л. 505 об.; ср. ПСРЛ, 28, л. 414-414 об.

² 14. ПСРЛ, 20, л. 505 об.

скопа было включено (около 1480 года) обязательство не принимать митрополитов, посвященных в Константинополе и зависящих от неверных. 28 мая 1489 года митрополит Геронтий скончался.

Движение жидовствующих (1470-1504) Митрополиты Зосима (1490-1494) и Симон (1495-1511)

Религиозное направление, известное в старое время как *«ересь жидовствующих»*, в современной светской литературе именуется *«Московско-Новгородской ересью»*. Это новое наименование не отражает ни содержания, ни смысла движения, а только область его преимущественного распространения. Слово «ересь» также мало подходит для определения. В источниках оно употребляется в своем исконном смысле, – как «мнение». Поскольку здесь отрицалось само Божество Иисуса Христа и вся православная догматика, то ясно, что речь идет не об искажении христианства, а об его отрицании. Движение имело не этнический, а религиозный характер. Поэтому его следует считать не еврейским («жидовство» – древнерусское название еврейства), а *иудейским*. При этом речь идет именно о движении, как явлении общественного и религиозно-политического характера, учение которого хотя и базируется на Ветхом Завете, но имеет довольно неясные границы. Поэтому наиболее точным определением данного общественно-исторического явления будет «движение иудействующих».

Основными источниками о движении жидовствующих являются сочинения архиепископа Новгородского Геннадия и преподобного Иосифа Волоцкого. Оба они, являясь активными деятелями борьбы с появившейся сектой, хорошо изучили ее суть и происхождение, и поэтому достоверность ими сведений не может вызывать сомнений у добросовестных исследователей. Особенно подробно о ереси рассказывает преп. Иосиф. В первую очередь, благодаря его усилиям, влияние секты было ослаблено.¹

До сих пор является спорным вопрос: имело ли движение четко сформулированное и заключенное в систему учение, или оно было стихийной смесью христианских, иудейских, рационалистических и мистических элементов? Видимо, нельзя отрицать его стихийности в целом, но ядро движения обладало четко сформулированной программой, в которую посвящались, по-видимому, лишь лица, заслужившие доверие. Скорее всего, суть пропаганды была близка к учению современных иеговистов и субботников. Те и другие, как и древние иудействующие, отрицают всю догматику и обрядность Церкви, Иисуса Христа не признают Богом, но лишь особым духовным

---

¹ В современной литературе существует мнение, по которому Схария – плод фантазии преп. Иосифа, якобы «выдуманного» его образ из ненависти к вольнодумцам. Нечего говорить, насколько фальшива эта «теория», цель которой – объявить выдумкой все обвинения в иудействе, возводимые на секту, и представить ее «просветительством», с которым борются православные «инквизиторы». См: Н.А. Казакова, Я.С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV-начало XVI в. – М.-Л., 1955. С. 114, 214, 215.

существом, сотворенным и посланным человечеству. Отсутствие грубого отрицания существования Христа помогает им вести прозелитическую деятельность в христианской среде. Поскольку же о самом родоначальнике движений *Схарии* и его сподвижниках известно, что они придерживались иудейства, нет основания отрицать иудейское вероисповедание в ядре движения.

Начало движения относится к 1470 году. Оно возникло в Новгороде при следующих обстоятельствах. Вступив в переговоры с королем *Казимиром*, новгородцы пригласили к себе Киевского князя Михаила Александровича. С его свитой и прибыл в Новгород некто Схария, который и стал тайно насаждать в Новгороде иудейское учение. Что за личность был Схария, откуда он попал в Киев, действовал ли он самостоятельно или нет, – осталось невыясненным. Однако, судя по характеру его проповеди, он мог быть ученым астрологом – каббалистом. Вскоре на помощь Схарии, ввиду его успехов, прибыло еще несколько – два или больше – таких же «ученых» из Литвы, что говорит о согласованной координации их «миссионерской» деятельности.

Успехи Схарии, видимо, превзошли его собственные ожидания. Ему удалось обратить двух священников: *Дионисия*, *Алексия* и членов их семей настолько, что оба священника хотели обрезать, но были удержаны своими новыми наставниками, боявшимися случайного разоблачения. Особенно ревностным был Алексей. В знак признания его усердия ему и его жене дали новые весьма символические имена Авраама и Сарры. Из этого вполне очевидно, что их переход в иудействе был всецелым. Формально они оставались православными, но к Церкви относились нигилистически. Пасху праздновали по-иудейски. В дальнейшем иудейские проповедники надолго исчезают из исторического поля зрения, представив вести пропаганду русским прозелитам. Пропаганда эта шла весьма активно, причем, среди совращенных были лица, как простого звания, так и духовного. Присоединенные к движению вели себя совершенно скрытно. Умело поставленная конспирация, вообще, мало свойственная русскому человеку, также, очевидно, организована Схарией и его помощниками, имевшими, как следует понимать, богатые традиции в технике конспирации. Благодаря этому, учение распространялось не только в Новгороде, но и по селам в течение целых 17 лет без всякого сопротивления. Особенное внимание иудействующие обращали на духовенство, совращая маловерных или добиваясь проникновения своих тайных агентов в ряды православного духовенства через их рукоположение в священный сан. Об их успехах свидетельствует, например, такой факт, как присоединение к иудействующим протопопа Софийского собора Гавриила.

В 1480 году Иван III посетил Новгород в связи с мерами, принимаемыми против сепаратистских настроений новгородцев. Руководители иудействующих Алексей и Дионисий сумели войти в доверие к великому князю. Легко представить, что на фоне всеобщего недовольства новгородцев увозом вечевых колоколов, конфискацией церковных земель, выселением влиятельных семейств и арестом архиепископа, два тайных лжеучителя стремились поддерживать и всячески одобрять действия великого князя, тем более что

эти действия носили отчасти противо-церковный характер. Не подозревая, с кем имеет дело, Иван III так расположился к льстивым лжесвященникам, что взял их с собой в Москву, сделав Алексия протопопом Успенского собора, а Дионисия – протопопом Архангельского собора.

Теперь движение получило самые благоприятные условия для распространения в центре Церкви и государства, чем оно и воспользовалось. Алексию и Дионисию удалось значительно расширить ряды иудействующих, причем, среди завербованных ими отступников от православия были такие видные лица, как архимандрит Симонова монастыря *Зосима* – будущий митрополит и думный дьяк *Федор Курицын*. Иудействующие сумели проникнуть даже в великокняжескую семью, совратив невестку великого князя Елену. Таким, образом, успехи их пропаганды были очень велики. Только в 1487 году тайна иудействующих была, наконец, разоблачена. Это произошло также в Новгороде: пьяные отступники затеяли ссору и случайно выдали себя. Архиепископ Новгородский Геннадий, как только узнал об этом, стал принимать энергичные меры, но движение уже окрепло, и победить его стало уже нелегко. В 1488 году в Москве состоялся соборный суд над группой из четырех новгородских иудействующих, но решительных мер не было принято.

После смерти митрополита Геронтия в 1489 году иудействующим удалось провести на митрополичью кафедру своего ставленника – Симоновского архимандрита Зосиму, посвященного в сентябре 1490 года. Зосиме, однако, пришлось внешне осудить иудействующих по требованию архиепископа Геннадия. В октябре этого же года состоялось соборное рассмотрение их деятельности и обличенные в иудействе были осуждены на заточение. Часть из них была отослана в Новгород к архиепископу Геннадию, который предал их публичному позору.

Однако эти меры не остановили движения, особенно в Москве, где у него были сильные покровители. Иудействующие даже активизировались, используя то обстоятельство, что 1492 год от Р.Х. являлся 7000 годом от сотворения мира, и, по распространенному поверью, в этом году ожидался конец света. Поскольку ничего не произошло, отступники указывали православным на ложность их мнения, как на ложность веры. Главнейшие деятели иудействующих сохранили свое влияние и распространяли лжеучение. Наконец, открылось иудейство Зосимы. 17 мая 1494 года он был удален с кафедры по обвинению в развратной жизни, хотя главной причиной было его неверие.

На его место 20 сентября 1495 года был поставлен *Симон*, до этого игумен Троице-Сергиева монастыря. Иудействующие продолжали держаться под могущественным покровительством дьяка Федора Курицына, пользовавшегося особенным расположением великого князя, видимо, благодаря своим астрологическим знаниям. Лишь после его смерти в последних годах XV века борьба с иудейским движением приняла решительный характер.

Главными борцами выступали архиепископ *Новгородский Геннадий* и преподобный *Иосиф Волоколамский*. В 1503 году был созван собор по вопросу о вдовых священниках, на нем был поднят и вопрос об отступниках.

В 1504 году собор осудил главных из них на смертную казнь. Другие были посажены в заключение. **Собор 1504 года** нанес сильнейший удар иудейскому движению, которое после этого уже не могло обрести прежнего размаха и силы.

Каким образом иудейская (и околюиудейская) пропаганда могла добиться определенных успехов и продержаться сравнительно долго в православном государстве, где в это самое время мы знаем немало выдающихся подвижников Церкви? Очевидно, «строительным материалом» для иудейских миссионеров служили стихийный материализм и остатки языческих суеверий, которые всюду существовали даже в периоды высшего торжества христианства. Так, сам Иван III, по всей очевидности, был довольно индифферентен в вопросах веры и в своей деятельности больше исходил из политических соображений момента и из выгоды. Вместе с тем, несомненно, Схария и его сподвижники были хорошими специалистами в области магии и своими достижениями старались убедить маловерных. Огромную роль в их деятельности имел чисто отрицательный, разрушительный момент: вслед за отрицанием христианской догматики отрицались обрядность и нравственность. Чувственная свобода и прямой разврат составляли питательную среду их деятельности.

Наконец, лжемудрые выходцы с Запада обладали запасом таких теоретических знаний и чуждых православию идей, перед которыми часто терялось неискушенное сознание русского обывателя. И если он не был укреплен верой, ему трудно было устоять перед чарованиями иудейских кудесников. В Русской Церкви не хватало переводов книг Священного Писания: лишь борьба с иудействующими дала толчок к созданию в **1499** году знаменитой *«Геннадиевой» Библии* (по имени архиепископа Геннадия). Определенную роль сыграло и то, что в Новгороде в XIV веке существовала *ересь стригольников*, остатки которой, видимо, сохранились позднее и подготовили почву для Схарии. Вместе с тем они выступали против церковного землевладения, что находило понимание у Ивана III и многих бояр.

Движение иудействующих оказалось специфическим явлением именно Московской Руси. В Руси Литовской, откуда и пришла в Новгород иудейская пропаганда, среди православного населения в это время неизвестно скольнибудь широкое распространение подобных групп и кружков. По-видимому, их относительному успеху способствовала и более значительная изоляция русских от внешнего мира, чем в Литве, при отсутствии развитого научного знания в православном духе.

Нельзя не обратить внимания и на то, что движение возникает именно в тот момент, когда Россия, только еще освобождаясь от иноземного ига, начинает с необычной быстротой набирать силы, становясь крупнейшим и единственным независимым православным государством, и русская Церковь получает возможность стать самой мощной православной силой в мире. При этом антихристианская пропаганда нацелена на слабое место – Новгород, где почва уже была подготовлена стригольничеством и политическими страстя-

ми. Трудно представить, какова была бы русская история при дальнейшем успешном развитии дела иудействующих.

Москва – Третий Рим

Знаменитая теория «Москва – Третий Рим» выкристаллизовывалась параллельно с освобождением Руси от татарского ига и стремительным ростом Московского государства. Современные исследователи считают, что толчком к ее развитию послужило расширение контактов с окружающими народами, осознаваемое с позиции Православного вероучения.

В Европе существовала «Священная Римская империя» во главе с германским императором. Со времени Ивана III русские государи стремились утвердить отношения равенства с этой империей. Установление автокефалии Русской Церкви, осознание Руси единственным свободным оплотом Православия также являлось важнейшим фактором формирования идеи «Москва – Третий Рим». В понимании древнерусских книжников «Рим» – символ универсального мирового теократического государства, существование которого обуславливается его отношением к истинной вере. Исторически существует цепочка мировых теократий, смена которых обусловлена предупреждением Спасителя: «Отыметса царство от народа сего и дастся народу, приносящему плоды его». И учение о трех Римах делит христианскую историю на три отрезка.

Первый – «Ветхий» Рим, включающий раннехристианскую историю, пал вследствие отделения Римской Церкви от Вселенского православия. Второй – «Новый» Рим – Константинополь – знаменует расцвет и распространение христианства. Он погибает вследствие утраты благочестия в большей части христианского мира, в том числе, в самом Константинополе. Третий Рим – Москва и Русское государство – соответствует последнему периоду мировой истории. Эта историософская концепция нашла преимущественное выражение в знаменитой формуле старца **Филофея** из псковского Елеазарова монастыря в его послании к наследнику Ивана III великому князю **Василию Иоанновичу III** (1505-1533): «*Два Рима пали, третий стоит, четвертому не бывать*». Возможны только три Рима, поскольку три – священное число.

Эта теория была обусловлена эсхатологическим настроением русского общества. Так, падение Константинополя в 1453 году воспринималось как признак последних времен. Наступление конца мира ждали в 7000 году от сотворения мира, т.е. в 1492 году от Р.Х.

Широкое распространение имели апокалипсические апокрифы. Таково «Откровение Мефодия Патарского», повествующее о смене земных царств и о последнем периоде земного мира, когда последний благочестивый царь вручит, будто бы, земное царство самому Господу Богу. Имела хождение, в первую очередь в Новгороде, легенда о «белом клубуке»: будто бы император Константин передал папе римскому Сильвестру белый клубук, который

позднее попадает на Русь, в Новгород, как отличительный признак преимущества русской Церкви. Измена православию на Флорентийском соборе 1437–1439 годов со стороны греческого императора и патриарха воспринималось как апокалипсическое событие. Но признаки упадка веры имелись и на Руси: таково было движение жидовствующих.

В то же самое время пала власть татарского хана, русские земли объединились вокруг Москвы, великий князь Иван III женился на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог. В Москву Софья привезла с собой императорский трон и изображение двуглавого орла – символа Византийской империи.¹

Папа Римский объявил, что дает в приданое Софье «всю Морею и всю ту землю, которую завладели турки с тем, чтобы русский «король» завоевал ее от турок». Это было оправдание будущих русских притязаний на Константинополь. Брат Софьи, Андрей, был в Москве в 1490 году и отказался от прав на императорский престол. Таким образом, права византийского императора перешли к русским государям, и в 1498 году Иван III уже венчал своего внука Дмитрия на царство. Но государем стал не Дмитрий, а Василий Иоаннович III, который, хотя и не решился провозгласить себя царем, но осознавал себя таковым и правил вполне единовластно. Что касается трона Софьи Палеолог, то в дальнейшем на нем короновались русские царицы вплоть до Александры Федоровны, супруги Николая II.

Дальнейшее развитие идея «Москва – Третий Рим» – получила уже в середине XVI века.

---

¹ Е. Воронец. Кто наследовал права византийских императоров. СПб., 1898, с. 10-14.

Церковное искусство конца XV – начала XVI веков

Столица мирового православного государства, занявшего место Византийской империи, должна была иметь символику и эмблематику, свидетельствующие о преемственности Москвы Константинополю. Вступив в брак с Софьей Палеолог, Иван III вводит заимствованный у Византии герб с изображением *двуглавого орла*, который символизирует симфонию духовной и светской власти. Получает распространение образ Божией Матери *Одигитрии*, считавшийся покровителем Константинополя.

Государственная символика ярче всего проявляется в *архитектуре*. Обращает внимание, что именно в год бракосочетания московского великого князя с византийской царевной (1472) митрополит Филипп начинает строительство нового, грандиозного *Успенского собора в Кремле* на месте старого, построенного еще в 1326 году и уже значительно обветшавшего. К тому же, прежний храм был невелик по площади. Очевидно, политические перспективы этого брака были одной из причин, вдохновивших митрополита на создание такого храма, который бы достойно свидетельствовал о Москве как подлинной столице всего православного мира. Постройка нового Успенского собора вызвала строительство или глубокую реконструкцию еще ряда кремлевских храмов – *Благовещенского, Архангельского, Ризоположения*, которые создали совершенно неповторимый во всех отношениях уникальный ансамбль, навсегда оставшийся славой русского церковного зодчества. Разумеется, нельзя проводить прямолинейное сравнение московского Успенского собора с храмом Софии Константинопольской, строительство которого опиралось на всю экономическую мощь империи Юстиниана; но, тем не менее, в целом ансамбль кремлевских храмов и монастырей, действительно, оказался достойным церковно-архитектурным оформлением «Третьего Рима».

Успенский собор начали строить московские мастера, но начатая постройка обрушилась. Тогда было решено, вероятно, не без содействия Софии, обратиться к итальянским архитекторам. Посредницей между Востоком и Западом была Венеция, где была сильна греческая община, и существовали традиционные связи с православным миром. Русский посол в Венеции *Семен Толбузин* пригласил в Россию выдающегося архитектора и инженера *Аристотеля Фиораванти*, который прибыл в Москву в 1475 году. В качестве основного образца для строительства ему был указан Успенский собор во Владимире. Фиораванти посетил Владимир и, по некоторым сведениям, Север, вплоть до Соловецких островов.

Ко дню Успения 1479 года собор был выстроен. По словам летописца, «бысть же та церковь чюдна велми величеством, и высотой, и светлостью, и звонностью, и пространством, такова же преже того не бывала на Руси...». В дальнейшем Московский Успенский собор оказал огромное влияние на русскую церковную архитектуру.

С этого периода в Кремле осуществлялось длительное, почти непрерывное строительство. Сразу вслед за Успенским собором, в 1480-1481 годах, рядом со двором митрополита, был выстроен собор *Богоявленского мо-*

настыря, разобранный в XVIII веке. Этот собор был выстроен, как предполагается, русскими мастерами. В 1482-1489 годах псковские зодчие перестроили великокняжескую домовую церковь – *Благовещенский собор*. Одновременно, в 1484-1485 годах, была перестроена также и домовая церковь митрополита – *церковь Ризоположения*. У нее лишь одна глава, что придает ей в целом более скромный вид, по сравнению с многоглавым великолепием великокняжеского храма. Несколько позднее, после строительства ряда светских зданий (Грановитая палата, дворец и др.), был перестроен *Архангельский собор*. Здесь работы вел итальянский архитектор *Алевиоз Новый* в 1505-1509 годах. Этот собор был великокняжеской усыпальницей, и тем более значительны его радостные, несколько пышные формы и декорировки. Архитектура этого храма особенно напоминает о вечной жизни, о воскресении и о радости, ожидающей верных.

Одновременно с Архангельским собором, в 1505-1508 годах началась перестройка церкви *святого Иоанна Лествичника* с колокольной. Это знаменитая колокольня, вернее, храм-башня «*Иван Великий*», который несколько раз надстраивался, вплоть до времени Бориса Годунова, закончившего строительство в 1600 году. В других городах и монастырях так же воздвигались многочисленные храмы, в основном – деревянные.

Одновременно с итальянцами в Кремле работали не только русские зодчие, но и иконописцы. Крупнейшим из них был *Дионисий*. В 1481 году он, вместе с другими иконописцами, написал Деисус в Успенский собор по заказу архиепископа Ростовского Вассиана Рыло, духовника великого князя. Этот Деисус не сохранился, но остались росписи Дионисия в Похвальском приделе Успенского собора. Из других работ Дионисия, который работал вместе с двумя сыновьями, *Феодосием* и *Владимиром*, наиболее известны росписи Ферапонтова монастыря (1500-1502 годы) и иконы, написанные для Успенского собора: святого митрополита Петра с житием и святого митрополита Алексия с житием. Существует целый ряд других, написанных им икон.

Дионисий был последним из великих иконописцев средневековья. Его живопись необычайно прозрачна, образы как бы бестелесны. Они оставляют впечатление видения, это подлинно духовное искусство. Эпоха, когда творил Дионисий и современные ему иконописцы (2-я половина XV – начало XVI века) ознаменована в духовно-культурном отношении тремя, уже известными нам факторами.

Первый из них – сознание преемственности с Византийской империей, что налагало на Русь не только церковно-политическую, но и церковно-культурную ответственность. Как архитектура, так и живопись должны были быть достойными «Третьего Рима» и свидетельствовать миру истину и величие Православия. Таким образом, Дионисия позволительно назвать «*иконописцем Третьего Рима*».

Второй фактор – пребывание в Москве итальянских мастеров, которые, как это обычно было в эпоху Ренессанса, могли быть сразу зодчими и живописцами. Есть сведения, что первоначальная роспись паперти Благовещенского собора была выполнена западными художниками в стиле Ренессанса.

Это была первая крупная встреча русских с западной культурой. Poleмика, которую митрополит Филипп начал с кардиналом Антониом, сопровождавшим Софью, продолжалась на стенах сооружаемых в Кремле соборов. Западные художники показывали и предлагали свое мастерство, свою духовность. Нужно было воздержаться от соблазна новизны, содержащегося в их работах, и всегда очень сильного. Более того, нужно было показать великое преимущество православного, подлинно духовного, канонического образа над приниженным, оплотневшим, страстным западным искусством. Это было серьезное испытание, из которого на этот раз русские иконописцы вышли, несомненно, с честью.

Наконец, третий фактор, влиявший на церковное творчество этого времени – движение иудействующих. Их отрицанию всей православной духовности, их неверию Церковь противопоставляла не только свое учение, но и свидетельство образа, через духовную красоту иконы она возводила верующий ум к первообразу. Резко враждебная критика иудействующих требовала от Церкви и, в частности, от иконописцев творческого ответа. Известные нам вожди иудействующих Алексей и Дионисий «священствовали» в Успенском и Архангельском соборах как раз в то время, когда в Кремле работали западные зодчие и трудился иконописец Дионисий с другими мастерами. О иконописце Дионисии известно, что он был близок и с преп. Иосифом Волоцким, и с «заволжскими старцами». Известно «Послание иконописцу», написанное Дионисию святым Иосифом. Своей палитрой он служил защите православия против его врагов с глубоким сознанием духовной ответственности иконописца. По некоторым данным, Дионисий закончил свой жизненный путь игуменом Саввино-Сторожевского монастыря.

Середина XVI века также знает много выдающихся произведений церковного искусства. Таков собор *Василия Блаженного* в Москве, церковь *Святого Духа* в Троице-Сергиевом монастыре. Царские иконописцы создавали многочисленные иконы. Для грандиозного летописного свода было создано 16 тысяч миниатюр. Замечательна была церковно-певческая культура этого времени. Возникает много новых распевов. Так, знаменитый распевщик *Федор Крестьянин*, живший в Александровской слободе, усовершенствовал знаменный распев. Новгородец *Иван Шайдура* создал систему помет, облегчив нотную запись.

Глава II

ЦЕРКОВЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Помимо разгрома жидовствующих начало XVI века ознаменовано и другими церковными событиями.

При митрополите Симоне, на соборе 1503 года, были приняты следующие решения: запрещение епископам брать за поставление в церковные степени, запрещение служить в миру вдовым священникам и диаконам, запрещение священнослужителям совершать Литургию, если накануне они впали в пьянство, запрещение монашествующим разного пола жить в одном монастыре. Все это дисциплинарные вопросы, очень важные в церковной жизни того времени. Еще один очень важный вопрос, поднятый на соборе 1503 года, касался монастырской земельной собственности.

Столкнулись две точки зрения. По одной из них, выражаемой заволжскими старцами *Паусием Ярославовым* и преподобным *Нилом Сорским*, вотчинное владение есть нарушение монашеского обета нестяжательности, монахи должны жить трудом рук своих или милостыней христоролюбцев. Накапливаемые монастырями богатства, по их мнению, являются причиной распространения ересей и падения авторитета Церкви.

Другая точка зрения наиболее полно была высказана преподобным *Иосифом Волоколамским*, защищавшим церковное землевладение. По этой точке зрения, строительство и ремонт церковных зданий, все, необходимое для богослужения, обучение и обеспечение клира невозможно без средств, источником которых являлось в то время землевладение. Исторический опыт Церкви показывает, что наличие монастырских имений с древних времен не препятствовало достижению вечного спасения, хотя злоупотребления возможны и всегда были. В монастырях приготавливаются будущие иерархи, и для их подготовки нужны средства. Наконец, Церковь должна оказывать благотворительность, для чего также нужны средства.

Первая точка зрения, выражаемая «*нестяжателями*», имела поддержку великого князя Ивана Васильевича, который надеялся обогатиться за счет монастырей. Но подавляющее большинство участников собора встало на защиту монастырского землевладения. Возвышенная и благородная позиция «нестяжателей» имела своим идеалом Фиваидскую пустыню, но она не вмещает всей многогранности монастырско-церковной действительности. Для того, чтобы Церковь во всей полноте несла в мир апостольскую проповедь, необходима определенная материальная обеспеченность. Это и защищал Иосиф Волоцкий.

Эпоха митрополита Геронтия и Симона характеризуется резким возрастанием государственной мощи Москвы, которая постепенно становится центром Русского государства. Все большее увеличение места и значения России на политической карте тогдашнего мира требовало осмысления и соответствующего оформления идеи Русского православного царства.

Митрополит Варлаам (1511-1522)

В 1511 году, через три месяца после смерти митрополита Симона на Московскую первосвятительскую кафедру был возведен **Варлаам**, архимандрит Московского Симонова монастыря. Решающую роль в его поставлении сыграл личный выбор великого князя Василия Иоанновича. От епископата требовалось только согласие.

Наступивший период характеризуется существенным изменением отношений между Церковью и рождающейся русской монархией: не успев еще стать царством, «Третий Рим» уже стремится подчинить себе церковную иерархию. Если Иван III всей своей неприязни к митрополиту Геронтию так и не смог свести его с престола, то наследовавший ему Василий III уже чувствовал себя настолько сильным и единовластным государем, что по своему собственному решению не только ставил, но, как мы увидим, и низлагал митрополитов. Именно в этом фактическом подчинении высшей иерархии воле государя и состоит значение данного исторического момента. В дальнейшем зависимость митрополитов от монарха еще более усиливается: «...хотя митрополиты наши большую часть были избираемы, а иногда и судимы соборами, но всегда под преобладающим влиянием государей; иногда же и избирались и удаляемы были от кафедры непосредственно властью самих государей... При Иоанне III удален был только один из них, и совершенно законно (митр. Зосима – А.С.); Василий Иоаннович удалил также одного, но по своей воле; Иоанн Грозный удалил трех, кроме тех двух, которые удалены были в его малолетство происками бояр; даже при кротком и набожном Феодоре Иоанновиче лишен был своей кафедры один наш первосвятитель по внушению Бориса Годунова».¹

Митрополита Варлаама современники характеризуют как мужа святой жизни, но великий князь остался им недоволен. По своим монашеским убеждениям Варлаам примыкал к «заволжским старцам», «нестяжателям». Он, видимо, довольно резко разграничивал государственную и духовную сферу и не стремился идти навстречу произвольным желаниям великого князя.

О деятельности митрополита Варлаама сохранилось мало сведений. Из важных политических событий его времени следует отметить **возвращение Смоленска** (1 августа 1514 года), находившегося более столетия в составе Литвы. Одновременно произошло воссоединение с Московской митрополией Смоленской епархии.

При митрополите Варлааме учащаются сношения с восточными церквями. В 1515 году была послана грамота на Афон, с просьбой прислать книжного переводчика. Одновременно великий князь разрешил афонским монастырям собирать в России милостыню. В 1518 году с Афона прибыла небольшая группа монахов, среди которых был и избранный афонскими старцами ученый переводчик – знаменитый **Максим Грек**. В то же время

---

¹ Митрополит Макарий, с. 48.

прибыло посольство от константинопольского патриарха *Феолимта*. Александрийский патриарх *Иоаким*, иноки Синайской горы присылали за милостыней.

Митрополиту Варлааму пришлось иметь дело с отзвуками движения жидовствующих. Появился некий «жидовин» *Исаак*, пытавшийся, очевидно, возобновить дело Схарии. Около 1520 года был созван собор по делу Исаака. Главным обличителем его выступил преподобный Максим Грек, который, в духе святого Иосифа, советовал предать его внешней власти на казнь.

Сохранились известия о любви митрополита Варлаама к иконописанию: Варлаам сам писал иконы. Так, в 1518 году он торжественно встречал и, затем, сам обновлял в своих палатах две иконы – Спасителя и Божией Матери – из Владимира.

В 1521 году объединенные силы казанских и крымских татар напали на Русское государство и дошли до Москвы. Великий князь уехал собирать войско, оставив в столице митрополита и воевод. Одновременно продолжалась длительная война с Литвой, закончившаяся только в 1522 году. События этой войны дали толчок к удалению Варлаама. Василий III подозревал одного из пограничных князей, Василия Шемячича, князя Новгород-северского, в измене, и хотел именем митрополита заманить его в ловушку. Когда Варлаам отказался взять роль предателя, он был низложен и вскоре сослан в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Его удаление произошло в декабре 1521 года. Так излагает дело С. Герберштейн, бывший в Москве в 1526 году. Год смерти митрополита Варлаама неизвестен.

Митрополит Даниил (1522-1539)

Митрополит *Даниил* был выбран и поставлен по единовластному решению Василия Иоанновича на место удаленного митрополита Варлаама в начале 1522 года.

Новый избранник великого князя был преемником по игуменству преподобного Иосифа в Волоколамском монастыре и был давно известен Василию III. Это был человек разнообразно одаренный: талантливый администратор, блестящий писатель и проповедник. Необходимо, однако, сразу же указать, что он был выбран игуменом не по желанию преп. Иосифа. Преп. Иосиф, чувствуя приближение смерти, назвал целых десять кандидатов для выбора братьей, но среди названных Даниила не было. Преп. Иосиф, превосходно зная людей, был проницателен и желал своему монастырю достойного преемника. Братия, которая глубоко чтит и любила преп. Иосифа и которая была воспитана им в духе строжайшего послушания, тем не менее, выбирает игуменом именно Даниила. Это можно объяснить ничем иным, как вмешательством великого князя Василия Ивановича, который объявил себя покровителем Иосифова монастыря и, вместе с тем, позволял себе сам назначать в монастыри настоятелей. Вполне ясно, что назначение Даниила помимо жела-

ния преп. Иосифа не могло быть совершено без ведома великого князя. Известно, также, что Даниил был честолюбив и выражал желание пойти на игуменство: «во ин пастырь». Поэтому можно думать, что великий князь его уже знал и поставил во главе Иосифова монастыря, как наиболее преданного ему, великому князю, человека. Волей великого князя объясняется и то, что Иосиф не стал возражать против игуменства Даниила.

За годы игуменства Даниила (1515-1522 гг.) великий князь имел возможность изучить его настолько хорошо, что мог безошибочно видеть в нем послушного исполнителя своей воли. Таким исполнителем и показал себя Даниил, став митрополитом. В личности митрополита Даниила Русская Церковь впервые получает новый тип церковного деятеля, который вполне сознательно и последовательно ставит во главу угла интересы монарха и его государства, подчас не стесняясь поступиться именем и интересами Церкви.

С первых же дней своего правления митрополит Даниил беспрекословно выполнил волю великого князя в деле, послужившем низвержению митрополита Варлаама.

Вместе с великим князем Даниил заманил в Москву удельного Новгород – Северского князя *Василия Ивановича Шемячича*, дав ему охранную крестоцеловальную грамоту. Поверив митрополиту, Шемячич приехал в Москву, где был арестован по подозрению в измене и посажен в заключение. А митрополит Даниил находил возможным говорить, что Бог избавил великого князя от «запазушного врага».

Другим крупным делом, в котором Даниил позволил себе пожертвовать церковными установлениями из прямого угодничества светской власти, был развод великого князя с его женой Соломонией Сабуровой и новый брак с *Еленой Глинской*. Причиной развода было отсутствие потомства у Соломонии. После смерти Василия III престол должен был бы перейти к боковой линии. Но великий князь непременно хотел иметь наследником сына. Бояре подали мысль о разводе. Обратились к митрополиту. Даниил не имел силы отказать великому князю, но он понимал, какое впечатление произведет на народ такое вопиющее нарушение церковных канонов. Он предложил написать восточным патриархам на Афоне, но это только отсрочило дело. Ответы пришли, разумеется, отрицательные: тем не менее, великий князь не хотел отказываться от идеи нового брака. И митрополит Даниил в ноябре 1525 года развел его с Соломонией, которая была пострижена в монахини с именем Софьи, а уже в январе следующего года митрополит венчал Василия Ивановича с Еленой Глинской. Крайне неблагоприятное впечатление от этих действий митрополит пытался нейтрализовать своим красноречием: он написал целых три слова; в которых говорил о недопустимости нарушения церковных канонов в отношении брака, и оправдывал развод и новый брак великого князя исключительными государственными нуждами.

Немало сил и энергии потратил Даниил на борьбу с преподобным Максимом Греком, которого он дважды подверг несправедливому осуждению на соборах 1525 и 1531 годов.

В декабре 1533 года великий князь Василий Иванович скончался, оставив трехлетнего наследника – Ивана Грозного. Даниил был формально поставлен главой боярской думы, но, фактически, стал игрушкой страстей, раздиравших боярское правление. Так, он вновь совершил предательство, заманивая в ловушку старицкого князя Андрея Ивановича.

В области собственно церковной Даниил пассивно стал содействовать боярскому правительству в проведении мер, направленных на экономическое стеснение Церкви и духовенства. Так, в 1534 году, при строительстве в Москве Китайгородской стены и в Новгороде городской стены, впервые на духовенство была распространена денежная подать на строительство. В 1535 году были взяты деньги у новгородского архиепископа Макария и монастырей на выкуп пленных в Крыму. В 1536 году у новгородских монастырей и церквей были отобраны пожни и им же сданы в аренду; так бывшие владельцы превратились в арендаторов.

В 1538 году скончалась великая княгиня Елена, покровительствовавшая Даниилу, и борьба бояр между собой приняла особенно острый и непримиримый характер. Основными соперниками в борьбе за власть были князья Шуйские и князь Иван Бельский. Даниил принял сторону Бельского, но одолели Шуйские. 2 февраля 1539 года происками Ивана Шуйского митрополит Даниил был сведен с кафедры и отправлен в Иосифо-Волоколамский монастырь, где и скончался через 8 лет, в 1547 году.

Говоря о митрополите Данииле, необходимо отметить его талант писателя. Сохранилось более десяти его «Слов» и посланий, в которых Даниил красноречиво и ярко бичует пороки и мирские увеселения. Перу Даниила принадлежит также редактирование известного *Никоновского* летописного свода.

Подвижничество

Выдающимися подвижниками 2-й половины XV – начала XVI века были преподобные Нил Сорский и Иосиф Волоколамский – выразители духовных исканий своего времени. Оба святые – не только отшельники, но и деятели. В этот период в связи с грандиозными историческими событиями происходит реорганизация жизни всего русского народа. Вместе с тем, в церковной жизни было много темных, отрицательных явлений, на которые охотно ссылались отступники от веры в своей критике Православия. Вставали вопросы о дальнейших путях Русской Церкви в открывающихся исторических перспективах, о способах просвещения и духовного окормления. Особенно важное значение имело состояние монашества, поскольку оно – барометр духовного здоровья общества.

Преподобный Нил Сорский

Преподобный *Нил Сорский* (1433-1508), по преданию, происходил из рода бояр Майковых. В юности он постригся в Кирилло-Белозерском монастыре. Важнейшим событием в его жизни было путешествие на Восток. Некоторое время он прожил на Афоне. Глубоко воспринятый и перенятый опыт восточного, и более всего, афонского монашества определил его жизнь и деятельность на Руси. Преподобный Нил глубоко изучил и проработал творения отцов Церкви. По возвращении он не остался жить в Кирилло-Белозерском монастыре, а поставил свою келлию на реке Сорке, в нескольких верстах от Кириллова монастыря. Постепенно вокруг него собралась небольшая группа учеников, числом двенадцать. Так возникла *Нило-Сорская* пустынь, в которой Нил положил начало неизвестному ранее на Руси скитскому монашеству, которое он назвал *«средним»*, *«непада-тельным»* путем. Келлии стояли на недалеком расстоянии друг от друга, но и не слишком близко.

Главным занятием отшельников было служение просветительству: они должны были переписывать книги. Свои поучения Нил Сорский оставил в виде двух сочинений: *«Предания ученикам о жительстве скитском»* и *«Устава»*. В своих писаниях он тщательно следует Отцам Церкви, стараясь не вносить ничего личного. В основе его наставлений со всей очевидностью лежит афонская практика. Главное занятие монашествующих – т.н. *«умное делание»*, т.е. внутренняя молитва. Преподобный Нил объясняет суть афонской практики сведения ума в сердце, учит о стяжании неизреченного света и безмолвия. Самое главное – следование воле Божией. Он также подробно излагает психологию греха, который развивается в человеке постепенно, проходя, пять ступеней: прилога, сочетания, сложения, пленения, страсти.

В отношении внешнего устройства Нил Сорский был весьма строг и высказывался против всякой пышности в храмах, даже против употребления драгоценных сосудов. В своем скиту он запретил строить каменный храм.

Последовательно осуществляя свои программы в собственной жизни, святой Нил в духовном завещании просит братию не предавать его тело погребению, а бросить его на съедение зверям. Жизнь преподобного Нила является примером полного смирения и отдания себя в волю Божию.

При анализе церковно-общественной позиции Нила Сорского необходимо иметь в виду его богатый опыт знакомства с жизнью Православия в Греции и на Востоке. Рассказы о падении Царьграда он слышал, вероятно, с юности. Он посетил Царьград и какие-то иные области в период глубокого унижения, упадка Православия и видел торжество иноверцев там, где совсем недавно существовали богатые монастыри и совершались пышные богослужения, а глава государства являлся покровителем Православия. Человек впечатлительного и созерцательного склада, он должен был глубоко проникнуться острым сознанием тщеты всего земного: стоит ли строить *«Третий Рим»*, когда вот только что, на глазах современников, полностью разорен и повергнут в прах *«Второй Рим»*?

Святой Нил своими глазами, конечно, видел храм Святой Софии, уже обращенный в мечеть. У себя на родине он видел примеры упадка веры и в

народе, и среди монашества, и при дворе. Великий князь был равнодушен к делам веры и хотел обогатиться за счет церковных имений. Святой Нил считал, что укрепление веры следует вести от очищения, углубления самой веры, а не через создание внешних подпорок, которые все равно – рано или поздно, но неизбежно рухнут, если не будет укреплено главное – сама вера. Сам Святой Нил говорил о своем стремлении избежать всякой славы, и внешняя неудача его общественных выступлений могла иметь причиной то, что он стоял намного выше своей эпохи в понимании происходивших исторических изменений. Вообще, ощущается нечто вневременное в подвиге преподобного Нила Сорского.

Святой Иосиф Волоколамский

Святой *Иосиф Волоколамский* (1439-1515), в миру *Иван Санин*, был внуком выходца из Литвы. Начальное образование будущий подвижник получил в монастыре. Когда ему исполнилось 20 лет, по благословению старца Варсонофия, он пришел к святому Пафнутию Боровскому, который взял его в свой монастырь. В монастыре святого Пафнутия святой Иосиф прожил 18 лет. В 1477 году, после смерти святого Пафнутия и по его воле святой Иосиф становится игуменом его монастыря. Однако строгость нового игумена вызвала недовольство братии, и святой Иосиф тайно уходит. Он посещает разные монастыри, особенно ему нравится Кирилло-Белозерский монастырь. Проходит еще некоторое время, и в 1479 году святой Иосиф создает собственный монастырь с храмом во имя Успения Божией Матери в пределах Волоколамских.

Святой Иосиф видел вокруг случаи упадка веры и благочестия, и все свои силы посвятил на борьбу с этим духом упадка. В своем монастыре он заводит образцовые порядки и строгую дисциплину. Ему удалось привлечь немало знатных и богатых людей, которые делали большие вклады, многие из них постригались. Все несли послушание, независимо от социального происхождения, бывшие князья и бояре трудились наравне с выходцами из крестьян на самых тяжелых послушаниях. Тем не менее, в монастыре было установлено три категории монашествующих, в зависимости от рода послушания. Чернорабочие получали только хлеб и ветхую одежду. Второй чин получал горячую пищу, носил мантию, шубу, кожаную обувь. Высший чин получал калачи и по две одежды. Однако все носили под одеждой власяницы. В монастыре была создана образцовая библиотека, имелся приют для детей. В голодные годы монастырь кормил до 700 человек в день. Таким образом, преп. Иосиф впервые на Руси поставил одной из задач монастыря осуществление широкой социальной программы.

Среди братии Иосифа Волоцкого было немало подвижников. Один носил на теле кольчугу; другой спал только сидя; третий клал по две-три тысячи поклонов ежедневно. Некоторые зимой терпели невыносимый мороз. В монастырь был запрещен вход женщинам, а сам игумен, который трудился и

подвизался наравне со всеми, отказался принять свою мать, когда она захотела посетить его.

Монастырь преподобного Иосифа оказался замечательной школой, из которой вышло большое количество епископов в XVI веке. Некоторые из них прославились святостью жизни.

Другим поприщем святого на котором он не менее прославился, была борьба с иудействующими. Он выступал не только как деятель и организатор этой борьбы, но и как писатель. В целях полемики с этими врагами христианства святой Иосиф написал знаменитый труд под названием «*Просветитель*», который является первым русским изложением православной догматики. Вообще святой Иосиф был плодовитый писатель и оставил большое количество сочинений: «*Устав*», «*Послания*» и др.

Если Нил Сорский был в полном смысле слова не от мира сего (хотя и в миру), то преподобный Иосиф был одним из активнейших церковных политиков. Свои усилия он усерднейшим образом направлял на укрепление союза Церкви и государства по византийскому образцу. Иосиф Волоцкий – самый крупный богослов «Третьего Рима», хотя в его время это учение еще не успело сформироваться.

В своей теории государственной власти Иосиф Волоцкий исходил из очень ясных предпосылок: «...*За царское согрешение Бог всю землю казнит*», - писал он в послании к духовнику Ивана III игумену Митрофану, и эта неразрывная связь «земли» и высшей власти и лежит в основе его взглядов.

Святого Иосифа часто обвиняют в жестокости по отношению к отступникам. На эти обвинения, раздававшиеся уже в его время, Иосиф дал свои собственные ответы. Подкрепляя свои положения многочисленными ссылками на Святое Писание, каноны святых отцов, Иосиф Волоцкий обосновывает необходимость защиты стада верующих от расхищающих его волков. Он видел, что великий князь поддерживает сектантов, а не Церковь. И опыт Византии, и опыт Запада убеждал его в необходимости для государственной власти принимать крайние меры против отступников в целях защиты не только веры, но также нравственности и государственной устойчивости.

Преподобные Нил и Иосиф жили в период, когда только начинались еще мало заметные сдвиги в мировой жизни, которые привели Россию, как и Европу, к новому времени, с господством нового, секулярного духа. Оба они чутко уловили его и восстали против этого духа, но с разных сторон. Вся деятельность преподобного Иосифа – титанические усилия сохранить веру и благочестие в народе и государстве вопреки начинавшемуся процессу расцерковления.

В изучаемый период Русская Церковь цветет святостью. Среди выдающихся подвижников можно назвать преподобных *Антония Сийского*, *Арсения Комельского*, *Александра Свирского*. Последний удостоился принять трех небесных странников подобно Аврааму. Такое же явление было преподобному Даниилу Переяславскому. Суровый и жестокий великий князь Василий Иоаннович сделал святого простеца Даниила приемником своих детей.

Преподобный Максим Грек

Преподобный *Максим Грек* (1470-1556), в миру *Михаил Триволис*, происходил из знатного рода, близкого к династии Палеологов. Родился около 1470 года в г. Арте у благочестивых родителей, которые постарались дать своему сыну прекрасное образование. В то время, после завоевания Греции турками, высшее образование можно было получить только в Европе, и в 1492 году молодой Триволис приезжает в Италию. Он посещает итальянские университеты, тесно общается с крупнейшими гуманистами. Гуманизм, однако, не увлек его. Особенно сильное влияние на него оказал знаменитый проповедник *Джироламо Савонарола*. С кафедры главного храма Флоренции – Санта Мария дель Фьоре (церковь Божией Матери) Савонарола с силой и гневом обличал пороки, процветавшие в Италии, не боясь выступить против самого папы, развратного *Александра VI Борджиа*. Во Флоренции влияние Савонаролы было колоссальным. Деятельность Савонаролы завершилась трагически: он был повешен и сожжен, но в душах многих служителей он оставил неизгладимый след. Одним из его поклонников был Михаил Триволис.

Много лет спустя, на Руси, Максим Грек будет сравнивать его с древними мучениками. Уже после гибели великого проповедника молодой подвижник поступает в доминиканский монастырь во Флоренции, где Савонарола был когда-то настоятелем. В течение двух лет 1502-1504 годов он изучает здесь богословие и философию. Но, оставаясь православным человеком, молодой искатель спасения не мог удовлетвориться католической схоластикой. Он покидает Италию и в 1505 году появляется на Афоне, где постригается в *Ватопедском* монастыре с именем Максима. Здесь он пробыл 10 лет в сосредоточенном молитвенном делании и в ученых занятиях.

В 1515 году великий князь Василий Иванович и митрополит Варлаам обратились на Афон с просьбой прислать им ученого инока Савву. Но Савва был уже преклонного возраста и болел, и вместо него в Россию был направлен инок Максим. В 1518 году небольшая группа афонских монахов, в том числе и Максим, пребывают в Москву. С этих пор судьба Максима неразрывно связана с Россией. В Москве Максим скоро становится центром внимания людей, интересовавшихся богословскими вопросами. Благодаря своей обширной историко-богословской эрудиции, знанию языков и богатому жизненному опыту, он являлся своего рода ходячей энциклопедией и делился со своими московскими слушателями сведениями буквально из всех областей знаний.

Первая работа, которая была поручена преподобному Максиму в Москве – перевод на русский язык *Толковой Псалтири*. Поскольку он еще не знал русского языка, пришлось делать двойной перевод: Максим переводил с греческого на латинский, а русские переводчики переводили с латинского на русский. После окончания этого образцово выполненного труда Максим был

оставлен в Москве вопреки обещанию великого князя отпустить его обратно на Афон.

Оставленный в России, Максим втянулся в атмосферу споров и борьбы мнений по разным вопросам. В отношении монастырского землевладения он был близок к «нестяжателям». Пока во главе Церкви стоял митрополит Варлаам, положение Максима было прочным. Но митрополит Даниил, представитель «иосифлян», по-иному отнесся к Максиму. Отношения с Даниилом Максим испортил еще тем, что отказался переводить по его требованию «Историю Церкви» блаж. Феодорита, мотивируя свой отказ тем, что подробно изложенные в этой книге ереси послужит к соблазну читающих. Великого князя Максим также восстановил против себя, выступив против его методов управления и против развода с Соломонией (это, конечно, раздражало и Даниила, согласного на развод).

Возникший конфликт закончился соборным судом над Максимом, состоявшимся в 1525 году. Характерно, что материалом судебного процесса были не действительные разногласия Максима с митрополитом и великим князем, а совершенно ложные обвинения. Первым шло обвинение в ереси: будто бы Максим учил, что «седение Христово одесную Отца мимошедшее и минувшее». Основанием для такого немыслимого по отношению к Максиму обвинения был неправильный перевод с греческого, допущенный Максимом по недостаточному знанию русского языка.

Обвинили Максима также и в политических преступлениях: в шпионаже в пользу турецкого султана и в оскорблении великого князя в частных разговорах.

Наконец, в добавление ко всему, Максим был обвинен... в колдовстве: «волшебными хитростями еллинскими писал еси водками на дланех своих и распростирал длани свои против великого князя... и против иных многих ... волхвуй».

Такое собрание самых страшных обвинений обрекло Максима на смертную казнь. Однако – может быть ввиду явной их ложности – собор ограничился отлучением его от Церкви и осуждением на пожизненное тюремное заключение.

Заключение Максим должен был отбывать в Иосифо-Волоколамском монастыре, в котором он не мог рассчитывать на снисхождение. Там Максиму приходилось очень тяжело: «мразы и дымы, и глады уморен был». В 1531 году состоялся новый соборный суд, направленный против Максима и видного деятеля «нестяжателей» – *Вассиана Косого*. Вассиан Косой – в миру князь Патрикеев – был насильно пострижен в монахи. «Князь-инок» активно выступал против вотчин овладения, был противником митрополита Даниила и другом Максима.

На соборе 1531 году были возобновлены обвинения в «ересях», основывавшиеся на грамматических ошибках переводов, причем в вину ставились даже простые описки писца. На этот раз Максима, как и Вассиана, обвиняли в выступлениях против церковного землевладения, причем и здесь неприязнь Максима к монастырским именьям была преувеличена. Кроме

всего этого в вину Максиму вменялось отсутствие покаяния в заключении и похвальбы «еллинскими и жидовскими волшебными хитростями». Все эти новые клеветы были явно продиктованы неутоленной враждой митрополита Даниила. Преподобный Максим, понимая бесполезность спора с подобными судьями, только земно кланялся и просил прощения в тех винах, какие мог признать.

По решению собора он был послан теперь в Тверской Отрочь монастырь под надзор Тверского епископа Акакия. Акакий, хотя и был из постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря, доброжелательно отнесся к Максиму и облегчил его участь. Там Максим получил возможность заниматься литературной деятельностью. В Отроче монастыре ему пришлось прожить 20 лет. Ни его обращения к митрополиту и царю, ни ходатайства Ватопедского монастыря и константинопольских патриархов не могли изменить его грустной участи. Только в 1551 году по ходатайству влиятельного в тот момент игумена Артемия Максима Грека перевели в Троице-Сергиев монастырь, где он и скончался и 1556 году.

Преподобный Максим был очень плодовитым писателем, и его просветительская роль огромна. Вся его жизнь в России – непрерывный подвиг служения Церкви и страдания ради истины. В своих писаниях он разоблачал западные заблуждения, суеверие, астрологию, порочные нравы и т.д. Его личность оставила глубокий след в Русской Церкви.

Глава III

ЦЕРКОВЬ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

В период малолетства Ивана Грозного при боярском правлении государственная жизнь пришла и упадок. Соперничающие боярские группировки были заняты достижением личных целей и сведением счетов друг с другом. В собственных интересах они стремились использовать и деятелей Церкви.

Митрополит Иоасаф (1539-1542)

Митрополит *Иоасаф*, ранее игумен Троице-Сергиева монастыря, был возведен в сан первосвященника через 4 дня после низвержения митрополита Даниила: 9 февраля 1539 года. Но митрополит Даниил подписал отреченную грамоту только 26 марта. Очевидно, избрание Иоасафа проходило под давлением Шуйских, стремившихся закрепить удаление Даниила передачей церковной власти в другие руки. Таким образом, около полутора месяцев Церковь имела сразу двух митрополитов. Но формально правила были соблюдены: Иоасафа избирал собор епископов путем жребия из числа трех заранее намеченных кандидатов. Митрополит Иоасаф был близок к «нестяжателям».

Став во главе Русской Церкви, новый предстоятель начал защищать справедливость и, вопреки Шуйским, добился освобождения Бельского. Тогда Шуйские организовали заговор, вследствие которого Бельский был вновь арестован и сослан (а впоследствии умерщвлен). Митрополит также был арестован, причем подвергся грубым оскорблениям, насилиям и в 1542 году был сослан в *Кириллов монастырь*. Таким образом, митрополит Иоасаф занимал кафедру только три года. Для него характерно лояльное отношение к православию греков и к Константинопольскому патриарху. Иоасаф проявил заботу о бедных и о просвещении: в 1540 году по его благословению и повелению в Новгороде был составлен т.н. «*Великий миротворный круг*», содержащий указания пасхальных дней на полный индиктион, т.е. период 532 лет, с пояснениями. Этот труд (его выполнил священник Агафон) был крупным вкладом в древнерусскую науку.

В 1547 году митрополит Иоасаф был переведен в родной ему Троице-Сергиев монастырь. В 1551 году ему на просмотр были посланы деяния Стоглавого собора, на которые он сделал свои замечания. Скончался Иоасаф в 1555 году.

Эпоха святителя Макария (1542-1564)

Митрополит *Макарий* был избран вскоре после изгнания святителя Иоасафа собором епископов и поставлен в митрополиты 19 марта 1542 года. Его избрание, очевидно, также было совершено с участием Шуйских. Однако Макарий сумел себя поставить независимо от них. Он известен как один из выдающихся первосвятителей Русской Церкви того времени.

Святитель Макарий родился в 1481 или 1482 году. Постригся в Пафнутьев-Боровском монастыре. Оттуда поставлен архимандритом Лужецкого монастыря около Можайска. В 1526 году посвящен в сан архиепископа Новгородского. В 1542 году он становится митрополитом. При нем состоялось несколько соборов, посвященных важнейшим вопросам церковной жизни и вошедших в историю как «*Макарьевские соборы*». Скончался митрополит Макарий в 1563 году.¹

Остановимся подробнее на его деятельности. По взглядам на внутрицерковную жизнь Макарий придерживался «иосифлянской» ориентации. Он принадлежит к числу наиболее начитанных и образованных иерархов. Характерной чертой святителя Макария была любовь к церковному благолепию, и имеее с тем – интерес к культуре Запада.

Прибытие Макария на новгородскую кафедру в 1526 году было радостной и торжественной встречей. Дело в том, что после сведения с Новгородской кафедры архиепископа Серапиона в 1509 году Василий Иванович целых 17 лет не давал поставить в Новгород епископа. Вольнолюбивые новгородцы должны были почувствовать суровую власть великого князя. В лице архиепископа Макария они получили, наконец, заботливого и деятельного архипастыря, который искренне любил свою паству. Он ходатайствовал за опальных новгородцев перед великим князем, кротко обращался как с духовенством, так и с народом. Ввел в новгородских монастырях общинножитие. Ликвидировал монастыри с совместным проживанием монахов и монахинь. Заботясь о просвещении, посылал миссионеров на север своей огромной епархии.

В Новгороде Макарий выполнил грандиозные работы по украшению своего кафедрального храма Святой Софии: поставил новые царские врата, увеличил иконностаc, велел расписать снаружи входные двери, повесил огромный колокол, «яко страшной трубе гласящей» и многие другие работы. Святитель Макарий проявил большую любовь к иконам и сам был иконописцем. Он расширил и организовал заново мастерские по переписке книг и их украшению миниатюрами. К сожалению, Макарий был не всегда разборчив и

---

¹ Макарий (Веретенников), игум. Блаженная кончина святителя Макария, митрополита Московского (♣1563) и его почитание на Руси. – Загорск, 1982, машинопись.

Свящ. П.Веретенников. Первосвятительская деятельность Макария, митрополита Московского и всея Руси (♣1563). Вестник Русского Западно-Европейского патриаршего Экзархата и 105-108. Янв.-дек., 1980-1981. С. 213-246.

охотно разрешал иконописцам пользоваться как образцами и западными гравюрами, через которые могли проникать и весьма далекие от православия образы и идеи. Особенно известным предприятием Макария в области церковного просвещения и культуры была организованная им работа над собранием «всех чтомых на Руси книг». Это колоссальный свод, известный под названием *«Макарьевских Четьи-Миней»*. Макарий не ограничился только собранием, – что само по себе составляет его заслугу, – но также поручал писать некоторые жития и делать новые переводы.

Однако, в «Четьи-Миней» было включены и некоторые отреченные сочинения, например, апокрифическое *«Сказание Афродитиана»*, несмотря на отрицательный отзыв преподобного Максима Грека об этом сочинении. *«Повесть о Петре и Февронии»*, наполненная фольклорными мотивами, была признана житием этих святых, канонизованных в 1547 году.

При Макарии Новгородская епархия выделила большие средства для выкупа русских пленных у татар: в 1534 году архиепископ Макарий пожертвовал на это дело огромную по тому времени сумму в 700 руб.

После возведения и сан митрополита Макарий получил возможность расширить свою деятельность. О первых годах его деятельности в сане митрополита мало известно. Это были годы разнузданного боярского правления, не считавшегося с авторитетом митрополита. Возможно, что осторожный митрополит в эти годы менее занимался текущими церковными делами, собирая жития святых и посвящая время вопросом иконописания, которые были для него всегда дороги.

Положение изменилось, когда повзрослел подрастающий государь – *Иоанн Васильевич IV* (1533-1584). В 16 лет он осознал себя полновластным правителем огромного государства. В декабре 1546 года по желанию молодого великого князя состоялась его беседа с митрополитом, после которой Иван IV сообщает о решении официально провозгласить себя царем. Царский титул свидетельствовал о преемственности с Византийской империей, и предшественники Ивана Грозного иногда называли себя царями, но венчание на царство Ивана IV имело другой характер: это было официальное признание Русского государства православным царством, «Третьим Римом», занявшим место «Второго Рима» – Константинополя. Торжество венчания состоялось **16 января 1547 года**.

Для подтверждения законности этого ответственного акта Иван IV и митрополит Макарий, впоследствии обратились в Константинополь, и Константинопольский патриарх с собором утвердил своей грамотой право русского великого князя «быть и называться ему царем законным и благочестивейшим... для утверждения и пользы всей полноты христианства». Признание огромного политического значения царского венчания русского великого князя выразилось в грамоте патриарха, в которой он «называет его царем и государем православных христиан всей вселенной от востока до запада и до

океана...», а также в посланиях от других восточных патриархов.¹

Таким образом, не только что венчанного русского царя был перенесен древний теократический идеал царя – помазанника Божия. Однако все эти устремления с самого начала омрачены фигурой первого царя – устроителя царства Ивана Грозного, одного из самых жестоких и бесчеловечных правителей, каких знала русская история. Так возникло Русское православное царство, просуществовавшее всего лишь полтора столетия лет – до провозглашения империи при Петре I.

Сразу же после венчания на царство в феврале 1547 года Иван IV вступает в брак с кроткой и благочестивой *Анастасией Романовной Захарьиной*. Этот брак должен был смягчить и направить в лучшую сторону молодого царя, неукротимый и жестокий нрав которого был уже хорошо известен. Но не митрополит Макарий, а *Сильвестр*, священник Благовещенского собора, стал наиболее близким Ивану IV духовным лицом, благоприятно влиявшим на него в этот период.

Соборы по канонизации святых

Около царя образовалась т.н. *Избранная рада* во главе с Сильвестром и *Алексеем Адашевым*. Эти деятели, вместе с митрополитом, стремились использовать свое влияние на молодого царя как в церковных, так и в государственных делах ко славе Божией и благоустройству русского царства. Укрепив порядок в государстве и авторитет власти венчанием юного Ивана IV на царство, Избранная рада и митрополит начинают обширные деяния, направленные на прославление Церкви. В том же 1547 и затем и 1549 годах святитель Макарий созывает два собора для канонизации русских святых.

Собор 1547 года был открыт 26 февраля, т.е. в ближайшее время после венчания на царство Ивана IV, и это не случайно. Великое царство утверждается великой Церковью, а слава Церкви – в Ее святых. На соборе было канонизовано 14 святых. После их прославления митрополит Макарий призвал епископов собрать сведения о житиях и чудесах других подвижников. Когда было собрано достаточное количество сведений, в 1549 году состоялся второй собор, дополнивший деяния первого. В общей сложности было прославлено **39 святых**, 9 из них были канонизированы как местно чтимые. Среди наиболее известных вновь канонизированных подвижников следует назвать святого митрополита Иону, святого Александра Невского, святых Савватия и Зосиму Соловецких и др.

До Макарьевских соборов Русская Церковь чтит только **22 святых русского происхождения**. Причисление к этому небольшому количеству канонизированных подвижников сразу нескольких десятков «новых чудотворцев», каждому из которых устанавливалась особая память, было событием огромного значения. Разумеется, такая массовая канонизация не может быть

---

¹ П.Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914, с. 29-31.

объяснена только внешними обстоятельствами, даже такими, как провозглашение Русского царства. Признание святости посредством канонизации подвижника есть акт духовного постижения, свидетельствующего о духовной зрелости Церкви. Небывалая в русской истории массовая канонизация святых при митрополите Макарии и была выражением духовной полноты Русской Церкви. Не случайно соборы 1547 и 1549 гг. совпадают со 100-летием провозглашения автокефалии Русской Церкви (в 1448 г.), которая за это столетие прошла огромный путь, заняв к этому времени подобающее ей выдающееся место в семье автокефальных церквей.

Вновь канонизированным святым были составлены жития и службы; начала развиваться новая иконография русских подвижников. Среди них преобладают святые новгородские, в чем сказалось длительное пребывание Макария на новгородской кафедре. Замечательной особенностью канонизации является и то, что к лику святых причислено и несколько подвижников нерусского происхождения: это три Виленских мученика (литовцы), а также Арсений, архиепископ Сербский и святой Иоанн Сочавский. Их канонизация свидетельствует, что Русская Церковь стремилась быть на высоте вселенского сознания.

Стоглавый собор (1551)

Совершив деяния канонизации, митрополит Макарий принялся за улучшение и исправление различных сторон церковной жизни. С этой целью был созван, также с интервалом в один год, следующий собор, заседавший в 1551 году. Это был знаменитый *Стоглавый собор*.¹ Он был продолжением предшествующих соборов: после прославления небесной, торжествующей Церкви нужно было заняться проблемами Церкви воинствующей. Деяния собора сохранились в виде вопросов от имени царя и ответов на них собора, разделенных на 100 глав, откуда пошло и название собора. Деление на главы – условное, оно не соответствует количеству поднятых тем и ответов на них, и явно продиктовано желанием придать символическую значимость соборному акту.

Деяния собора открываются обширной речью царя, в которой он призывает к покаянию и просит отцов собора быть ему советниками в «земных настроениях», т.е. в государственных делах. Таким образом, задачи собора были не только собственно церковные. В приглашении царя помочь в делах устройства земли виден огромный авторитет Церкви. И речь царя, и «царские вопросы» были составлены, очевидно, под руководством Избранной рады и Макария, т.к. невозможно предположить, чтобы 20-летний молодой человек, привыкший к своевольной жизни и жестоким удовольствиям, не имевший

---

¹ Стоглавому собору посвящена значительная литература, но изучение его далеко от завершения. См: Н.Лебедев. Стоглавый собор 1551 года (опыт изложения его внутренней истории). – М.,1882. Д. Стефанович. О Стоглаве. – СПб., 1909.

правильного воспитания, вдруг сумел бы составить программу собора, охватывающую широкий круг и церковных, и государственных вопросов.

Собор открылся 23 февраля и заседал до начала мая. Основные вопросы занятий собора: богослужение, церковное управление и суд, состояние монашества, духовная жизнь мирян.

По вопросам, касающимся богослужения, собор стремился укрепить уставной порядок и благочестие. Собор высказывается за единообразие в обрядах, требует продолжать работу по исправлению книг, устанавливает надзор за иконописанием и т.д.

По вопросам управления собор устанавливает надзор за низшим духовенством и ограничивает произвол высшего духовенства. Собор также ставит церковное судопроизводство по возможности под контроль гласности. Собор, говоря о духовенстве, требует улучшения духовенства и предписывает епископам тщательно отбирать кандидатов в священство. Ряд постановлений направлен на улучшение нравственной жизни монашества. Касаясь нравственности мирян, собор выступает против пережитков язычества, против безнравственных обычаев, колдовства, недостойных развлечений и др.

Деяния Стоглава имеют двойственное значение в истории нашей Церкви. По всесторонней постановке вопросов он значительно выделяется среди других соборов Русской Церкви в древности. Некоторые важные акты Стоглава были, однако, ошибочными. Так, Стоглав, узаконил двоеперстие, наложив проклятие на крестящихся иначе и предписывал усугубить аллилуйю. Некоторые вопросы, поднятые на Стоглаве на принципиальный уровень, на самом деле имеют очень маленькое значение. Так, собор вооружается против стрижки бороды и усов, что на самом деле несущественно.

Значение этих ошибок Стоглава обнаружилось через сто лет, когда они сделались основанием старообрядческого раскола. Этим собор поворачивал церковное сознание к национальной замкнутости. По словам свящ. Г.Флоровского: «Стоглав был задуман как «реформационный» собор, и осуществился, как реакционный»,¹ – т.е. вместо обновления церковной жизни внес в нее элементы ограниченности.

В заключение, уже после окончания заседания, было принято постановление, ограничивающее церковное землевладение. Вновь запрещается приобретать земли без доклада государю; вотчины и угодья, розданные в боярское правление без доклада государю – а таких земель, вероятно было немало – отобрать.

На Стоглавом соборе внесены некоторые уточнения в литургическую практику, но и здесь отцы собора не вполне последовательны. Так, в главе 9 постановляется вынимать на проскомидии часть Предтечи «такову же, якоже Пречистыя», а в главе 41 говорится, что частица Предтечи должна быть «мало поменьше Богородичной».²

Собор на еретиков (1553-1554 гг.)

¹ Свящ. Г. Флоровский. Пути русского богословия. – М., 2000. С. 26.

² Макарий, митр. История Русской Церкви. – СПб., 1898. Т.8. Кн. 3. С. 84.

Соборная деятельность была возобновлена и продолжена в 1553 и 1554 годах. По существу, это был один собор, также заседавший под председательством Макария и, разбиравший цепочку вопросов однородного характера, что вызвало растяжение заседаний на целых два года. Что это были за вопросы?

Собор (или соборы) 1553-1554 годов известен, как собор еретиков, хотя под ересями в древней Руси часто подразумевали не совсем то, что подразумевается теперь. Ересью называли не только искажение догматической истины, но и нарушение традиционной обрядности, и простое вольномыслие. Заседания 1553-1554 годов имели судебный характер. В это время усиливается приток западных идей, которые нередко находят благоприятную почву в русской среде, благодаря ослаблению традиционных устоев. Собор 1553-1554 годов был попыткой остановить начавшийся процесс, но, к сожалению, не средствами убеждения или примера, а одними средствами принуждения.

Первым делом, давшим повод к созыву собора, было дело *Матвея Семенова Башкина*. Протоколы собора содержат чрезвычайно интересный материал по этому делу. Однажды в Великий пост 1553 года боярский сын Матвей Башкин пришел на исповедь к священнику придворного Благовещенского собора Симеону. Встречи Башкина и Симеона продолжались несколько месяцев и привели священника в немалое смущение. Начал Башкин с просьб о том, чтобы Симеон, как отец духовный, учил его, а сам всячески восхвалял духовенство, говоря, что «ваше дело великое... вы полагаете за нас души свои... все начало от вас» и т.д. Многие вопросы Башкина были таковы, что Симеон не знал, что на них отвечать, а Башкин между тем сам начинал поучать его, подсказывая, видимо, ответы, какие хотел услышать. «Кому нужно быть кротким и смиренным? То все на вас лежит, прежде вам должно творить, - говорит Башкин, и добавлял, видимо, чтобы священник не почувствовал зависимости от него: «да и нас учить». И указывал на разные недостатки жизни православных в быту, не забывая тут же поучить духовника: «Христос называет всех братиею, а у нас на иных кабалы... я ... держу у себя людей добровольно... а вам, отцам, надобно посещать нас почаще и наставлять...».

Указание на неискоренимое для той эпохи социальное зло приводило простеца Симеона в смущение, а Башкин задавал много других вопросов, на которые Симеон не умел отвечать. Тогда Башкин предложил Симеону спрашивать царского духовника – знаменитого Сильвестра – по предложенным им, Башкиным, вопросам. Сам Башкин к Сильвестру почему-то не обращался, предпочитал использовать малообразованного Симеона: «Ты, пожалуй, спрашивай у Сильвестра, он тебе скажет, и ты пользуй душу мою, я знаю, что тебе самому некогда ведать того за суетою мирскою...» – Башкин, видимо, рассчитывал, что Симеон будет спрашивать Сильвестра как бы от себя, с целью «пользоваться» поучаемого духовного «сына», который тотчас бы выдвигал новые возражения. Тут же Башкин подавлял простодушного Симеона словами о мирской суете, которой якобы он подвержен. Вся эта обработка

Башкиным священника показывает, какими тонкими психологи-ческими способами и приемами пользовались еретики, совращая не всегда твердых в вере священников. Именно так, видимо, действовали иудействующие.

Башкин рассчитывал, очевидно, показать Симеону несостоятельность суждений такого авторитета, как Сильвестр, и таким образом посеять в нем сомнения в истине православия, чтобы в конце концов предложить другое учение, став из учимого учителем. Произошло, однако, иное. Симеон давно томился «недоуменными вопросами» необычного духовного сына, но все беседы велись на исповеди, тайну которой нельзя было раскрыть. Башкин это, конечно, знал. Когда же сам Башкин, думая, что Симеон уже достаточно обработан, направил его к Сильвестру, все «мудрования» Башкина раскрылись. По словам Сильвестра и других, давно уже про него носилась недобрая слава (сам Башкин выставляет на вид свои добродетели); было решено допросить его, и выяснилось, что взгляды Башкина очень близки к иудействующим: он отвергал Божество Спасителя, таинства и все христианские учреждения. Собор приговорил Башкина к пожизненному заключению.

В ходе следствия Башкин назвал ряд лиц, которые престоли перед собором. Выявилось много отступников от православия, которые скрывались в заволжских скитах, пользуясь снисходительностью заволжских старцев. Крупнейшим из отступников был *Феодосий Косой*, задержанный на Белозере. Это был беглый холоп одного из знатных московских бояр. Косому удалось бежать из-под ареста в Литву, где он впоследствии активно распространял свое учение, во всех основных пунктах совпадающее с учением иудействующих.

Среди тех, кого привлекли по делу Башкина, был и бывший игумен Троице-Сергиева монастыря старец *Артемий*, поставленный в игумены Троице-Сергиева монастыря по рекомендации самого Сильвестра. Артемий жил ранее в Псково-Печерском монастыре, участвовал в деятельности Стоглавого собора, был образован и «исполнен доброго нрава и смирения», по словам Сильвестра. Единомышленником Башкина Артемий не был. Но он был человеком живого, независимого и любознательного склада. Он интересовался религиозной жизнью Запада, критически относился к реальному уровню церковности Руси, он принадлежал к «нестяжателям» и потому, видимо, стоял в некоторой оппозиции к митрополиту Макарию. Острый на язык, Артемий имел многих недоброжелателей, которые обвиняли его во всевозможных ересях. Доказать их не удалось, т.к. Артемий твердо исповедывал православную веру.

Однако он неожиданно был обвинен в сокрытии личного греха на исповеди при поставлении на игуменство. Артемий оправдывался ссылкой на духовника, знавшего о грехе и посоветовавшего «переступить». Тем не менее, собор тут же лишил Артемия священного сана, отлучил и приговорил к заключению в Соловецком монастыре. Мудрый игумен монастыря, святой Филипп Колычев, хорошо знавший Артемия, видимо, не был строг к заключенному. Ему удалось оттуда бежать в Литву, где он проявил себя как выда-

ющийся апологет православия. Курбский называл Артемия «неповинным и святым мужем», осужденным по клевете и злобе.

Вместе с Артемием в ереси был оклеветан и осужден просветитель лопарей **Феодорит**, впоследствии почитавшийся в лике святых. Святой Феодорит до этого был некоторое время духовником самого митрополита Макария, когда тот был новгородским архиепископом. Но даже это обстоятельство не избавило святого Феодорита от подозрений и от ссылки в Кирилло-Белозерский монастырь. Через два года, однако, он был освобожден: по ходатайству его духовных детей бояр, святой Макарий, хотя и не сразу, решил хлопотать за Феодорита, которого он прекрасно знал, перед царем.

Одновременно с делом старца Артемия или даже немного раньше Собору пришлось разбирать дело дьяка **Висковатого**.

Иван Михайлович Висковатый был думный государев дьяк, т.е. занимал одно из высших мест в государственном аппарате. В деле Башкина он принимал участие по должности. Между тем, его давно уже смущали некоторые нововведения в иконописании, и он решил использовать процесс, чтобы выступить перед собором и царем со своими сомнениями. Дело было в следующем. В 1547 году в Москве произошел страшный пожар, захвативший частично и Кремль. Особенно пострадал Благовещенский собор, в котором «деисус письма Рублева погоре». На место погибших икон нужно было писать новые, и митрополит вызвал из бывшей своей епархии – из Пскова – известных, по-видимому, ему иконописцев, которые и выполняли его заказ. Но написанные ими иконы были настолько необычны, что стали вызывать у некоторых москвичей, в том числе у Висковатого, сомнения в их православности. Об этих иконах были рассуждения и на Стоглавом соборе, который в целом высказался против «самосмышлений» и призвал иконописцев не выходить из установленных Церковью пределов и следовать проверенным старым образцам, в первую очередь, преподобного Андрею Рублеву.

Однако митрополит Макарий и могущественный Сильвестр сами были увлечены новым направлением, и под их покровительством новые осужденные, в принципе, иконы оставались на своем месте. Висковатый, видимо, решил добиться вторичного и более действенного соборного осуждения нововведений в иконописи. Он понимал, что не следует, по установленным Церковью канонам, изображать Бога-Отца, которого иконописцы писали в виде старца или изображать Иисуса Христа с крыльями, в виде ангела. В принципе, за исключением некоторых неточностей, Висковатый был прав, потому что на Пято-Шестом Вселенском Соборе Церковь запретила писание символических изображений, ограничив иконописание священно-реалистическим содержанием. Цель иконописи – свидетельствовать о духовном мире, как о высшей и несомненной реальности. Поэтому никакое фантазирование и произвольное сочинительство в церковном искусстве недопустимо. Митрополит, однако, разгневался на Висковатого: «Стал на еретики, – сказал он ему, – не попадись сам в еретики». Выступление Висковатого оказалось по существу направлено против святого Макария, поскольку митрополит дозволил новописанным иконам находиться в придворном храме в те-

чение уже нескольких лет. В ответ на «вопли» Висковатого митрополит выступил в защиту символической иконографии. Собор признал Висковатого неправым и осудил его, отлучив на три года от причастия.

По словам крупнейшего современного исследователя Л.А. Успенского, в разрешенной собором аллегорической живописи «богословское и духовное содержание уступает место интеллектуализму и мастерству... Дело дьяка Висковатого... было столкновением традиционного православного восприятия образа с усиливающимся западным влиянием».¹ «Парадоксальным образом, - писал свящ. Г. Флоровский, – побеждает это западничество, но под знаком старины и собирания».

Следует отметить, что против аллегорической иконописи выступали также авторитеты, как св. Максим Грек и Зиновий Отенский.

Как видно из обзора деяний собора 1553-1554 гг., на этот раз наши иерархи были не всегда последовательны и не всегда знали, какие меры следует принять против новых явлений, нарушавших традиционные устои. К тому же собор не сумел оградить себя от пристрастных влияний, как было в случае со старцем Артемием, отцы собора одинаково осуждали и настоящих отступников, и, доверившись ложным обвинениям, святых (преп. Феодорит).

Учреждение Казанской архиепископии

В 1555 году митрополит Макарий созвал очередной собор, на котором был поставлен вопрос об учреждении епископской кафедры во вновь присоединенной Казани. Падение Казанского ханства и взятие Казани произошло в 1552 году. Это была победа христианского мира над мусульманским в период наибольшего противоборства между ними. Сравнительно недавно – в 1529 году – турецкие войска подходили к стенам столицы Австрии – Вены. Турецкая опасность была велика. Поэтому и падение Казани, означавшее победу креста над полумесяцем, было знаменательным свидетельством силы православной державы – «Третьего Рима» – и предвещало будущее освобождение христианских народов от мусульманского ига. В честь этого события в Москве был воздвигнут Покровский собор, уникальный памятник архитектуры, известный всему миру как собор Василия Блаженного.

Неслучайно Казанская епархия сразу становится архиепископией. «Казанская епархия была, так сказать, передовым форпостом, обозначавшим собой поступательное движение русской православной веры, народности и государственности в глубь степей. Можно сказать, что все, что лежало к востоку и на юг от Казани, все царство Казанское, Астраханское и отчасти Сибирское включались в область Казанской епархии».

Собор 1555 года был торжественным и представительным. В нем участвовало десять архиереев – весь русский епископат того времени и до 76 других священнослужителей. Первый казанский архиепископ, избранный на этом соборе, был, святой *Гурий* из боярской фамилии Руготиных. Святой Гу-

¹ Л.А. Успенский, Богословие иконы в Православной Церкви. – М., 1991. С. 237.

рий был замечательным подвижником. В юности он был оклеветан и посажен в тюрьму, где всецело предался молитве. Освобожденный из темницы чудесным образом, он принял постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре, где впоследствии был игуменом. Короткое время игуменствовал в Троицком Селижаровом монастыре, а затем на соборе 1555 года был по жребию избран на Казанскую кафедру.

Возведение святого Гурия на кафедру и отправление на епархию было большим церковным торжеством. Новоизбранного святителя провожали с крестным ходом из Успенского собора, с участием митрополита и царя. Торжественные встречи и крестные ходы устраивались в городах на его пути. Святитель всюду совершал молебны и говорил поучения. По дороге он освятил место будущего города Чебоксары. Святой Гурий имел с собой от царя и митрополита «Наказ» – инструкцию об обращении к вере жителей края, «Наказ» этот – замечательный документ глубокого и подлинного духовного понимания апостольского служения Церкви. Говорится о том, чтобы приводить ко крещению не страхом, а любовью, для научения направлять просвещаемых в монастыри; не только крещенных, но и некрещенных принимать, угощать и покоить, говорить с ними с кротостью и приводить их к Церкви тихую и умиленную беседою; ходатайствовать за осужденных, не только крещенных, но и некрещенных, и при том даже за тех, за кого никто не ходатайствует.¹

Святитель деятельно проводил в жизнь эти положения «Наказа». Особенное значение в деле распространения христианства он придавал монастырям. Скончался он в декабре 1563 года.

Помощниками святого Гурия были два архимандрита *Герман* и *Варсонофий*. Оба они удостоились епископского сана и были причислены Церковью к лику святых. Святой Герман происходил из древней родовитой фамилии (Садыревых-Полевых) и постригся в Иосифо-Волоколамском монастыре, когда святой Гурий был там игуменом. С этого времени началась их тесная духовная связь, сохранившаяся навсегда. В 1564 году святой Герман стал преемником святого Гурия по казанской кафедре.

Короткое время он был кандидатом на митрополичий престол (в 1567 году), но Иван Грозный не захотел допустить его, опасаясь встретить в нем строгого обличителя своих деяний. Святой Герман святительствовал только три года и скончался в Москве в 1567 году.

Другой помощник святого Гурия – святой Варсонофий был сыном священника из Серпухова. Промысел Божий с ранних лет готовил его к миссионерским трудам среди татар. В юности он попал в плен к татарам и находился в неволе три года. За это время он хорошо изучил как татарский язык, так и мусульманскую религию. Выкупленный из плена отцом, постригся в Москве в Спасо-Андрониковом монастыре, а затем был возведен в сан архимандрита Николо-Пешношского монастыря. Благодаря своим знаниям, святой Варсонофий был избран в помощники святому Гурию, и много способ-

¹ Митр. Макарий Указ. соч. Т. VI. С. 346-347.

ствовал распространению веры среди казанских татар. В 1567 году он был возведен во епископа Тверской епархии, которой управлял до 1571 года. Затем он вернулся в Казань, где жил на покое до 1576 года, когда скончался.

Церковно-литературная деятельность

Церковно-литературная деятельность в середине XVI века организуется в основном вокруг личности митрополита Макария. Сам митрополит Макарий не был крупным писателем, но тем не менее от него осталось несколько поучений и посланий, адресованных в основном царю, а также войскам во время казанского похода.

Среди писателей макарьевского круга особенно известен *Ермолай-Еразм*, псковский священник, позднее протопоп московского собора *Спаса на Бору в Кремле*. Из его духовных произведений следует отметить книгу «*О Троице*». Сочинение имеет апологетический характер и вызвано, по видимому, еретическими движениями середины XVI века: *Феодосия Косого* и др. Ермолай-Еразм стремился проследить действие принципа троичности во всех явлениях окружающего мира, показывая его, таким образом, как основу бытия.

Другим видным писателем этого времени является ученик преп. Максима Грека *инок Зиновий*, живший в *Отенском монастыре*.

Зиновий Отенский написал сочинение «*Истины показание к вопрошавшим о новом учении*», направленное против лжеучения Феодосия Косого. Против него же направлено и второе известное сочинение Зиновия: «*Многословное послание на зломудрого Косого*». Зиновий был мыслящим богословом, составлявшим собственные комментарии к святоотеческим текстам. Будучи последователем «нестяжателей», он принимает и положения «*Просветителя*» преп. Иосифа Волоцкого, которые использует против Феодосия Косого.

Знаменитый благовещенский протопоп Сильвестр составил книгу «*Домострой*», представляющую собой русский и православный вариант руководства к богоугодному устройству жизни мирянина; подобные сборники правил, необходимые для организации жизни и воспитания семьи, были распространены во всех христианских странах. В основе «*Домостроя*» лежит церковное учение о браке и семье, по которому семья есть малая церковь. Исходя, по существу, из этого положения, автор «*Домостроя*» стремится подробно обрисовать жизнь идеальной христианской семьи, целиком подчиненной церковности и упованию на будущую жизнь. Отсюда большое значение обрядности, как системы дисциплинирующих и воспитывающих приемов, особенно необходимых в миру, как противодействие соблазну. В качестве норм поведения «*Домострой*» использует евангельские и ветхозаветные поучения; так, евангельским примером начинается рассуждение о поведении на пиру, характеристика жены повторяет притчи Соломона (ср. гл. 21 и гл. 31 книги Притч). «*Домострой*» входит в мельчайшие детали быта, создавая красочную картину древнерусской жизни.

В этот период происходит расцвет житийной литературы, т.к. при канонизации святых было необходимым создание житий. Над ними работала значительная группа книжников. Были составлены новые жития святого Александра Невского, преп. Никона, игумена Троице-Сергиева монастыря, Павла Обнорского, Михаила Клопского, Александра Свирского, Иосифа Волоколамского, Саввы Сторожевского и многих других.

В середине XVI века Русская Церковь осуществила такое важнейшее начинание, как введение книгопечатания. Толчок к этому дали решения Стоглавого собора. Собор констатировал, что переписка книг находится в плохом состоянии. Кроме того, рукописных книг не хватало. Между тем в России было известно, что в других странах, в том числе в Польше, уже существовало книгопечатание. Видимо, уже после собора было решено завести типографии. К 50-м годам XVI века относятся первые ив дошедших до нас, печатные издания. Они выпускались анонимными типографиями, на весьма низком техническом уровне и имели, по-видимому, крайне ограниченный тираж.

С 1556 года известен такой «мастер печатных книг» как Маруша Нефедьев ив Новгорода. Впервые типографское дело было налажено дьяконом московского Гостунского собора (в Кремле) Иваном Федоровым, вошедшим в историю как первопечатник. Вместе со своим помощником Петром Мстиславцем он выпустил в марте 1564 года первую печатную книгу – Апостол, вслед за тем был издан Часослов. Но первые печатные книги были очень дороги. Успешно начавшаяся типографская деятельность вызвала недоброжелательность неких сильных лиц. Произошло возмущение, типография была разгромлена. Иван Федоров и Петр Мстиславец бежали ив Москвы в юго-западную Русь, где продолжали печатать книги. Бунт не остановил, конечно, распространения книгопечатания. В 1565 году типография в Москве была восстановлена. Затем была устроена типография в Александровской слободе. Преемник Ивана Федорова печатник Андроник Невежа напечатал Псалтирь.

Церковное пение

Из всех распевов православной русской Церкви древнейшим является *знаменный распев*. До XV века обучение совершалось, по-видимому, исключительно путем устной передачи певческих познаний. Со второй половины XV века, появляются руководства к изучению знаменного распева в виде приложений к нотным книгам, особенно к ирмологам. Они содержали в себе:

- 1) сказание, како поется знамение коеждо различно;
- 2) како поются попевки и в котором гласе;
- 3) распевы на восемь гласов и т.п.

В начале XVI века, вследствие повторного разлада и нестроения в церковном пении, явилась настойчивая нужда в певческих школах. По решению Стоглавого собора, предложившего учредить «книжные» училища, где бы изучались чтение, письмо и пение, открылось множество школ, особенно в Новгороде и Москве, где изучалось пение. Из питомцев этих школ вышли

такие знаменитые распевщики, как Иван Акимов Шайдуров и братья Роговы – Василий (1589-1603) – впоследствии Ростовский митрополит и Савва, знаменитый учитель певцов. Из учеников его известны: Стефан Гольш, Иван Нос и Федор Крестьянин. Из учеников Ивана Гольша известен Иван Лукошков, в иночестве архимандрит Исая. Каждой из них вносил свою лепту в дело церковного пения.

Во второй половине XVI века составили весьма много мелодий знаменного распева и распевали их на гласы с новым текстом. Они носили названия: малое знамя, инознамя, большое знамя, путь и др.¹

Ученики Феодора Крестьянина, жившего вместе с известным певцом Иваном Носом, в Александровской слободе, у царя Ивана Грозного, повествовали, что в их время «Стефан Гольш много знаменного пения распел, а после него ученик Исая (в мире Иван Лукошков), тот вельми знаменного пения распространил и исполнил ... Некто-де во Твери дьякон бе зело мудр и благовеин, тот-де распел стихеры евангельские; а псалтирь распета в великом Новграде, некто был инок, именем Маркелл, слыл Безбородой; он же сложил канон Никите, архиепископу новгородскому, вельми изящен. А Триоди распел и изьяснил Иван Нос; он же распел крестобогородичны и богородичны Минейные».²

---

¹ Прот. В. Металлов, Очерк истории православного церковного пения в России. – М., 1915. С. 45-47.

² Металлов В.М. Русская симеография. Из области церковно-певческой археологии и палеографии. – М., 1912.

Глава IV

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

Митрополит Афанасий (1564-1566)

Конец жизни и первосвятительского служения митрополита Макария былотягощен учащавшимися проявлениями деспотизма Ивана Грозного. После смерти св. Макария, в феврале 1564 года, состоялся собор Русской Церкви. Прежде, чем приступить к избранию нового митрополита, собор постановил митрополиту носить белый клобук. Преемником Макария был избран инок Чудова монастыря *Афанасий*, бывший протоиерей Благовещенского собора Андрей. Он являлся духовником Ивана Грозного, и отцы собора надеялись, по-видимому, что он будет иметь влияние на царя. Однако, первосвятительство Афанасия совпало с развитием самых мрачных свойств Ивана Грозного.

В 1565 году последовало учреждение опричнины. Все государство было разделено на две части: *опричнину* и *земщину*. Лучшие земли отошли к опричнине. На боярство и «служилых людей» царь наложил опалу и потребовал от духовенства, чтобы оно не вмешивалось в суд государя и не препятствовало казнить его противников. Фактически, Иван IV лишил духовенство традиционного права печалования. Начались казни и преследования, неслыханные на Руси. Полились потоки крови, каких не было со времен татарского нашествия. Центром опричнины стала резиденция царя – Александрова слобода. Зловещий характер опричнины подчеркивался формой опричника: они носили черные кафтаны, черные шапки, ездили на вороных лошадях. К поясу было привязано изображение собачьей головы и небольшая метла – символ преданности царю в борьбе с врагами. Опричнина приобрела кощунственный характер: в Александровой слободе Иван Грозный создал якобы монастырь, в котором будто бы был игуменом (вместе с тем, Иван был женат и монашества, связанного с отречением от власти, принимать не собирался). Совершались продолжительные богослужения, между которыми царь вместе с палачами пытал подозреваемых в измене. Вместе со зверствами царил разврат.

Среди мрачных деяний Ивана Грозного прослеживается также идея власти царя и над Церковью, горячо защищаемая Иваном Грозным. Такое понимание власти было воспитано в нем с юности при поддержке его известных духовных руководителей: «Иван Васильевич имел множество оснований, главным образом данных ему представителями Церкви, чтобы смотреть на свою власть, как на теократически абсолютную... В лице Ивана IV

представители Церкви идейно воспитали власть московского государя до такой высоты и абсолютизма, внушив ему, сверх того, мысль о пастырских правах в делах Церкви, что, в случае какого-либо столкновения носителей высшей церковной власти с государями, первые не были гарантированы от катастроф самых неожиданных» - писал видный историк Церкви А.В.Карташов.¹ Это и подтвердилось в время правления митрополита святителя Филиппа II.

В этих страшных условиях митрополит Афанасий отказался управлять Церковью и в 1566 году ушел по болезни на покой. Следующим митрополитом стал в 1566 году выдающийся подвижник и деятель, один из самых великих святых русской Церкви святитель Филипп.²

Святой митрополит Филипп (1566-1568)

Святитель *Филипп*, в миру Феодор, родился в 1507 году в семье знатного боярина Василия Ивановича Стефана Колычева. Аристократическое происхождение позволило будущему святителю получить лучшее образование и развитие, какое было возможно. Он был взят ко двору, и Иван Грозный знал его с малолетства. В 1537 году 30-летний Феодор решает порвать с блестящей придворной карьерой и тайно бежит из Москвы на далекий Север в Соловецкий монастырь, где и принимает постриг. Через 10 лет Филипп возведен в сан игумена. Его 18-летнее управление монастырем привело обитель в состояние расцвета. Он воздвиг две великолепных каменных церкви – Успения Божией Матери и Преображения Господня, завел колокольный звон, построил келлии и больницу, осушил болота, соединил каналами озера, проложил дороги. Сам Филипп был строгим подвижником, предававшимся уединению и умному деланию.

Став в 1566 году митрополитом, святой Филипп в течение года пользовался уважением и расположением царя. Казней не было. Воцарившийся мир, однако, был неустойчив. Через год началась новая серия расправ. Никто не смел заступиться за казнимых безо всякого суда и следствия. Святитель Филипп, перед восшествием на митрополичий престол, выговорил себе право «советовать» царю. Помня об этом праве, митрополит пытался воздействовать на совесть царя, беседуя с ним наедине. Однако, это не принесло никаких результатов. Тогда Филипп решился публично обличить Ивана. В одно из воскресений великого поста он прямо обратился к царю с речью в которой, в частности, говорил: «От века не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоих предках не бывало того, что ты творишь; у самих язычников не случалось ничего такого...» Это выступление

¹ А.В. Карташов. История Русской Церкви. Т. 1. С. 441.

² О св. Филиппе см., напр.: Боярский род Колычевых, сост. бароном Михаилом Львовичем Боден-Колычевым. – М., 1886. С. 77-91. Г.П. Федотов. Св. Филипп, митрополит Московский. – Париж, 1928.

святителя привело царя в ярость, но он не посмел тронуть митрополита. В следующий раз святой Филипп снова произнес обличительную речь: «У татар и язычников есть правда: в одной России нет ее; во всем мире можно встречать милосердие, а в России нет сострадания даже к невинным и правым. Здесь мы приносим Богу бескровную жертву за спасение мира, а за алтарем безвинно проливается кровь христианская...» – Говоря многое в таком роде, святитель отказался благословить Ивана. Царь пришел в крайний гнев и решил расправиться с обличителем, но не находил для этого достаточного предлога. Филипп продолжал свои бесстрашные обличения, готовый принять мучительную смерть.

Главными советниками царя в деле против митрополита Филиппа были Малюта Скуратов и духовник Ивана IV Евстафий, запрещенный митрополитом за недостойную жизнь. Чтобы найти повод к расправе с Филиппом, решено было направить специальную комиссию в Соловки, для расследования его жизни. Комиссия состояла из врагов святителя. Среди братии нашлись клеветники, во главе с игуменом Паисием, которому обещали епископский сан. По возвращении комиссии, взявшей с собой Паисия и его приспешников, состоялся собор для суда над митрополитом. Все епископы, присутствовавшие на соборе, безропотно согласились с заранее вынесенным приговором о низложении митрополита. Царю однако этого было недостаточно: он велел святому продолжить служить.

В день архангла Михаила (21 ноября) опричники во время богослужения с оскорблениями и поруганием арестовали митрополита и отвезли в темницу, наложив на него цепи. В ярости царь казнил десять родственников митрополита из рода Колычевых, и голову одного из них прислал страдальцу в темницу. Затем святитель Филипп был сослан в заточение в Отрочь монастырь в Тверь. Это было в конце 1568 года. Там он провел около года. Начался поход Ивана Грозного на Новгород, который был, по существу, истребительной войной против мирного населения: уничтожалось население целых городов. Проходя через Тверь, Иван послал в Отрочь монастырь Малюту Скуратова, который задушил святого подушкой.

Значение подвига святителя Филиппа в том, что он не убоился обличать нечестие среди всеобщего молчания и бесстрашно отдал свою жизнь за правду Христову, уподобившись древним мученикам. Иван Грозный убил также святого Корнилия Псково-Печерского.

Помимо мучеников, XVI век знает замечательных святых-юродивых. Иван Грозный, поднявший руку на святого митрополита, не посмел тронуть святого Николая Салоса, запретившего царю громить Псков и резко обличившего царя. В Москве прославился юродивый *Василий Блаженный*. На юродивых смотрели как на пророков Божиих.

Митрополиты Кирилл (1568-1572), Антоний (1572-1581) и Дионисий (1581-1587)

Преемником святителя Филиппа явился архимандрит Троице-Сергиева монастыря *Кирилл*, возведенный на митрополичий престол через два дня после низложения Филиппа. Митрополит Кирилл не решался вслух обличать царя и молчал. Именно при нем и состоялся опустошительный поход на Новгород, причем царь не щадил и духовенство: до 500 новгородских священнослужителей забили до смерти, остальных ежедневно пытали, требуя денег (по 20 руб. с каждого). Архиепископ Пимен, клеветавший на святого Филиппа по зависти, подвергся тюремному заключению, поруганию и ссылке, в которой скоро умер.

В 1571 году разразилось новое бедствие: пользуясь неурядицами и отсутствием в Москве царя, крымский хан Девлет-Гирей вторгся в Россию, дошел до Москвы, грабя, истребляя и пленяя жителей. С большим трудом удалось отогнать татар от Москвы. В 1572 году митрополит Кирилл скончался. Он успел все же вызвать неудовольствие царя и был похоронен не в Кремле, а в митрополичьем Новинском монастыре.

В мае 1572 г. московским митрополитом был избран архиепископ Полоцкий *Антоний*. При нем получило продолжение ограничение церковного землевладения. На соборе 1573 года были запрещены земельные пожертвования в большие монастыри. Передача земель в бедные монастыри дозволялась только с разрешения царя. В 1580 году состоялся новый собор, на котором вновь был поднят вопрос о церковном землевладении. Разоренное тиранической политикой государство нуждалось в средствах, и взор царя вновь обратился к церковным имуществам. Собор запретил отдавать в монастыри земли «на помин души», и повелел заменять их стоимостью сел, отдаваемых дальним родственникам или государю. Также запрещено было монастырям и епископату покупать земли и брать под залог, и вообще увеличивать земли. В случае необходимости земель для пропитания (например, при основании нового монастыря), велено было обращаться к царю – «бить челом государю».

Таким образом, собор 1580 года знаменателен тем, что он существенно ограничил экономическую независимость Церкви: «Соборный приговор 15 января 1580 г. ... является поворотным моментом в истории монастырского землевладения».¹ Это было связано, с одной стороны, с возрастающими притязаниями государства, с другой, - с имевшими место злоупотреблениями духовенства церковным имуществом. Так или иначе, был сделан крупный шаг вперед и к подчинению Церкви государству, и характерно, что это произошло при властолюбивом и жестоком Иване Грозном.

В начале 1581 года митрополит Антоний скончался. На его место был поставлен митрополит *Дионисий*, игумен новгородского Варлаамо-Хутынского монастыря. Соборное решение состоялось в феврале 1581 года.

¹ Законодательные акты Русского государства XVI-XVII вв. Комментарии.– Л., 1987. С.60.

В марте 1584 года скончался Иван Грозный, приняв монашество с именем *Ионы*.

Митрополит Дионисий венчал на царство в мае того же года сына Ивана IV – *Феодора Иоанновича*. Новому царствованию досталось тяжелое наследство. Летом 1584 г. был созван церковный собор, целью которого было помочь государству. Подтвердив решения собора 1580 года, иерархи пошли далее. Были введены платежи государственных податей с церковных земель, которые ранее их не платили, «ради оскудения, воинского чина... пока земля не поустроится» (Мак., с. 320). Также был введен государственный налог и на церковную торговлю. Правда, вскоре эти налоги были отменены. Митрополит Дионисий вступил в конфликт с всесильным при царе Феодоре Борисом Годуновым, выступал против его злоупотреблений властью. Это столкновение церковной и светской власти кончилось, как обычно, поражением митрополита, лишённого кафедры в 1587 году. На его место взошел архиепископ ростовский *Иов*, получивший в 1589 году титул патриарха.

Православная миссионерская деятельность среди северных племен в XVI веке

Проповедь веры племенам, населявшим окраины Русского государства, составляла постоянную заботу Русской Церкви. Этот апостольский подвиг совершался непрерывно, из века в век, с постепенным проникновением русских на север, восток и юг.

В Перми в середине XV века благовествовал святой епископ *Питириим*. Этот епископ известен своей просвещенностью. Ему принадлежал древнейший сохранившийся русский список творений святого Дионисия Ареопагита; сам он составил службу и житие митрополита московского Алексия. При его дворе велось летописание. Святой Питириим постоянно объезжал край и усердно проповедовал. Однажды, когда он возглавлял крестный ход из города Усть-Вымь к реке, произошло внезапное нападение язычников, которые и умертвили епископа в 1455 году.

Его преемником был святой епископ *Иона*, правивший епархией с 1455 по 1470 гг. Ему удалось значительно распространить веру, обратив к ней князя великой Перми. Труды святого Ионы достойно продолжал епископ *Филарет* (годы правления 1471-1501), он проповедовал сам на пермском языке, рассылал грамоты, но его усердие тормозилось нерадением низшего духовенства. С пастырскими посланиями к пермскому князю и населению обращался и митрополит Симон в начале XVI века. Постепенно язычество отступало, благодаря не прекращавшимся усилиям Церкви. По свидетельству Герберштейна, (в 1526 году) идолопоклонники еще встречались кое-где в лесах, но туда постоянно отправлялись миссионеры для их обращения.

Не менее усердно совершалась проповедническая деятельность и на Севере. Особенно большое значение для просвещения Севера имел Новгород. Форпостом миссионерской деятельности являлся *Соловецкий монастырь* с самого момента его основания святыми *Германом, Савватием и Зосимой* в 30-х гг. XV века. Начиная с 1526 года, по сохранившимся сведениям, местные племена по побережью Белого моря неоднократно сами обращались в Москву и Новгород с просьбой о крещении и создании храмов.

Выдающимся миссионером был святой *Феодорит*, именуемый просветителем лопарей. Он родился в г. Ростове и в 14 лет принял постриг в Соловецком монастыре. После многих подвижничества он решил удалиться в пустыню и ушел за реку Колу в дремучие леса. Там, он встретил другого искателя безмолвия – пустытника Митрофана, с которым вместе прожил 12 лет. Около 1540 года они пришли в Новгород. Феодорит был рукоположен в сан иеромонаха и стал духовником архиепископа Макария. Когда же тот отъехал в Москву на митрополию, Феодорит вернулся на Колу и создал там Троицкий монастырь. С этого времени местное население начало массами обращаться к православной вере. Был случай, когда в один день крестилось около

двух тысяч человек. Но иноки созданного им монастыря изгнали своего настоятеля. Несколько позднее святой Феодорит был поставлен архимандритом суздальского Евфимиева монастыря; затем был оклеветан и осужден вместе со старцем Артемием, но через два года освобожден. Остаток жизни он провел в вологодском Прилуцком монастыре, откуда еще дважды посещал свою паству.

Другим замечательным подвижником на поприще миссионерской деятельности был святой *Трифон Печенгский*. Он родился в 1495 году в новгородских пределах. В поисках уединения он удалился на крайний север за реку Печенгу, где проповедовал местным племенам с опасностью для жизни. Через несколько лет Трифон пришел в Новгород, где получил благословение архиепископа Макария на построение храма, воздвигнутого им на Печенге в честь Святой Троицы. Позднее создал там монастырь. Ходил святой Трифон в Москву, и получил от царя богатые дары и грамоты для своей обители. Скончался он 88-летним старцем.

Из других миссионеров Севера известно имя иеромонаха Илии с двумя помощниками, посланного архиепископом Макарием около 1534 г. в земли Вотской пятины для истребления идолопоклонства и укрепления христианской веры. Впоследствии преемник Макария по новгородской кафедре, архиепископ Феодосий также посылал священника Никифора с такими же задачами.

На юге проповедь христианства была распространена до Каспийского моря вслед за покорением в 1554 г. Астраханского ханства. Вскоре туда был послан игумен Кирилл, который устроил в 1568 году монастырь во имя Пресвятой Троицы. Этот монастырь стал оплотом и центром проповеди, которая успешно распространялась. На протяжении 50-х годов XVI века к дружбе с русскими, к принятию православной веры стали склоняться северокавказские народности – черкесы и кабардинцы, к которым русская Церковь также посылала своих служителей. Несколько позже, в 80-х годах, русские проникают в Сибирь, куда уже в 1582 году было послано десять священников с семьями.

РАЗДЕЛ II

ИСТОРИЯ ЗАПАДНО-РУССКОЙ МИТРОПО- ЛИИ

Периодизация истории Западно-русской митрополии

Историю Западно-русской митрополии следует изучать по периодам, взяв за основу схему, предложенную митрополитом Макарием (Булгаковым). Согласно этой схеме, время от момента разделения до Брестской унии подразделяется на четыре периода. Время от заключения унии до воссоединения с Московским патриархатом мы предлагаем подразделить на три периода. Итого, семь периодов, образующих семь основных тем нашего курса:

1. Борьба Православия с латинством и неудачные попытки унии (1458-1503).
2. Спокойное состояние Православия, лишь изредка нарушавшееся борьбой с латинством, без активных попыток к унии (1503-1555).
3. Борьба Православия с иезуитами и протестантством и новые, усиленные попытки к унии (1555-1589).
4. Введение унии (1589-1596).
5. Гонение на Православие и борьба за восстановление православной иерархии (1596-1620).
6. Борьба за признание законности Православия в Польском государстве и укрепление Православия при Петре Могиле (1620-1647).
7. Борьба за воссоединение с Московским патриархатом (1647-1686).

Как видно из схемы, основным содержанием истории Западно-русской митрополии была непрерывная борьба за выживание Православия, что было следствием активного проникновения католицизма.

Сравнительное положение Православия и католичества в Литовской Руси¹

Государи Литвы всегда исповедывали римскую веру. И православию здесь суждено было выдерживать непрерывную борьбу с католицизмом.

Литовское великое княжество состояло преимущественно из русских областей. Во всех этих древних русских областях существовала вера православная, и существовала уже целые века, следовательно успела укорениться глубоко и прочно, ее исповедывали как простой народ, так и все дворянство и князья – потомки удельных русских князей, здесь некогда княживших и в коренной Литве Православная Церковь имела немало последователей не только в низших слоях общества, но и между знатными княжескими родами, происходившими от детей великих князей литовских Гедимина и Ольгерда.

В самой Вильне, столице Литвы, еще к концу XV века целая половина жителей были православными, хотя преимущественно из русских поселенцев. И литовская православная митрополия заключала в себе, при начале периода, девять епархий, и епархий древних. Что же представляла собою тогда в литовском великом княжестве церковь латинская? Это была церковь очень юная и очень немногочисленная. Утвердилась она здесь только к концу XVI и в начале XV века, при Ягелле и Витовте. Учреждались, одна за другою, и латинские епархии: в Киеве (1350), Галиче или Львове (1361-1375), Вильне (1388), Перемышле (1390), на Жмуди (1417), в Луцке (1428); но учреждались более с целью пропаганды, чем по многочисленности паствы. Киевская, например, епархия считала у себя даже в половине XV века только семь костелов, а жмудская – в половине XVI века только 34 костела.

Во всем же Великом княжестве Литовском около половины XVI века, по свидетельству самих латинских писателей, было до 700 парохий, или приходских костелов, тогда как православных церквей (например) в одном лишь новгородском воеводстве было более 650 и во владениях одного князя К.К. Острожского более 600, по свидетельству латинских же писателей. А пред введением унии в Литве, по свидетельству тогдашних членов львовского братства, во всей литовской Православной митрополии числилось восемь епархиальных архиереев и «попов русских 2 тысячи», следовательно, немногим менее и церквей.

Православные епископы и митрополит пользовались в Литве только церковною властью и значением, но вовсе не допускались к участию в гражданских делах и государственных; латинские иерархи, напротив, особенно виленский, были ближайшими советниками великого князя и короля, заседали в сенате и оказывали сильнейшее давление на решение вопросов правительственных. Как ни многочисленно было – сравнительно – православное монашество в Литве, оно не подготовляло и в достаточном числе не выделяло из среды своей лиц, которые бы посвящали себя исключительно делу про-

---

¹ В основу дальнейшего изложения положены в основном материалы митр. Макария (Булгакова). См. митр. Макарий. История Русской Церкви. Тт. X, XII, – М., 1997.

поведи на защиту православия, на борьбу за него; напротив, латинское монашество в Литве преимущественно из орденов, имевших целью поддержание и распространение католицизма; довольно поименовать здесь одних иезуитов. Но самая главная сила католиков в Литве, дававшая им решительный перевес над православными, заключалась в государе.

Литовские государи, по отношению к православной церкви, действовали двулично. С одной стороны, они ясно видели, что их великое княжество есть не столько литовское, сколько русское. Русские, православные, составляли в нем громадное большинство населения; Русская народность и язык имели преобладающее значение. На русском языке говорили сами литовцы в своих сношениях с русскими. На нем, преимущественно, совершались акты и договоры, общественные и государственные, писались просьбы гражданами, давались грамоты к привилегии королями, обнародовались законы. На русском языке были составлены и изданы даже литовские Статуты, и только на нем одном происходило судопроизводство во всех владениях Литвы. В среде русского и литовско-православного населения находились многие знатные фамилии из прежних князей, господствовавших в крае; некоторые из них состояли в довольно близком родстве с самими великими князьями Литвы, другие владели огромными имениями, целыми почти уделами и содержали собственные дружины; из этой среды не раз являлись именитые государственные сановники и славные воины, оказывавшие великие услуги всему отечеству.

Из всех православных князей великого княжества Литовского самые близкие великому князю-королю по родству были князья Олельковичи-Слуцкие, а самые богатые – едва ли не князья Острожские. При К.К.Острожском княжество Острожское заключало в себе 35 городов и местечек и 671 селение кроме тех, которые розданы были во владение церквам, монастырям и архиереям, и занимало значительную часть нынешней волынской и некоторые части киевской и подольской губерний. Ежегодные доходы князя простирались до 10 миллионов польских злотых (ок. 1 800 000 серебряных руб.). При дворе его служил маршалком – один из знатных панов, получавший по 70 тысяч злотых жалования и находилось в качестве придворных членов до 2 тысяч других панов, русских и польских (бояр и шляхты). И во всем этом княжестве, имевшем более 600 православных церквей, находилось два костела и два ксендза даже в начале XVII века.

К тому же православные русские литовского государства имели за собою еще русских московского государства и, в случаях нужды, могли находить для себя не только нравственную, но и физическую опору в православном московском государе. Очень понятно, что литовско-польские короли не могли относиться к своим подданным православной веры, по крайней мере, наружно, без должного внимания и справедливости. И вот мы видим, что все эти государи, при самом вступлении своем на престол, изрекали клятвенное обещание занять права и привилегии всех своих подданных не только римской веры, но и русской, (как уже тогда называли в Литве православную веру в отличие от латинской); все подтверждали и ограждали и церковные, и

имущественные права русских – митрополита, епископов и прочего духовенства; давали жалованные грамоты русским церквам и монастырям на построение или восстановление и обновление их, на их земли и вотчины, прежние и новые, на охранение их от обид и притеснений, так что, при рассматривании одних этих грамот можно подумать, будто Православная Церковь в Литовском государстве пользо-валась совершенным покровительством правительства.

Но, с другой стороны, литовские государи позволяли себе, по отношению к ней и совсем иного рода действия. Сами они были католиками, и как государи, они не могли благоприятствовать православной вере в среде своих русских подданных; потому что она постоянно влекла их к Москве, тогда как литовским государям, напротив, желательно было всячески отклонить их от Москвы и сблизить с прочими своими подданными. С этой-то преимущественно целью еще Ольгерд и Витовт пытались дать своим русским подданным особую первосвятителя и совершенно отделить их от московской митрополии. Нечего потому удивляться, если литовские государи, дававшие столько льготных грамот православным своим подданным и православному духовенству, издавали также и враждебные им постановления и, по временам, то лишали православных права занимать высшие должности в государстве, то запрещали им строить и даже возобновлять свои церкви, то отнимали у них церкви и отдавали латинянам, то стесняли православных в торжественном отправлении их праздников и священнослужителей, то уничтожали самую веру православную, называя ее даже в официальных бумагах схизмою, а православные храмы – синагогами, то допускали и открытое насилие над православными для привлечения их к покорности папе.

Ничем, однако же, столько короли эти не наносили вреда православию в своем государстве, как злоупотреблением усвоенного ими себе права «патронатства» по отношению к православной церкви и, в частности, *права «подавания»* архиерейских в ней кафедр, монастырей и церквей. В литовских епархиях, еще до отделения их от московской митрополии, избрание епископов совершалось уже не так, как в Москве, не собором иерархов по изволению великого князя, а самим королем при участии князей, бояр, священников и всего людства той епархии, для которой избирался архипастырь. Мало-помалу участие местного духовенства и мирян в избрании епархиальных архиереев почти прекратилось и назначение последних перешло в исключительную власть литовско-польских королей, которые допускали при этом ходатайства только своих сенаторов и других знатных лиц и вообще дворянства.

Пользуясь таким важным правом, короли-иноверцы раздавали архиерейские кафедры, большею частью не духовным лицам, способным к святительскому служению, а светским, искавшим только захватить в свои руки архиерейские имена, и раздавали иногда в виде награды за какие-либо заслуги, военные или гражданские, иногда по ходатайству сильных особ, нередко прямо за деньги. Случалось, что еще при жизни престарелого епископа, король предоставлял его епархию какому-либо шляхтичу, который, по смерти

епископа, тотчас и вступал в управление ею и управлял несколько лет, вовсе не принимая на себя священнического сана и только называясь нареченным епископом. Случалось, что король давал право на какую-либо архиерейскую кафедру разом двум светским лицам, которые потом и вели из-за нее между собою открытую борьбу...

Точно также поступали литовские государи с православными монастырями и церквами, наводившимися под их непосредственным патронатством. Большею частию они предоставляли настоятельство в этих монастырях не монахам, но мирянам, которые иногда обязывались вступить в монашество, иногда и не обязывались и, продолжая жить в миру, правили монастырями чрез своих как бы наместников-иноков, сами же властно распоряжались монастырскими вотчинами. А очень нередко короли отдавали, как свои монастыри, так и церкви со всеми их имениями прямо в арендное содержание на несколько лет или и в пожизненное владение, то духовным, то мирским людям, даже латинского исповедания.

Примеру короля следовали князья, бояре и вообще паны, имевшие под своим патронатством православные монастыри и церкви. Некоторые из этих патронов – между ними были и иноверцы – вместо того, чтобы заботиться о своих монастырях и церквах, об их устройстве и благосостоянии, и подсоблять им, сами только пользовались их имениями или отдавали эти имения в аренду другим и доводили их до совершенного разорения. Они предоставляли себе в то же время право, по совершенному произволу принимать и удалять приходских священников и монашествующих, к крайнему стеснению епархиальной власти.

Такой порядок, вернее, беспорядок в раздаче архиерейских кафедр и в управлении монастырями и церквами продолжался в литовской православной митрополии в течение всего периода и имел самые губительные для нее последствия. Это была страшная внутренняя язва, которая незаметно подтачивала самые главные силы Церкви и неизбежно вела ее к расслаблению и изнеможению. У Церкви отнята была даже возможность иметь достойных архипастырей и духовных вождей и борцов, которые бы ревностно и мужественно отстаивали бы ее православие и права. Ей давали таких святителей, которые преследовали преимущественно собственные интересы и из-за личных выгод способны были пожертвовать всем. И этим-то злоупотреблением своей власти назначать православных архиереев и распоряжаться православными монастырями и церквами, этим-то постепенным ослаблением и обесиливанием православной Церкви литовские государи несравненно более, нежели всеми другими мерами, подготовили в своем государстве для латинян победу.

Право «патронатства» и, в частности, право «подаванья» основывались на владельческом праве. Литовские государи признавали себя верховными владельцами и государями всех земель Великого княжества Литовского, а следовательно, и всех находившихся в нем земель и имений церковных, которые принадлежали кафедрам православных архиереев, православным монастырям и церквам. На этом основании литовские государи усвоили себе

право подавать или раздавать, по своему усмотрению, архиерейские кафедры, монастыри и церкви и считаться их патронами, почему и называли себя «верховными подателями столиц (столов-кафедр) духовных и всех хлебов духовных», также «верховными подавцами и оборонцами церковей Божиих» и т.д.

Впрочем, по отношению к монастырям и церквям право подавания было ограничено; они пользовались этим правом по отношению только, во-первых, к тем монастырям и церквям, которые находились в их собственных, королевских имениях и, во-вторых, - к тем, которые находились вообще на государственной территории. По примеру своего государя и все прочие землевладельцы, как светские, так и духовные, усвоили себе право патронатства и подавания по отношению ко всем тем монастырям и церквям, которые находились в их имениях. Наконец, король нередко жаловал право патронатства и подавания по отношению к монастырям и церквям, находившимся в его собственном государственном распоряжении, не только частным лицам, светским и духовным, но и целым обществам того или другого города и церковным братствам.

Начало разделения

Ученик Исидора *Григорий Болгарин* был рукоположен в митрополиты униатским константинопольским патриархом Григорием Маммой в Риме в 1458 году и был принят королем Казимиром. Как складывались его отношения с православным духовенством и народом в Литовской Руси, известно мало. В 1464 году один из литовских епископов, Евфимий брянский (или черниговский) покинул свою епископию и Литву и «прибежал» в Москву, где получил суздальскую епархию. Но до 1464 года он, очевидно, признавал Григория, как и остальные епископы. Опорой Православия были, прежде всего, православные князья, сознававшие свое достаточно независимое положение, и среди них – киевский князь Симеон Олелькович, скончавшийся в 1471 году.

Даже при номинальном признании Григория со стороны епископата и клира уния не имела никакой опоры в народе. В 1468 году, через 10 лет после прибытия Григория, король Казимир написал к папе Павлу II, что в Литве и соединенных с нею русских областях обитает «великое множество еретиков и схизматиков», т.е. православных, и что «число их со дня на день возрастает».

Таким образом, пропаганда унии в этот момент терпела полную неудачу. Не помогли и бернардинские монахи, присылавшиеся в Литовскую Русь папой для пропаганды унии. Дело кончилось тем, что сам митрополит Григорий покаяться и вернулся в Православие. Это произошло в 1470 году. Константинопольский патриарх Дионисий I принял Григория и признал его митрополитом всея Руси. Возвращение Григория, будучи отрядным событием, вызвало новые осложнения в отношениях между Москвой и патриархом. Не признавая автокефалии Русской Церкви, патриарх надеялся через Григория

восстановить свою власть над Русской Церковью. В ответ Москва отвергла не только Григория, но и самого патриарха. В 1472 году митрополит Григорий скончался.

После смерти Григория положение с возглавлением и управлением Церкви в Литовской Руси осталось неопределенным. Казимир не хотел, конечно, возвращать управление митрополиту, находящемуся в Москве, но и насаждать унию насильственными мерами он не мог и к папе не обращался. Управление митрополией было передано нареченному митрополиту *Мисаилу*, епископу Смоленскому. Мисаил происходил из рода князей Друцких-Соколинских (по другим сведениям, из рода Пеструцких). В 1456 году Мисаил приезжал в Москву за иконой Божией Матери Смоленской. Поэтому он был известен митрополиту святому Ионе, который хвалил его за стояние в Православии, однако, потом Мисаил признал Григория. Его наречение в митрополиты состоялось не раньше 1475 года. Возможно, оно было задержано королем. Мисаил обладал личным благочестием: так, он соорудил монастырь во имя Святой Троицы, на который истратил часть своего наследства. Однако, став нареченным митрополитом, он попал под давление католиков и короля, которые желали восстановления унии.

То, что такое давление было, видно из некоторых действий короля. Так, еще в 1471 году, после смерти православного князя, киевского наместника Симеона Олельковича, Казимир назначил на его место католика литовца Гаштольда, не взирая на протесты киевлян. В 1476 году Мисаил направляет к папе Сиксту IV «эпистолию», подписанную из духовных лиц только им и двумя архимандритами, из чего следует, что Церковь его не поддерживала в этом предприятии, а лично Мисаил вряд ли был расположен к унии. В «эпистолии» говорится о притеснениях от латинян, что и объясняет появление самого послания с его прошениями об унии. Однако, нет никаких сведений о том, что папа ответил Мисаилу. Во всяком случае, воссоединения Мисаила с Римом не произошло. Вместе с тем, Мисаил не получил и благословения константинопольского патриарха Рафаила. Мисаил так и остался только нареченным митрополитом до своей кончины в 1480 году.

Со смертью Мисаила неурядицы на кафедре Литовской митрополии возобновились. Константинопольский патриарх Рафаил рукоположил в митрополиты тверского выходца Спиридона-Савву около 1480 года. Получив сан, Спиридон отправился в Литву. Однако, король Казимир не был расположен принимать митрополита, навязанного ему Константинополем. Казимир арестовывает Спиридона, и держит его в тюрьме до 1482 года. Спиридон написал послание великому князю Ивану III в Москву, но не получил поддержки. Тем не менее, когда ему удалось освободиться из тюрьмы, Спиридон направляется в Москву. Но в Москве был свой митрополит. В появлении Спиридона московские власти увидели происки Константинополя. Его снова арестовывают и ссылают в Ферапонтов монастырь.

Митрополит Спиридон известен как духовный писатель. В литовском заключении он написал «Изложение о православной вере», где рассказал и о себе. В московском заключении в 1503 году он написал «Житие святых Зо-

симы и Савватия». Скончался Спиридон в 1505 году. Известен отзыв о нем новгородского архиепископа Геннадия: «Сей человек в нынешняя лета беяше столп церковный, понеже измлада навыче священная писания».

Пока митрополит Спиридон сидел в тюрьме короля Казимира, решался вопрос о возглавлении Литовской митрополии. Литовские епископы избрали нареченным митрополитом епископа Полоцкого **Симеона**, и король его утвердил. В 1481 году патриарх Максим прислал в Литву свой «благословенный лист» и двух экзархов – митрополита Энейского Нифонта и епископа Ипанецкого Феодорита, которые, по-видимому, совершили вместе с русскими епископами посвящение Симеона в митрополита. Значение этого события в том, что с этого момента устанавливаются отношения канонического подчинения Литовско-русской митрополии Константинопольскому патриарху. Одновременно патриарх объявил Киево-Печерский монастырь ставропигиальным, запретив митрополиту вступать в его дела.

Время митрополита Симеона было трудным. Разрешив поставить православного митрополита, Казимир в то же время предпринял попытку ограничить деятельность Церкви. Он издал указ, по которому запрещалось строить новые православные храмы и даже ремонтировать обветшавшие. Такое прямое гонение на Православие было вызвано настоянием его сына – королевича Казимира (позднее причислен католической церковью к лику святых).

Другим тяжелым испытанием для Церкви при Симеоне было нашествие крымского хана Менгли-Гирея, который захватил Киев, ограбил город и Софийский собор. В 1488 году митрополит Симеон скончался.

Об избрании и поставлении его преемника известно из челобитной, посланной православными князьями Литвы цареградскому патриарху. В челобитной они говорят о себе, что содержат православную веру «неотступно и до самой смерти». Сказав о смерти митрополита Симеона, они продолжают, что после него киевская митрополия «не мало» вдовствовала, и что они «неотступно умоляли государя своего, да повелит избрать годного настоятеля». Когда король дал разрешение, происходило «взыскание многое», пока не обрели «мужа святого, наказанного в писаниях, могущего и иных пользоваться» и «противящимся закону нашему сильного возбранителя», (Иону), архиепископа Полоцкого. Далее князья умоляют: «Да учинит святыня твоя, к нашему утверждению **ради теснящих нас вере**, (подчеркнуто нами – сост.) милосердно и да не умедлит от руки твоей меч духовный отцу нашему, им же оборонити нас...». Из цитированного послания видно, что Православная Церковь в Литве подвергалась в это время постоянным притеснениям как в деле избрания своего главы, так и в других сферах своей жизни. Иона (по прозвищу Глезна) был избран только через 4 года после смерти Симеона, то есть в 1492 году. В этом же году скончался король Казимир. Несмотря на все притеснения Православия, которые вызывались давлением на короля со стороны католической церкви, сам по себе Казимир стремился равно относиться ко всем подданным и был, по словам Супрасльской летописи, «справедливым, добрым». Он неоднократно жаловал именья православным монастырям, из-

давал грамоты в защиту прав православного духовенства от светских властей.

Иона Глезна не долго управлял митрополией. Он скончался уже в 1494 году, и Церковь вновь оказалась перед необходимостью бороться за достойного возглавителя. На этот раз собор литовских епископов возвел в нареченные митрополиты архимандрита Свято-Троицкого монастыря в Вильне **Макария**. Его возведение было совершено без предварительного обращения к патриарху, что вызвало недовольство последнего. Однако, епископы отвечали, что поступили так «по нужде», т.е. по причине гонения на Церковь. Однако и Макарий не долго находился на кафедре. Уже в 1497 году он был убит шайкой крымцев, когда ехал в Киев, разоренный их очередным набегом. Митрополит Макарий – один из немногих западно-русских подвижников, причисленных донныне Церковью к лику святых, мощи его почивают в Киеве во Владимирском соборе.

При нем в 1495 году состоялся брак нового великого князя литовского Александра с дочерью Ивана III Еленой. Это брак имел значительные последствия в жизни православия в Литве. Незадолго до заключения брака Александр потерпел поражение в войне с Иваном III, и надеялся, что родственный союз укрепит границы его государства. Папа римский дал согласие на брак Александра, надеясь, что Елена перейдет в католичество. Иван III вынудил Александра письменно дать обязательство: «Нам его дочери (т.е. Елены) не нудить к римскому закону, держит она свой греческий закон». Елену отправили в Литву с подробной инструкцией на будущее, в которой, в частности, говорилось: «В латинскую божницу не ходить, а ходить в свою церковь, захочет посмотреть латинскую божницу или монастырь латинский, то можно посмотреть один раз или дважды». Во всех городах, через которые Елена проезжала, она должна была посещать соборные церкви и служить молебны. От Александра Иван требовал, чтобы он «велел бы нашей дочери поставить церковь нашего греческого закона на переходах у своего двора, у ее хором, чтобы ей близко было к церкви ходить...»

Однако сразу же по прибытии Елены в Вильно начались недоразумения. Предполагалось, что в венчании будет участвовать, наравне с католическим епископом, и митрополит Макарий с православным духовенством. На деле только один священник, сопровождавший Елену из Москвы, участвовал в богослужении, т.е. читал молитвы. Александр сразу же отказался строить для Елены придворную церковь, предложив ей ходить в городской храм. Он ссылаясь на то, что законом запрещено увеличивать в Литве количество православных церквей. В окружении Елены были придворные почти исключительно католического вероисповедания. Между тем, папа Александр VI освободил великого князя Литовского от обещаний, данных им Ивану III в отношении Елены, и требовал обратить ее в католичество.

Положение стало еще более сложным, когда умер митрополит Макарий и в 1498 году в митрополиты был возведен епископ смоленский **Иосиф Болгариневич**. Этот епископ издавна пользовался благожелательным отношением великого князя литовского, и, став нареченным митрополитом, сразу же

стал действовать в пользу унии. В Москву сообщали: «посылал-де великий князь Александр к своей великой княгине Елене отметника православных веры Иосифа, владыку смоленского, да бискупа виленского и чернецов бернардинов, чтобы приступила к римскому закону, да и к князьям русским послал и к виленским горожанам, и ко всей Руси, которые держат греческий закон, и нудят их приступить к закону римскому». В другом доношении говорилось: «Здесь у нас... произошла великая смута между латинами и нашим христианством. В нашего владыку смоленского дьявол вселился и вместо с Сапегою отметником... они восстали на православную веру. Великий князь неволил государыню нашу, великую княгиню Елену, в проклятую латинскую веру... Да и все наше православное христианство хотят окрестить, оттого наша Русь с Литвой в сильной вражде».

Вследствие преследований ряд православных князей со своими землями передались Ивану III. Тем временем Иосифу в 1500 году удалось получить благословение цариградского патриарха, и сразу после этого он просит папу римского принять его в унию. Не отвечая Иосифу прямо, папа в посланиях к великому князю Александру одобряет его усилия по обращению русских. В отношении Елены он требует от нее перейти в католичество, а в случае отказа, - удалить. Еще в одном послании папа предлагает пригрозить Елене церковным судом. Одновременно в Литве основывались католические монастыри, а епископ Виленский получил так называемое «право светского меча». Католики усиливали и литературное давление: краковский каноник Иоанн Сакран составил «Записку о заблуждениях русских в вере и обрядах», написанную в резко враждебном духе и наполненную искаженными представлениями о Православии. Эта «Записка» многократно издавалась на разных языках и оказала значительное влияние на отношение к Православию в Европе.

Скоро, однако, планы католиков разрушились. Узнав о притеснениях, Иван III написал дочери, чтобы она пострадала до крови и до смерти, но не изменяла вере. Елена и не собиралась переходить в католичество, а Александр не стремился выполнять все приказы папы в отношении своей жены. Тем не менее, отношение двух великих князей дошло до полного разрыва, и Иван III объявил в 1500 году войну своему зятю. Литовские войска были быстро разгромлены. В 1501 году внезапно скончался митрополит Иосиф Болгаринич, являвшийся опорой католиков в деле унии. В 1503 году было заключено перемирие и надолго прекратились все попытки насильственного обращения Литовской Руси в католичество.

Из событий церковной жизни этого времени следует отметить основание знаменитого Супрасльского монастыря на землях православного магната Ходкевича около 1500 года.

Как мы видим, в данный период Православие в Литовской Руси имело достаточно внутренней силы, чтобы успешно защищать себя от нападений, даже находясь в неблагоприятных условиях. Кроме того, оно пользовалось мощной поддержкой извне. Но уже и в этот период намечается будущий упадок высшей иерархии: некоторые митрополиты готовы были склониться к

унии. Полоцкий епископ Лука имел жену и сына, которые жили в имении неподалеку от Полоцка. В Московской митрополии такое явное нарушение правил Церкви было бы совершенно невозможно.

Положение Церкви в первой половине XVI века

Благоприятное изменение отношения к Православной Церкви выразилось в том, что избрание и утверждение Александром (который был уже королем польским в это время) нового митрополита производилось в соответствии с пожеланием Елены, а Елена, вполне очевидно, следовала мнению православного духовенства. Новой главой Западно-русской митрополии стал **Иона II**, до этого архимандрит Минского Вознесенского монастыря. Это произошло в 1503 году. Иона не отличался книжностью, но был благочестив и усерден в вере. Иона происходил из вдовцов и имел сына. При Ионе король Александр издал ряд грамот, в целом благоприятных для Церкви, поскольку они подтверждали права православного духовенства. При нем продолжалось строительство Супрасльского монастыря, причем король Александр совершил небывалый акт: он послал от себя письмо цареград-скому патриарху Иоакиму с извещением о создании этого монастыря (между тем, папа назвал Иоакима в одной из своих грамот к Александру еретиком, незаконно поставленным на патриаршество). Патриарх утвердил устав Супрасльского монастыря, в котором было установлено вечное поминовение благотворителей, избрание игумена из собственной среды, запрещение хмельных напитков, запрещение выходить из монастыря без благословения игумена, полное общежитие.

Война с Москвою принесла значительные убытки и разорение многим церквям и монастырям. Король Александр не препятствовал восстанавливать разоренные войной храмы и обители, несмотря на известный закон Казимира. Находились и благотворители, жертвовавшие на святое дело свои имения. Так был восстановлен Колошский монастырь около Гродно на средства некоего Боговитиновича, королевского писаря. Иона же отказался от всех доходов с этого монастыря. Благотворительность аристократии и богатых людей в этот период имела вообще широкие размеры. Митрополит Иона умер в 1507 году, распределив свое имущество между Церковью, королем, подчиненными и сыном.

Западно-русской митрополии «не везло» в смысле продолжительности управления ее митрополитов: до сих пор почти все они, как ми видели, возглавляли церковь всего лишь по несколько лет. Это невольно осложняло течение дел, возникали перерывы, перемены административного порядка и всякого рода невольные затруднения, связанные с частой сменой возглавителей при неблагоприятной внешней обстановке. Более долговременным оказалось возглавление преемника Ионы II – митрополита **Иосифа II Солтана** – одного из лучших митрополитов за все время существования митрополии. Иосиф Солтан был хорошо образованным и благочестивым иерархом знатного происхождения. Он был епископом смоленским, пользовался благораспо-

ложением короля Александра и проявил преданность королю во время его войны с Москвой. По-видимому, он был близок к митрополиту Ионе. Иосиф был наречен в митрополиты в конце 1507 года, а в сентябре 1509 года получил благословение цареградского патриарха Пахомия. Сразу же по утверждению на кафедре Иосиф начинает активную деятельность по упорядочиванию церковной жизни. Несмотря на благоприятное отношение короля к церкви последние несколько лет, трудности ряда предшествующих десятилетий привели Церковь в состояние значительного расстройств. 25 декабря 1509 года, в первый день Рождества Христова, Иосиф созывает в Вильне собор «о церковных вещех и о исправлении дел духовных». Открывая собор, Иосиф воспользовался речью святого митрополита Кирилла на владимирском соборе 1274 года, содержание которой он применил к обстоятельствам своего времени. Иосиф говорил: «...я видел много нестроения и безчиния в духовенстве и много о том слышал... Все это мы должны исправлять и очищать но правилами святым, о всем должны скорбеть и болеть. Ибо какой прибыток получили мы чрез умножение грехов наших? Не рассеял ли нас Бог по лицу всей земли? Не разведены ли сыны и дочери наши во многия страны поморские, плененные от поганых? Не взяты ли были грады наши, не пали ли сильные князья наши от острия меча, не запустели ли святые Божии церкви, не томимся ли всякий день от безбожных поганых агарян? Все это бывает нам за то, что мы ходим не по правилам святых апостолов и не по заповедям святых отцев наших...» Эти слова о татарском нашествии Иосиф применял к положению православия в католическом государстве.

На соборе присутствовало семь епископов (кроме митрополита), архимандриты, игумены и прочее духовенство. Собор постановил 15 правил, суть которых сводится к следующему:

Первые четыре правила касаются поставления на священные степени. Запрещается покупать кафедры при жизни занимающих их епископов. Не поставлять на священство из чужих епархий. Проверять кандидатов: отказывать и великому князю, если он просит за недостойного. Утаившего грех при посвящении в иерейский или архиерейский сан – отлучать.

Епископы должны собираться на соборы регулярно. У бесчинных священников отнимать церкви и отлучать на время или совсем. Монахам из своих монастырей своевольно не исходить. Вдовым священникам не служить. Священников и мирян не разрешать без воли их епископа.

Князья и паны не должны отнимать у священника церковь без ведома епископа. «Пусть объявят вину (священника) писанием, и мы ее соборне рассмотрим. Если князь или боярин (или пан) самовольно отнимет у священника церковь, не давать той церкви священника. Но через три месяца послать для хвалы Божией и блага христиан. Если по приказу князя или пана какой-либо священник начнет священствовать без нашего благословения, то да будет лишен сана. Если князь или боярин отнимет церковное имение, обослать нашим листом и благословением, если не послушает, то да будет отлучен».

Последнее правило гласило: «Если (сам) господарь или вельможи захотят нарушить хоть одно из (сих) определений, то никому из нас не то не дер-

зять (своим согласием), а всем нам съехаться, на собственный счет, к митрополиту и бить челом господарю и непоколебимо стоять чтобы закон нашей православной веры не был нарушен».

Основное содержание правил – защитить церковь от произвола светской власти и подчинить церковную жизнь твердому порядку. Характерно запрещение покупать кафедру – это было страшное зло литовской митрополии.

В 1510-1511 годах Иосифу удалось добиться от короля Сигизмунда (Александр умер в 1506 году) грамоты, подтверждающей права православной Церкви от начала христианства на Руси. Король также подтвердил более ранние запрещения светским лицам римского закона вмешиваться в дела православной Церкви. Обращение Иосифа поддержали все епископы и православный патронат во главе с великим гетманом князем Константином Ивановичем Острожским.

В 1514 году Иосиф созвал еще один собор для канонизации преподобного Елисея Лавришевского, подвижника XIII века, основавшего монастырь и закончившего жизнь насильственной смертью. У гроба его происходили исцеления. В начале XVI века, во время нашествия татар, монастырь единственный уцелел в разоренной татарами местности: татарам казалось, что монастырь наполнен конницей, хотя там не было ни одного воина, и они отступили. После этого чуда митрополит Иосиф с собором установил праздновать преп. Елисею 23 октября. Митрополит Иосиф был хорошим пастырем и следил за духовно-нравственным состоянием своей паствы. Так, лиц, живущих в незаконном браке, он заставлял подчиниться правилам Церкви. Он также разрешил православным жителям Вильны, по их желанию, участвовать в наблюдении за сохранностью церковного имущества. Особенное внимание уделял митрополит Иосиф устройению Супрасльского монастыря. При нем монастырь был освобожден от пошлин, был построен каменный храм, монастырь стал именоваться лаврой. Митрополит делал богатые вклады в него деньгами, утварью, книгами и т.д.

Строительство и обновление храмов практически не встречало препятствий со стороны короля Сигизмунда. Так, в 1514 году перед битвой под Оршей с московскими войсками князь К.И. Острожский дал обет в случае успеха выстроить два каменных храма. Битва закончилась полной победой литовцев, и князь выполнил свой обет, не встречая противодействия короля.

Из отрицательных явлений можно отметить **подавание кафедр** в качестве вознаграждения за королевскую службу. Это показывает, как мало считался король с постановлениями православной Церкви.

Благоприятное, в целом, отношение к Православию в Литовской Руси не распространялось на православную Церковь в Галиции, которая входила в состав Польского королевства. В Галиции проводилась политика полонизации: земли раздавались полякам и немцам. Король Сигизмунд, столь толерантный, как мы видели, в отношении литовско-русского Православия, здесь провел неслыханную по беззастенчивости реформу. Дело в том, что право-

славными монастырями и приходами в Галиции, со времени ликвидации здесь православной кафедры, управляли наместники киевского митрополита.

Но весной 1509 года Сигизмунд, желая «по долгу христианского государя, чтобы схизматики в Галиции удобнее могли быть привлекаемы к истинной вере», передал право назначать наместников право-славного митрополита во Львове и других местах – львовскому архиепископу. Что касается митрополита, то ему король предоставил с этого же времени право именоваться «галицким». Таким образом, митрополит стал именоваться «киевским и галицким», а делами Православной Церкви в Галиции распоряжались католики через своих ставленников. Понятно, какие последствия из этого происходили для православных. Притеснения были многочисленны и разнообразны. Так, православный не мог быть свидетелем в суде. Назначение православных священников в городах зависело от магистратов, состоящих из одних католиков, которые могли не обращать внимания на представление русского общества. Православным священникам было запрещено посещать больных в городе для причащения в церковном облачении. Провожать тело умершего через город в церковном облачении православным священникам также было запрещено.

Эти и некоторые другие ограничения для православных были частично отменены только в 1521 году по ходатайству князя К.И. Острожского без влиятельной поддержки которого жалобы православных не достигали цели. Благочестивый князь пользовался уважением и любовью всего православного народа, в том числе и митрополит Иосифа. В 1521 году митрополит Иосиф скончался, и кн. Острожский был поставлен опекуном имущества митрополии до избрания нового митрополита.

В 1522 году нареченным митрополитом избран архиепископ Полоцкий **Иосиф III**. Считается, что он происходил из дворянского рода, был женат и имел двоих детей. Во время его правления отмечается некоторое обострение отношений с католиками. Под давлением последних на виленском сейме 1529 года король формально подтвердил запрещение православным занимать высшие государственные должности. На этом же сейме на Православную Церковь была возложена обязанность выставлять ополчение с принадлежащих ей земель во время войны. Большие трудности для Церкви создавало как и раньше, право подаванья, которым король Сигизмунд широко пользовался, раздавая «хлебы духовные» светским лицам.

Наиболее яркие события при митрополите Иосифе III происходили в Галиции. В 1522 году митрополичьим наместником в Галиции король назначил, с согласия львовского католического архиепископа, некоего дворянина Иакинфа Гдашицкого, поручив ему наблюдения над «синагогами русского обряда» во всей Галиции. Гдашицкий принял монашество с именем Исаакий и сумел так понравиться католическому епископу, что тот разрешил возвести его в сан архимандрита, дал право производить суд и, вообще, значительно расширил его права. Получив столь важные привилегии, Гдашицкий отказался исполнять приказы католического архиепископа, стал усердно проповедовать православие, возвращая в Церковь совратившихся в латинство. Он обра-

тился к митрополиту с просьбой принять его в свое подчинение, и митрополит утвердил Гдашицкого своим наместником в Галиции. Таким путем, положение православных в этой части киевской митрополии стало постепенно улучшаться.

В 1530 году умер выдающийся защитник и покровитель православных князь Константин Иванович Острожский. Он был похоронен в великой церкви Киево-Печерской Лавры, где были погребены его предки. В 1534 году скончался митрополит Иосиф III.

В том же 1534 году на митрополичью кафедру возведен епископ луцкий *Макарий II*. По сохранившимся сведениям, первоначально он был духовником королевы Елены, был женат и имел детей; овдовев, принял монашество. Согласно королевской грамоте, Макарий сам просил назначить его на митрополию, заручившись поддержкой еще живого митрополита Иосифа и католички королевы Боны с виленскими воеводами. Это был первый случай, когда епископ открыто выпрашивал себе митрополию, что, конечно, свидетельствует о значительном упадке нравственных принципов.

В Галиции при Макарии II продолжали развязаться события. Православная ревность наместника Гдашицкого вызвала ожесточенное противодействие католического архиепископа, который чувствовал себя уязвленным. Он сумел добиться отстранения Исаакия и назначил другого наместника, который действовал во враждебном православию духе. Это вызвало возмущение православных. После некоторой борьбы православные сами выбрали кандидата в наместники, некоего Макария Тучанского, и обратились к королю. Король утвердил Макария наместником вопреки желанию католического архиепископа, который заявил протест королю и пытался арестовать нового наместника. Король стал на сторону архиепископа.

Тогда православные обратились к королеве Боне, предложив ей двести волов. Королева тотчас сдалась, и привилегия на имя архиепископа была уничтожена, а Макарий вновь утвержден наместником. Через некоторое время, когда король был во Львове, снова возник вопрос о наместничестве, и православные дали ему еще 50 волов, но архиепископ все же упросил короля вернуть ему власть над православными. Православным пришлось раздать еще сто десять волов влиятельным лицам, но дело все тянулось. Раздав еще сто сорок волов, православные добились, наконец, утверждения Макария наместником.

В ответ архиепископ потребовал перенести рассмотрения дела на сейм. Зная об этом, король сам посоветовал православным возвести Макария во епископа, что и было сделано в 1540 году. При таких необычных обстоятельствах была восстановлена православная кафедра во Львове. Но католики еще долгое время не могли успокоиться. Через два года они потребовали от короля уничтожить православную кафедру во Львове, запретить строительство православных церквей, колокольный звон и крестные ходы; тех русских, которые прежде перешли в католичество, а затем вернулись в православие, заставить вернуться в католичество и заново крестить их.

После смерти епископа Макария в 1548 году католический архиепископ вновь потребовал вернуть ему право назначать наместника для православных. Но православные это предусмотрели; еще при жизни епископа Макария король утвердил его преемником львовского дворянина Марка (в монашестве Арсения) Балабана, которого король и рекомендовал представить митрополиту, как наместника для посвящения в архиерейский сан.

При митрополите Макарии наблюдается известное оживление монашеской жизни. Было основано несколько новых монастырей, из которых наиболее известным является Жировицкий монастырь, основанный в 1549 году в связи с явлением чудотворной иконы Божией Матери. В Киево-Печерском монастыре, который периодически переживал трудности своей внутренней жизни, было восстановлено общежитие и получен устав.

Митрополит Макарии II скончался в 1556 году. С его смертью заканчивается относительно спокойный и благополучный период жизни на Юго-западной митрополии.

Показателем духовной жизни являются, в первую очередь, монастыри. В Юго-западной митрополии их было около пятидесяти, причем, двадцати из них было основано в это время. Увеличивается также и число храмов. Отпадений от православия в этот период было немного, даже аристократия, в основном, сохраняла верность православию. Так, посол короля в Москве Юрий Тышкевич берет благословение у московского митрополита в 1555 году. Однако, главная болезнь, подтачивавшая литовскую митрополию – право подавания – незаметно нарастала в своем отрицательном качестве. Другим злом являлись протестантские ереси, начавшие появляться в это время. В 1539 году в Вильне появились лютеране, а вслед за ними проникли кальвинисты. В 1553 году канцлер Николай Радзивилл принял кальвинизм. Годом позже из Москвы в Литву является Феодосий Косой, который, по словам Зиновия Отенского, развратил всю Литву. Почти одновременно с ним появляется ересь антиринитариетов, занесенная из Италии Лелием Соционом.

Начало упадка

При преемнике митрополита Макария – митрополите *Сильвестре* – отрицательные явления в жизни Православной Церкви в Польше и Литве начинают все более развиваться. Злоупотребление «правом подавания» все более становится нормой при получении кафедр и настоятельских мест. Митрополит Сильвестр – в миру королевский скарбник и ключник в Вильне пан Стефан Андреевич Велькевич. Еще будучи мирянином, он выпросил у короля в управление виленский Троицкий монастырь, обладавший большими доходами. Митрополия была обещана ему еще за пять лет до смерти митрополита Макария, причем Велькевич оставался мирянином.

После смерти митрополита Велькевич был объявлен «нареченным» митрополитом, но по-прежнему оставался светским лицом до самого последнего момента и лишь непосредственно перед рукоположением принял монашество. Такой путь достаточно говорит о качествах этого первосвященника.

Больше всего он заботился об увеличении имений митрополичьей кафедры и своевременном поступлении доходов. Не отказывался и от подарков за поставление на церковные должности. В 1561 году он пытался отнять у Киево-Печерской лавры принадлежавший ей Николаевский пустынный монастырь с его именьями. Братия Лавры была вынуждена обратиться к королю-иноверцу с жалобой на своего митрополита, и король стал на сторону Лавры.

При Сильвестре борьба между искателями «хлебов духовных» за наиболее богатые места и кафедры принимает циничный и откровенный характер. Яркий пример упадка епископата – борьба за Владимиро-Волынскую кафедру, которую король в 1565 году обещал почти одновременно двум лицам: шляхтичу Ивану Борзобогатому-Красенскому и холмскому епископу Феодосию Лозовскому. Иван Борзобогатый раньше получил королевскую грамоту и именовался «нареченным» епископом еще до смерти владимиrowолынского епископа (в 1565 г.). При этом он оставался мирянином. Когда кафедра освободилась, Борзобогатый первый прибыл во Владимир и был введен королевским чиновником в управление епархией и во владение архиерейским домом. Приняв дела, он оставил за себя своего сына, пана Василия, а сам уехал в Краков к королю. Во время его отсутствия о своих правах на кафедру заявил и Феодосий Лозовский, имевший, как и Борзобогатый, королевскую грамоту. Василий, конечно, отказался уступить кафедру новому претенденту, сославшись на отсутствие своего отца.

Тогда владыка Феодосий явился под стены Владимира через несколько дней с вооруженным отрядом в 500 человек, в том числе 200 конных, и вновь потребовал от Василия освободить кафедру. Василий снова отказался. На следующий день Феодосий увеличил свой отряд – до 2,5 тыс. человек при 9 пушках, окружил город, начал вести обстрел, а затем приказал взять город штурмом. Василий защищался; бой продолжался целый день. С обеих сторон были убитые и раненые; ядра артиллерии Феодосия попадали в дома и в соборную церковь. С наступлением темноты военные действия приостановились; Пан Василий, подсчитав свои потери, убедился в бесполезности сопротивления и ночью бежал, а победитель утром вступил в управление епархией.

Обычным делом было получение «духовных хлебов» в наследство, как если бы это было частное имение. Киевский протопоп, некий Яков Гулькевич, получил в пожизненное владение киевский Флоровский монастырь, и митрополит Сильвестр благословил его совершать там службу. Но Гулькевичу этого было мало: он решил, что нужно обеспечить доходами и своих детей, и обратился к королю с просьбой утвердить за ним монастырь не только в пожизненное, но и потомственное владение. И король дал ему грамоту, разрешающую держать монастырь в своей власти и служить в нем его детям и потомкам, какие будут священниками. Так монастырь обращался, фактически, в частное владение.

Многочисленные беззакония подобного рода совершались в это время при короле Сигизмунде Августе не потому, что король преднамеренно наносил ущерб православию. Наоборот, Сигизмунд Август был одним из наибо-

лее терпимых и широких королей Польши и стремился осуществлять политику равенства религий. Сам он питал склонность к протестантизму, что освобождало его от католического фанатизма. Ради протестантов он отменил в 1563 году Городельское постановление 1413 года, запрещавшее не католикам занимать государственные должности. Этот акт веротерпимости облегчил положение православных. Сигизмунд Август разрешал православным строить и возобновлять храмы. Так, в 1560 году он разрешил в Вильне соорудить две церкви на месте сгоревших. Православному госпиталю в Гродно он назначил ежегодное пособие; жаловал имения православным монастырям и т.д.

Но еще больше благодеяний получали от короля протестанты, которые в это время широко распространяются в Польше и Литве. Протестанты вели пропаганду не только против католиков, но и против православных. В короткое время они сумели привлечь к себе столько православных, особенно из высших слоев, сколько католики не могли привлечь за целое столетие. Особенно много отрекшихся от Православия было в епархии самого митрополита, который, по существу, нисколько не заботился о защите своего стада от расхищения. Впрочем, и Сильвестр иногда принимал меры к исправлению нравственности духовенства и укреплению дисциплины. Есть сведения, что при нем в 1558 году состоялся собор, но постановления этого собора не сохранились. Конечно, редких, отдельных мер было далеко недостаточно для защиты Православия во все более и более осложнявшейся обстановке. В конце 1567 года митрополит Сильвестр скончался.

После смерти митрополита Сильвестра на митрополичью кафедру претендовал воинственный Феодосий Лозовский. Но, к счастью для Церкви, возведен был епископ Пинский и Туровский **Иона III Протасевич**. Это произошло в первой половине 1568 года. Иона III показал себя ревностным пастырем, решительным в деле защиты православия, насколько это было в его силах в этот период все более нараставшей церковной разрухи. Он сразу же обратился к королю с рядом просьб о нуждах Церкви и духовенства. Из них особенно существенны две.

1. Митрополит просил, чтобы духовные достоинства не получали светские люди. Если же кто из светских получит духовное достоинство, должен в течение трех месяцев принять духовный сан. Тот, кто в течение этого времени не примет духовного сана, лишается полученного достоинства.

Эта мера была вызвана теми страшными злоупотреблениями правом подаванья, примеры которых мы уже видели. Король изъявил согласие с просьбой митрополита.

2. Другая просьба состояла в том, чтобы православные архиереи занимали места в сенате на равных правах с католическими епископами. Такое желание православных, открыто выраженное, было неслыханной дерзостью. Возможно, митрополит решился на эту просьбу под влиянием тех проявлений веротерпимости, которые король позволял себе в предшествующие годы. Но в данном случае претензия православных выходила за пределы возможного для католического государства и просьба была отклонена.

Митрополит просил также запретить светским лицам вмешиваться в церковный суд, вернуть расхищенные при его предшественнике церковные имения и обеспечить защиту имеющимся церковным имениям. Последнее было актуальным, поскольку богатства Церкви привлекали взоры самых разных людей. Так, в Вильне горожане под предлогом охраны церковного имущества забирали из церквей деньги и ценности. Митрополит обратился к королю и добился расследования.

Во время митрополита Ионы III состоялся *Люблинский сейм* (1569 г.), на котором Польша и Литва окончательно объединились в одно государство – *Речь Посполитую*, что на деле означало поглощение Литвы Польшей. Это политическое событие огромного значения оказало влияние на последующую судьбу русского народа и Православной Церкви в пределах Польско-литовского государства. Формально на сейме была подтверждена политика веротерпимости, однако на деле объединение Польши и Литвы означало стремительное усиление католического давления на всех не католиков, в первую очередь – православных. Обращение не католиков в католичество представлялось для польских политиков верным путем к преодолению всех противоречий внутри разнородного в национальном и религиозном отношении государства.

При этом основное внимание уделялось обращению православных, которые были многочисленны, влиятельны и ближе других к католикам по содержанию вероучения.

В этот период ослабела для православных и поддержка Московской Руси, где Иван Грозный искоренял «изменников», обескровливая государство.

Возможно, неслучайно Люблинский сейм совпадает с появлением в пределах Литвы представителей самой мощной пропагандистской силы католицизма – ордена иезуитов. Первоначально их было всего лишь пять человек. Иезуиты были призваны в Литву с целью борьбы против стремительно усиливавшихся там протестантов, с которыми они повели весьма успешную борьбу. Но вскоре они направили свои усилия против православных. Вновь возродилась идея осуществления унии, которую иезуиты начали насаждать настойчиво и планомерно. Уже через год иезуиты открыли в Вильне коллегию и гимназию, в которые стали привлекать детей не только католиков, но также детей протестантов и православных. Насаждение католичества иезуиты вели по следующим основным направлениям.

Во-первых, через образование, причем, в первую очередь, обращалось внимание на детей знатных и влиятельных лиц. В иезуитских школах детям не католиков оставляли внешнюю свободу их вероисповедания. Иезуиты хорошо понимали, что прямое принуждение вызывает сопротивление и отпугивает. Они стремились создать такую внешнюю обстановку и такую духовную атмосферу, находясь в которой, человек невольно проникался бы духом католицизма и сам желал бы перейти в католичество.

Во-вторых, через проповедь. Иезуитские проповедники были прекрасно образованы и красноречивы, хорошо чувствовали потребности момента.

Проповеди в храмах были содержательны, доходчивы, увлекательны. Они проповедовали и на городских площадях, устраивали диспуты, и если никто из противников, менее образованных и менее красноречивых, не решался принять вызов на диспут, иезуиты не уходили с видом победителей, а разыгрывали своего рода «спектакли», в которых роль проповедников «схизмы» играли сами же иезуиты. Разумеется, в таких «диспутах» спор заканчивался блестящей победой католической стороны, и потрясенная толпа спешила в католический храм каяться в своих заблуждениях.

В-третьих, иезуиты придали богослужению небывалую красоту и торжественность, привлекая народ музыкой, процессиями и прочим великолепием. Нельзя при этом не признать, что действовавшие в это время в Литве иезуиты нередко превосходили своих противников и в некоторых нравственных проявлениях, заметных для народа. Так, в 1571 году в Вильно распространилось моровое поветрие, и все, кто мог, убегали из города. Но иезуиты остались, продолжали совершать богослужения, оказывали медицинскую помощь, приобщали умирающих. Это производило огромное впечатление. Еще одной силой в руках иезуитов оказалось книгопечатание. Они стали активно издавать как популярные, так и богословские сочинения в пользу унии и католичества,

В 1576 году митрополит Иона III добровольно уступил кафедру нареченному митрополиту *Илье Куче*. Избрание Ильи состоялось по указанию самого Ионы. При этом Иона удержал за собой право решать наиболее важные духовные вопросы. Таким образом, короткое время митрополией согласно управляли два лица. В 1577 году митрополит Иона III скончался, но митрополит Илья пережил его ненадолго – он управлял митрополией лишь до 1579 года.

После его смерти кафедру занял митрополит *Онисифор Девочка*, нареченный в июне 1579 года. Дворянского рода, он был возведен на высшую ступень иерархии прямо из светского состояния. Более того, Онисифор был двоеженцем, и поэтому его назначение прямо противоречило церковным канонам. Таким образом, в момент особенно тяжелый и ответственный во главе церкви оказывается человек, неспособный управлять ею. Под стать митрополиту мы видим епископов и священников. Так, Феофан, архиепископ Полоцкий, довел богатейший Онуфриевский монастырь, находившийся в его собственном управлении, до разорения. Владимиро-Волынской епархией продолжал управлять известный Феодосий Лозовский. Иона Борзобогатый управлял луцкой епархией, причем, он не стеснялся вывозить церковное имущество в свое имение. И он, и другие епископы применяли силу при разрешениях имущественных конфликтов. В то же время благотворения православным монастырям и церквям становятся все реже и незначительнее, а их раздача с целью награждения доходами совершается по-прежнему. Среди священников было много двоеженцев и даже троеженцев.

После 1582 года Литовская митрополия испытала гонение в связи с введением в католическом мире нового календаря. Король Стефан Баторий потребовал, чтобы новый календарь приняли все его подданные, независимо

от вероисповедания. Православные не могли на это согласиться и по сомнительности астрономических вычислений, положенных в его основу, и в силу противоречия с постановлением I Вселенского собора о времени празднования Пасхи, и наконец, потому, что патриарх его не принял. Тогда католики попытались силой принудить православных к принятию нового календаря. Во Львове, накануне праздника Рождества Христова (1583 г.), католики совершили нападения на православные храмы, выгнали духовенство и молящихся, не дав им возможности дослужить литургию в некоторых храмах, заперли и запечатали церкви и забрали ключи. Столкновения произошли также в Вильне и других местах. Убедившись в твердости православных, Стефан отменил свой указ в 1586 году.

Митрополит Онисифор возглавлял Литовскую митрополию до 1589 года, когда был низложен патриархом Иеремием II за двоеженство.

Братства

Впервые братства в Литовской Руси упоминаются в XV веке. Но тогда они имели цеховой характер. К концу XVI столетия, в процессе обострения борьбы с католиками, братства превращаются в такие объединения, основной целью которых становятся просвещение и распространение православной веры. Новое понимание задач братств закреплялось в уставах. В 1584 году оформилось *Виленское братство*, а в 1585 году – *Львовское братство*. Это были два крупнейших братства, которым принадлежала руководящая роль в отношении других братств. Значение братств чрезвычайно возросло по причине полной пассивности иерархов в деле защиты православия. Особенно острым было по-прежнему положение в Галиции. Оно осложнялось тем, что к постоянным нападениям на православных со стороны католического архиепископа прибавился длительный конфликт Львовского братства с епископом Гедеоном Балабаном.

В 1586 году Литву посетил антиохийский патриарх Иоаким, действовавший в Литве с ведома и согласия Иеремии. Братство воспользовалось его приходом и через голову своего епископа обратилось к патриарху с просьбой утвердить устав братства. Содержание устава Львовского братства сводилось к следующему. Каждый новый член братства при вступлении делает денежный взнос. Каждый год братство избирает четырех старшин. Один раз в месяц бывает «сход». На заседаниях после рассмотрения очередных дел полагалось чтение священных книг и духовные беседы. Члены братства обязаны были оказывать друг другу материальную помощь. В их обязанности входило напоминать и мирянам, и духовенству о нормах христианской жизни. Если напоминания не действовали, следовало сообщить епископу.

В уставе Львовского братства имелся один пункт, явно вызванный обострением обстановки внутри Церкви. Он гласил: «Если епископ пойдет против закона и станет править Церковью не по правилам святых апостолов и святых отец, то такому епископу да противятся все, как врагу истины».

Львовское братство имело право цензуровать деятельность других братств в южной части страны. В северной части таким правам обладало Виленское братство.

Братство имело свои церкви и свое духовенство. Два раза в год служились молебны о братстве, с присутствием, по возможности, всех членов братства. Бедных членов братство хоронило за свой счет. Провинившийся член братства судился братством и мог быть присужден к штрафу или заключению. Братство имело школу и типографию, госпиталь. Этот устав был утвержден патриархом Иоакимом. Патриарх Иеремия II подтвердил все акты Иоакима в послании, где, в частности, говорилось: «если же кто явится разрушителем всего этого, тот, как враг Божий и убийца и ненавистник добра, да будет отлучен от святой Церкви, проклят и не прощен до смерти».

Виленское братство имело свой устав, несколько отличный от устава Львовского братства.

Оба братства вели надзор за епископами, поскольку последние не вызывали доверия. Они также выступали против унии, издавали полемические сочинения. По их образу организовывались братства в других городах. Рядовое духовенство, не имея опоры в епископате, было увлечено братствами. В рядах братств было много преданных Церкви людей, которые имели и достаточное образование.

Столкнувшись с силой братств, католики стали создавать в противовес им свои братства. Так, еще в 1575 году они создали «братство Тела Христова», увлекавшее народ пышными церемониями.

Виленское Троицкое братство напечатало свой устав в 1588 году. Устав Троицкого братства стремился составить из верующих такой живой союз, в котором его члены, связанные клятвенным обещанием, данным в храме перед священником, о соблюдении верности «святому братству» и о подчинении всем его правилам и повинностям, и находящиеся в постоянном общении друг с другом для совершения добрых дел, могли перевоспитывать себя в христианском духе.

В уставе было поставлено не допускать до нищеты своего брата, и помогать ему из личных и общих братских средств, а болящего навещать и, если бы он оказался без призора, то нанять особого человека для ухода за ним. Тело умершего братчика должно было провожать все братство до могилы, причем шесть братчиков несли на руках гроб, а остальные с возжженными братскими зелеными свечами шли попарно впереди процессии. Расходы по погребению бедного братчика, а равно и всех бездомных и безродных бедных, братство принимало на свой счет.

Понимая высокое значение общественной молитвы в храме, братство требовало в уставе отправления по крайней мере четырех в году торжественных заздравных и заупокойных литургий, на которых присутствовали все братчики, и после этих обеден следовали трапезы для всех убогих, нищих и маломощных, устраиваемые в складчину членами братства. Во все большие праздники раздавалась милостыня нищим и заключенным.

Братство было всеобщим и принимало в свою среду лиц обоего пола (сестры братства) с уплатою вступительных взносов по желанию и возможности (минимум взноса определен в 12 грошей польских); ежемесячно братчики собирались на общеобязательную сходку в братский дом, - путем обсыпания по околотку креста, - для обсуждения и решения текущих дел, причем каждый братчик уплачивал по грошу в братскую кассу, причем касса хранилась у одного братчика, а ключ от нее - у другого. Все братские дела должны были сохраняться в строгой тайне и всему братству было предоставлено право суда над виновными, и братчики не должны были искать другого суда, кроме братского.

Приезд в Россию, в первый раз после введения в ней христианства, вселенского патриарха Иеремии и долговременное пребывание его в западном крае еще более оживил в нем братское дело и способствовал его росту и укреплению.

3 июня 1588 года патриарх Иеремия прибыл в Вильну, и здесь Троицкое братство, явившись к нему, представило свой печатный устав. Патриарх утвердил устав, а равно «школу греческого, латинского и русского языков» и типографию для печатания книг и предоставил ему, как и Львовскому братству, право отлучать всенародно в церкви через местное духовенство непокорных и ведущих соблазнительный образ жизни братчиков, а всех духовных лиц, не исключая и епископов, а также светских предупредил не разорять братства и не противодействовать его начинаниям.

В конфликте Львовского братства с епископом Гедеоном Балабаном патриарх поддержал братство. При самом своем выезде из пределов России патриарх вместе с пятью епископами, находясь в городе Тернополе и выслушав защитительную речь на греческом языке учителя Львовской братской школы Кирилла, в ноябре 1589 года снова подтвердил все права Львовского братства.

Признание патриархом Иеремией Львовского и Виленского братств своими ставропигиями, то есть находящимися в ведении и зависимости от патриаршей власти, и предоставление Львовскому братству права высшего надзора за жизнью всех православных в крае, в том числе и духовенства, создавали этим братствам почетное и влиятельное положение в Православной Церкви, которое они с честью и достоинством поддерживали во все время их многолетнего существования. С этого времени их деятельность, а также и деятельность других братств, учредившихся по их образцу, входит в историю не только церковную, но и политическую всей западной России; эти духовно-мирские учреждения являлись силою, с которой пришлось считаться польскому правительству, католической власти и многочисленным врагам Православной Церкви.

Оказанное патриархами Иоакимом и Иеремией могущественное покровительство братскому делу на Руси еще более побуждало православных спланиваться в церковные союзы, и этому движению должны были содействовать православные епископы, а равно и новый митрополит Михаил Рого-

за, который в первые годы своей деятельности весьма решительно поддерживал братства и их учреждения.

С 1590 года вплоть до введения унии мы видим, что по разным городам и местечкам западной России ежегодно возрастало общее число братств, которые, смотря по местности и средствам, принимали на себя часть или все обязанности, указанные в уставах Львовского и Виленского братств, а уставы этих братств тщательно списывались и повсюду распространялись. Движение в пользу учреждения церковных братств сопровождалось значительным подъемом нравственного уровня православного населения.

Из сохранившихся уставов и исторических данных видно, что наши братства приучали прихожан – братчиков относиться серьезно и внимательно к главнейшим их обязанностям, а именно, к благоустройству местного храма и всего церковного обихода и к оказанию помощи нуждавшимся людям в приходе. Захватывая в круг братской деятельности, по возможности, всех членов прихода и требуя от них живого участия в церковно-приходских делах, братские учреждения способствовали развитию в братчиках сознания важности общественных дел, требующих, по сравнению с личными интересами, предпочтительной заботливости. Братские союзы служили как бы школой, где братчики-прихожане могли воспитывать и развивать в себе качества, необходимые для общественных деятелей. Вот почему, когда в последней четверти XVI века от братств потребовалось особое напряжение в их просветительной и благотворительной деятельности, они оказались на высоте этой трудной задачи.

Образование и просвещение в Юго-Западной митрополии

Недостаток образования и просвещения в Юго-Западной митрополии стал все более ощущаться начиная со времени распространения в Литве протестантов, а затем – *иезуитов*. Помощь в деле просвещения пришла из России. Бежавший от Ивана Грозного князь *Андрей Курбский*, обосновавшись на Волыни, со всей энергией отдался делу защиты и распространения православной веры. Он принялся распространять творения отцов церкви – Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Кирилла Александрийского и других, служащие утверждению православия. Курбский сам выучил латынь, изучая грамматику, диалектику и другие необходимые науки. Вместе с несколькими единомышленниками он организовал большую переводческую деятельность, причем сам целиком перевел творение святого Иоанна Дамаскина «Изложение православной веры» и «Диалектику» и некоторые другие творения святых отцов. Он поддерживал тесные связи с известными виленскими православными издателями братьями Мамоничами, которые издавали переводы его кружка. Курбский хорошо понял методы иезуитской пропаганды и предупреждал русских не отдавать своих детей в иезуитские коллегии.

Другим русским просветителем в Литве был бежавший с Соловков игумен *Артеми*. Он стал горячим проповедником православия. Известны

его послания как к православным магнатам, так и к протестантам. В частности, он находился в переписке с Симоном Будным, главой секты антитринитариев. Послания старца Артемия обладают определенной богословской глубиной. Он убеждал православный патронат в необходимости открытия школ. Артемий многих удержал в православии.

Из Москвы в Литву бежали также первые русские печатники – дьякон **Иван Федоров** и его помощник **Петр Мстиславец**. Первоначально они остановились в имении гетмана Григория Ходкевича в Заблудове, где Иван Федоров издал в 1569 году «Евангелие Учительное» по рукописи XVI века, а через год – «Псалтирь» и «Часослов». Затем Иван Федоров переехал во Львов и там, в 1574 году напечатал «Апостол».

Петр Мстиславец после Заблудова расстался с Иваном Федоровым и отправился в Вильну, где трудился в типографии Мамониной. Иван Федоров во Львове разорился и заложил типографию некоему еврею. Вскоре его пригласил князь К.К. Острожский к себе в Острог, где готовилась к изданию знаменитая впоследствии **Острожская Библия**.

Русские беженцы из «Московии» довольно успешно делали православное дело благодаря поддержке православного патроната Литовской Руси. Признанным главой православных был князь Константин Константинович Острожский, сын князя Константина Ивановича Острожского. У К.К. Острожского были, впрочем, некоторые и протестантские, и униатские уклоны, от которых он избавился под влиянием князя А. Курбского. Огромными заслугами князя К.К. Острожского являются организация школы и книгопечатание. Он также распространял писания отцов Церкви, в частности, творения святителя Григория Паламы и сочинения Нила Солунского против латинян.

Традиционная церковная школа давно уже не удовлетворяла требованиям времени. Школы нового типа организуются и православным патронатом, и братствами. Острожская школа имела выдающееся значение, иногда она даже называлась академией. К.К. Острожский стремился собрать здесь по-настоящему образованных людей. Среди них известны Кирилл Лукарис, грек, в будущем константинопольский патриарх, священник Василий Острожский, дьякон Иван Федоров и др. Одним из преподавателей был Ян Лятос – бывший профессор математики и астрономии Краковского университета, изгнанный оттуда за сопротивление григорианскому календарю. Острожская школа сыграла выдающуюся роль в просвещении и в антикатолической полемике. Из книг, выпущенных в Остроге, особенно известны: «Ключ Царства Небесного» (1587) с посвящением Александру Острожскому, сыну К.К. Острожского; «Исповедание об исхождении Святого Духа» (1588); «О единой истинной православной вере и о святой соборной апостольской Церкви» (1588) священника Василия, направленная против иезуитов и отличающаяся силой аргументации и эрудицией.

Помимо школы К.К. Острожского, известны также школы князей Курбского и Слуцкого. Большое место в просвещении занимали братские школы. Братская школа во Львове была основана при участии архиепископа

Элассонского Арсения (позднее архиеп. Суздальского). Православные школы ориентировались на Греческую традицию, хотя они не могли избежать весьма значительного западного влияния. Братские школы именовались «греко-славянскими». Лучшие из них были средними школами, образование в которых состояло, как и в западных школах, из двух ступеней: «тривиума» и «квадривиума». «Тривиум» состоял из грамматики, риторики и диалектики. Изучение этих дисциплин имело целью подготовить воспитанников к проповеднической деятельности, поэтому учителями часто были церковные проповедники. «Квадривиум» состоял из арифметики, геометрии, астрономии и музыки. Эту ступень образования давали лишь немногие школы. Во Львовской школе обучали еще пасхалии, Священному Писанию, а по субботам – «страху Божию» и обязанностям к родителям и другим людям. В Виленской братской школе практиковалось даровое обучение детей членов братства и убогих сирот.

Воспитание учащихся строилось на основе монастырской уставности. Одним из обязательных правил было присутствие учеников на богослужениях во все воскресные и праздничные дни. В будние дни ученики присутствовали на богослужении по очереди.

Особенное внимание в школах уделялось греческой образованности, которая стояла на довольно высоком уровне. Об этом свидетельствуют и ссылки на святоотеческую литературу в сочинениях православных писателей и любовь к употреблению греческих слов и понятий.

Выдающимся явлением просветительской и ученой деятельности православных в это время явилось издание Острожской Библии, осуществленное в 1580-1581 гг. Это было первое печатное издание Библии во всем православном мире. В основу издания была положена Геннадиевская Библия, список которой был прислан, по просьбе К.К. Острожского, из Москвы. Кроме нее, было привлечено значительное количество списков, которые выписывались из Константинополя, Греции, Крита, Западной Европы. Использовались и печатные западные издания. Некоторые из книг, переведенные для Геннадия с латинского, были вновь переведены с греческого. В целом, текст значительно приближен к переводу 70-ти. В 1663 году Острожская Библия была перепечатана в Москве. Она легла в основу т.н. Елизаветинской Библии в XVIII веке.

Подготовка унии

В 1588 и 1589 годах, впервые за 600 лет существования Русской Церкви, русские земли посетил константинопольский патриарх Иеремия II, прибывший в связи с учреждением патриаршества в Москве. Он посетил по пути Юго-западную митрополию и пытался укрепить расшатанные церковные порядки. Патриарх дал широкие полномочия братствам, значение которых он понимал очень хорошо, сместил митрополита Онисифора Девочку за двоеженство и учредил должность патриаршего экзарха с целью усилить контроль за деятельностью духовенства. Патриарх обязал духовенство к возоб-

новлению соборной жизни, потребовав ежегодного созыва соборов. Но все эти полезные и необходимые меры не принесли успеха. Разложение зашло слишком далеко, и основная трудность состояла в том, что патриарху не из кого было выбирать ставленников в этот опасный и ответственный период. Качество церковных деятелей низко пало. Митрополитом стал безвольный, лишенный убеждений и двоедушный *Михаил Рогоза*, а экзархом – епископ Луцкий *Кирилл Терлецкий*, которого, как и других деятелей подобного рода, характеризует в первую очередь забота о защите и приобретении имений, вплоть до применения вооруженной силы, любовь к почести и роскоши. Принадлежа к дворянскому роду, он не собирался отказываться от привычных привилегий.

Таковы были лица, в руки которых попало высшее церковное управление. Между тем, за положением дел в Православной Церкви внимательно наблюдали королевское правительство и иезуиты. Последние, со свойственной им настойчивостью, стремились к цели, поставленной при их появлении в Литве в 1569 году: добиться введения флорентийской унии в Русской Церкви, в пределах Литовского княжества.

Программа введения унии была изложена в книге иезуита Петра Скарги «О единстве церкви», впервые изданной еще в 1577 году, причем Скарга подчеркивал роль государственной власти как орудия давления на православных. И Скарга, и другие деятели (в частности, Поссевин, посетивший Литву по дороге из Москвы) уделяли большую роль развитию образования в католическом духе и вовлечению в него православного юношества. В самом деле, латинское образование сделало в стране громадные успехи, сформировав основы польской культуры, в орбиту которой втягивалось все большее число представителей русского православного дворянства.

Накапливающиеся количественные изменения в конце концов неизбежно порождают новое качество. На рубеже 90-х годов совокупность обстоятельств была такова, что Православной Церкви становилось совершенно невозможно сохранить прежнее положение в польско-литовском государстве. Необходимы были существенные перемены, прежде всего во внутренней жизни Церкви, для того, чтобы она могла выдержать все усиливающиеся внешние нападения. А они нередко принимали характер прямого насилия. Основная тяжесть защиты Церкви лежала на церковном народе, который, будучи объединен в братства, вел эту защиту весьма успешно. Здесь нашла выражение одна из существенных сторон роли мирян в Церкви, в православном понимании. «Народу Божьему, - говорит прот. Н.Афанасьев, - принадлежит рассуждение и испытание того, что совершается в Церкви. Это есть особое служение свидетельствования, вытекающее из царственно-священнического служения... Согласие народа на то, что происходит в Церкви, указывает, что предстоятели действовали в среде народа, а не отдельно от него. Народ мог давать свое согласие только на то, что ему было известно, а не на то, что ему оставалось неизвестно... Народ управляется епископом не пассивно, а актив-

но через полное ведение того, что совершается в Церкви».¹ Именно это значение народа в тело Церкви открылось в описываемых событиях с исключительной яркостью. Епископы не хотели признать этой роли народа, и это вело их к неизбежному конфликту с Церковью, к отторжению от тела Церкви.

«К сожалению, - пишет А. Папков, приходится отметить лицемерие, которое обнаружили высшие иерархи... Покровительствуя наружно, скрепя сердце, братствам, тогдашние епископы, проникнутые шляхетскими взглядами, были раздражены вмешательством мирян в церковные дела, - этих «хлопов», «шевцов, седельников и кожемяков» - как высокомерно отзывались о них некоторые из епископов, считая братства гонителями владык. Принужденные выслушивать от братств советы, а иногда и укоризны за худое поведение епископы, считая эти учреждения органами патриарха, желали втайне избавиться как от воздействия патриаршей власти на церковные дела, так и от контроля церковных братств, а потому и стремились к полному их ослаблению; если не к совершенному уничтожению».²

Отрываясь, таким образом, от церковного народа, епископы оказывались в изоляции; которая еще более толкала их к унии. Антицерковный характер замысла унии со всей очевидностью проявился в скрытном, заговорщицком образе действий иерархов, решившихся на унию. Первым документом, в котором выражено намерение иерархов заключить унию с Римом, является грамота, составленная на соборе в Бресте в 1591 году и подписанная четырьмя епископами: Кириллом Луцким, Гедеоном Львовским, Леонтием Пинским, Дионисием Холмским. Но известно, что годом ранее именно эти четыре епископа имели совещание в Бельзе и приняли какое-то постановление; известны также их связи с католическими иерархами – поборниками унии.³

Поскольку принятие столь ответственного документа не могло быть внезапным, нет оснований сомневаться в активной предварительной деятельности названных епископов в пользу унии. Разумеется, это публичное заявление вызвало немедленный протест, исходивший от Львовского братства. Дело унии затормозилось. С 1593 года в пользу унии начинает действовать новый брестский епископ – *Ипатий Потей*, человек образованный, одаренный и имевший обширные связи с католиками. Тяжелое положение Православия заставляет обдумывать идею унии и людей, преданных православию. Князь К.К. Острожский составил свой проект унии, исходя из состояния Церкви до разделения церквей в XI веке. По мысли князя Острожского, уния должна быть возвращением к этому состоянию. Предпринимать же дело унии следует лишь с согласия и при участии восточных патриархов и Москвы. Проект князя был православным, и именно поэтому он был совершенно

¹ Прот. Н. Афанасьев. Служение мирян в Церкви. - Православие и современность. - М, 1955. С. 48, 50-51.

² А. Папков. Братства. Св.ято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 41.

³ Подробно см., например, в кн.: М. Коялович. Указ. соч. С. 84-93.

не реалистичным. Свой проект князь доверчиво открыл Потею, не подозревая, что тот внутренне давно уже чужд Православию.

В вопросе унии стихийный протест церковного народа столкнулся с глубоко продуманной, планомерной стратегией ее сторонников, которых были единицы. К маю 1694 года они почувствовали себя уже настолько уверенно, что Кирилл Терлецкий мог публично объявить «всем и каждому» об унии, как деле решенном и о том, что «его королевская милость» посылает двух епископов – самого Кирилла и Ипатия Потея в Рим. Где было достигнуто такое соглашение и кто из епископов в нем участвовал – об этом Кирилл в своем заявлении умолчал. Но, очевидно, такое соглашение действительно имелось, иначе он не решился бы о нем говорить, опасаясь протестов, и не могло бы быть решения короля о посылке двух епископов в Рим. Соглашение было тайным, как и все действия заговорщиков, и в нем участвовали, по видимому, уже известные нам четыре епископа.

Об участии митрополита Михаила в этот период сведений нет. Но в конце этого же года митрополит дал Кириллу письменное согласие с унией. В составленной им записке митрополит выговаривал себе ряд привилегий, а в беседе с Кириллом обязал его хранить свое согласие в тайне. Во всех поступках главных организаторов унии явно проступает страх обличения, заставляющий их действовать скрытно и коварно. Но нетерпеливый Гедеон не мог выдержать слишком долгого ожидания льгот, которые должна принести желанная уния. Желая ускорить события, в январе 1595 года, возможно, по согласию с другими деятелями унии, он созвал во Львове собор своей епархии, с участием еще ряда лиц. Здесь было принято решение просить митрополита и остальных епископов о вступлении в унию. Примечательно, что постановление собора подписано не только Гедеоном, но еще двумя греческими иерархами и целым рядом представителей русского духовенства, среди которых наиболее заметной фигурой является киево-печерский архимандрит Никифор Тур.

Таким образом, пропаганда унии как будто бы получала успех. Однако, у большинства сторонников унии совершенно незаметно искренних побуждений к ее принятию, всюду откровенно преобладает искание личных выгод. Так, Никифор Тур находился в плохих отношениях с митрополитом, которого еще считали сторонником Православия, и, очевидно, рассчитывал укрепить свое положение переходом в римскую юрисдикцию.

В июне 1595 г. митрополит и епископы, которых было уже шесть, составили «артикулы» об унии и послание к папе. "Артикулы" имеют довольно осторожный и умеренный характер. Иерархи хотят сохранить свою автономию и в богослужении, и в обрядах, ограничиваясь, в основном, признанием главенства папы. От сомнительных вопросов стараются уклониться: так, о чистилище «не возбуждают спор». С этими документами Кирилл и Ипатий и должны были ехать в Рим. Тайное становилось открытым, но деятели унии все еще представляли себя, как лиц, преданных Православию.

Известие о решении иерархов вызвало такой взрыв протеста, которого епископы, видимо, не ожидали. Во главе протестующего народа оказался

князь К.К. Острожский. Сложилась исключительная ситуация, в которой в какой-то момент в митрополии не оказалось ни одного епископа! Однако, такая поголовная измена высшей иерархии не утратила православных, веривших в конечное заступление Божие. Князь К.К. Острожский обратился ко всем православным странам с воззванием, которое является замечательнейшим документом. Приведем выдержку из него:

«...Я научен и убежден благодатию Божиею, что кроме единой истинной веры, насажденной в Иерусалиме, нет другой веры истинной. Но в нынешние времена, злохитрыми кознями вселукавого диавола, сами главные начальники нашей истинной веры, прельстившись славою света сего и помрачившись тьмою сластолюбия, наши мнимые пастыри, митрополит с епископами претворились в волков и, отвергшись единой истинной веры святой Восточной Церкви, отступили от наших вселенских пастырей и учителей и приложились к западным, прикрывая только в себе внутреннего волка кожей своего лицемерия, как овчиною; они тайно согласились между собою, окаянные, как хриstopродавец Иуда с жидами, отторгнуть благочестивых христиан здешней области без их ведома и вринуть с собою, в погибель, как и самые сокровенные писания их объявляют ... Дело идет не о тленном имении и погибающем богатстве, но о вечной жизни, об бессмертной душе, которой дороже ничего быть не может... Потому, опасаясь, как бы не остаться виновным пред Богом и пред вами, и узнав достоверно о таких отступниках и явных предателях Церкви христовой, извещаю о них всех вас, как возлюбленную мою о Христе братию, и хочу вместе с вами стоять за одно против врагов нашего спасения... Что может быть бесстыднее и беззаконнее? Шесть или семь злонравных человек злодейски согласились между собою и, отвергшись пастырей своих, святейших патриархов, из которых поставлены, осмеливаются властно, по своей воле, отторгнуть всех нас, правоверных, будто бессловесных, от истины и низвергнуть в пагубу. Какая нам может быть от них польза? Вместо того, чтобы быть светом миру, они сделались тьмою – соблазном для всех...».¹

Послание подписанное князем, составлено, скорее всего, профессорами Острожской школы. Это духовное сочинение, в котором нет и тени тех жалких забот о материальных подачках, которыми переполнены акты униатствующих епископов. Оно произвело колоссальное впечатление на православных людей. Самой неожиданной была реакция епископа Львовского Гедеона Болобана. Не прошло и недели после опубликования воззвания, как в присутствии князя Острожского и других свидетелей, епископ Гедеон публично отрекся от всякого своего участия в унии и выразил решительный протест против нее, как противоречащей православной вере.

Стремительное обращение епископа Гедеона, до этого всем известного как человека своекорыстного и одного из главных зачинателей унии – факт поразительный. Обращение было твердым и окончательным. С этого момен-

---

¹ Акты Западной России, IV, № 71. Перевод на русский язык митрополита Макария // Указ. соч. С. 584-586.

та Гедеон всю свою огромную энергию отдал заботе о Православной Церкви, превратившись в ее основного окормителя до последних дней своей жизни. Православному сознанию невозможно не видеть в этом событии примера действия божественной благодати во спасение человека и для блага Церкви, которая отныне имела епископа. Вслед за епископом Гедеоном от унии отказался еще один иерарх – Михаил Перемышльский. Теперь структура Церкви была восстановлена.

Король Сигизмунд III проявил в это время необычайную деятельность в пользу унии. Он и спросил у папы Климента VIII особую буллу (от 4 марта 1595 года), которою Киевская Лавра со всеми ее имениями назначалась киевским митрополитом, если они будут содержать унию с Римом; хвалил и поощрял лично и посредством грамот Рогозу, Потю и Терлецкого за их деятельность, выражал в письме к князю Острожскому надежду, что и он поспешит дать свое согласие на унию; издал окружную грамоту литовско-польским пограничным старостам, чтобы они не пропускали через границу патриарших послов; посылал поощрительные грамоты всему православному духовенству с обещанием за принятие унии уравнивать их права с правами римско-католического духовенства, а русским епископам – предоставить место в сенате; и наконец, в сентябре торжественно извещал своих подданных специально изданным манифестом об обращении русских епископов к унии и посылке Ипатия Потю с Кириллом Терлецким в Рим.

Еще летом 1595 года, именно 24 июня, князь Острожский оповестил всех православных Литвы и Польши об отступничестве православных епископов. Движение против унии охватило весь православный мир, и в г. Вильне раздался мощный голос учителя братской школы Стефана Зизания, опровергавшего положение о главенстве папы и другие нововведения римской церкви и смело указывавшего на отступничество митрополита и епископов. Проповеди Зизания были в том же 1595 году напечатаны и пущены в народ.

Митрополит Рогоза на сопротивление православных ответил распоряжением о прекращении богослужения в виленских церквях на шесть недель, а затем заочно (а потому вопреки церковным канонам) на соборе в г. Новогрудке осудил Зизания и братских священников. Против этого осуждения Троицкое братство протестовало и в своем протесте указывало, что митрополит, как изменивший вере и являющийся теперь соперником православных, не мог быть беспристрастным судьей в этом деле.

Заключение унии

Сигизмунд III благодарил и хвалил епископов за желание принять унию, обещая им свою поддержку. К.К. Острожского и православный народ он призывал последовать за решением «владык». Митрополит Михаил долгое время занимал двурушническую позицию, уверяя православных, что он не собирается принимать унию, но тайно следовал за ее сторонниками. Князь Острожский, глубоко возмущенный происходившим, обратился к протестан-

там с предложением совместных действий в защиту своих религи-озных воззрений. Он настолько увлекся борьбой, что сообщал протестантам даже о возможности своего вооруженного выступления против короля. Это стало известно и значительно испортило отношения между князем и королем. Православные требовали созыва собора, но король и его советники понимали, что в сложившейся ситуации собор не выгоден для сторонников унии, и поэтому Сигизмунд его пока не разрешал.

В конце сентября 1595 года, несмотря на все протесты православных, Кирилл Терлецкий и Ипатий Потей отправились в Рим, куда прибыли 15 ноября. Там они были приняты «с несказанной милостью и лаской». Обсуждение вопросов, связанных с унией, тянулось довольно долго. 23 декабря состоялась торжественная аудиенция у папы, на которой уния была провозглашена официально. Кирилл и Ипатий произнесли символ веры с католической прибавкой «филиокве», заявили о признании Флорентийского и Тридентского соборов и о том, что «всепротивное» они сами и от имени всей литовской митрополии осуждают, отвергают и анафематствуют. Посланцы перечислили всех единомышленников с ними епископов, включая имя Гедеона Болобана, хотя прекрасно знали о его разрыве с ними. Они полностью приняли все учение католической церкви, отказавшись от первоначальных, впрочем, довольно мелких условий сохранения хотя бы элементов православной веры. Уния была заключена в соответствии с общей формой, выработанной в Риме для всех православных «схизматиков», и отступить от этой формы они не могли. Папа заявил о принятии всего епископата с клиром и народом в лоно католической церкви. В заключение посланцы облобызали ноги папы и получили его благословение.

Приняв полностью католичество, Потей и Терлецкий тем не менее написали на родину, что будто бы исповедание греческой веры сохранено ненарушимо и им оставлены не только все обряды и таинства, но и символ веры без филиокве. Эта попытка обмануть православных не удалась. Ипатий и Кирилл вернулись в Литву в марте, а вскоре в Варшаве был назначен генеральный сейм, на котором православные потребовали от короля отстранить и низложить этих двух епископов и разрешить выбрать на их места других. Но король не собирался делать этого, наоборот, делал все, чтобы защитить их и их интересы. Так он требовал судить членов виленского братства и даже изгнания из королевства наиболее активных из них, в частности, знаменитого проповедника Стефана Зизания. Затем король объявил о созыве собора, на котором должны присутствовать как православные, так и католики. При этом король распорядился еще ранее закрыть границы, чтобы православные не могли получить помощь от других православных церквей.

Обстановка оставалась очень накаленной. Со стороны униатов было совершено покушение на Гедеона Болобана. Православные пытались не подчиняться епископам – униатам. Так, в Бресте переставали посещать храмы, где, по приказу Ипатия, уже поминался папа. В ответ Ипатий изгонял из своих епархий некоторых священников, некоторых лишали сана, сажали в темницы и т.д. Также поступал в своей епархии и Кирилл.

Восточные православные церкви не оставались равнодушными к бедам русско-литовской митрополии. Александрийский патриарх Мелетий прислал обширное послание, в котором всячески ободрял православных и призывал стойко бороться за Православие. Константинопольская и Александрийская Церкви решили принять участие в намечавшемся соборе через патриарших экзархов, сумевших проникнуть в Литву, несмотря на пограничные кордоны. Константинопольский патриарх Иеремия II прислал своего архидиакона Никифора, назначенного быть председателем собора. Никифор был выдающейся личностью. Он управлял делами патриархата и знал состояние дел в Литве. Никифор носил прозвище «мудрейший».

Представителем александрийской церкви был назначен уже известный нам Кирилл Лукарис. Из Константинополя были присланы также один иерарх – Лука, митрополит велеградский, и два архимандрита с Афона. Из епископов Юго-Западной митрополии с православной стороны выступал Гедеон Болобан и епископ Перемышльский Михаил Копыстенский. Верность этих двух епископов Православию имела особенное значение, т.к. сводила на нет усилия католической и униатской пропаганды представить унию как дело санкционированное, будто бы, единогласным решением епископата. На православной стороне были также архимандрит крупнейшего Киево-Печерского монастыря Никифор Тур и еще восемь архимандритов и много разного духовенства, а также многочисленные представители мирян, начиная с К.К.Острожского.

На стороне униатов находились митрополит и с ним пять епископов и три архимандрита. Больше почти никого из православных с ними не было. Но их поддерживали присутствовавшие в качестве послов папы – католические иерархи: архиепископ львовский и два епископа, четыре иезуита и послы короля.

Открытие собора состоялось в Бресте 6 октября 1596 года. Во всех брестских храмах уже совершалось униатское богослужение, и съехавшиеся православные их не посещали, а им не было предоставлено ни одного храма. Накануне открытия собора экзархи Никифор и Кирилл послали митрополиту Михаилу приветственную грамоту с напоминанием, что он и епископы должны явиться к представителям патриархов. На это митрополит ответил: «Подумаем; если следует явиться, явимся». Никто не явился.

Митрополит показал, что он фактически не признает власти константинопольского патриарха, законным представителем которого был Никифор. Не оповещая православных, митрополит со своими единомышленниками совершил богослужение и открыл собор в церкви св. Николая. Напрасно православные ожидали каких-либо извещений, собравшись в частном доме у одного протестанта, предоставившего им помещение. Тогда Никифор предложил послать к митрополиту депутацию из шести лиц с приглашением явиться к патриаршим экзархам и вместе с ними открыть собор. Депутация не была допущена до встречи с митрополитом, но выяснила, что собор уже открыт. Тогда православные решили, что имеют право открыть свой собор. По предложению Никифора, в соответствии с константинопольской церкви, при-

бывшие на собор православные, разделились на два «кола»: «коло» духовное и «коло» светское, которые заседали отдельно. Первым выступил епископ львовский Гедеон Болобан, охарактеризовавший митрополита и других епископов как отступников.

7 октября заседание православного собора началось с ожидания, не пожелает ли митрополит встретиться с православными. Председатель экзарх Никифор предложил вновь направить депутацию из шести лиц духовного звания. На этот раз посланные встретились с митрополитом и прочитали вслух грамоту, порицавшую митрополита за его действия. На эти порицания митрополит «с яростью и презрением» сказал, что никакого ответа не будет. С депутацией встретились также королевские послы, сказавшие, что придут к православным, но также не пришли.

8 октября на заседаниях православных стали раздаваться голоса возмущения по поводу того, что митрополит отверг и грамоты и приглашения. Экзарх Никифор, строго держась церковных правил, предложил послать к митрополиту и епископам третье приглашение, на этот раз из девяти лиц. Депутация скоро вернулась с ответом: «что сделано, то уже сделано, и иначе быть или переделывать не можем. Хорошо или худо мы поступили, только мы отдались западной церкви».

После такого, вполне определенного ответа, православные должны были действовать. Никифор произнес речь, в которой указал на нежелание православного народа принимать унию. Действительно, на соборе присутствовали несколько десятков представителей православного населения разных провинций, которые имели с собой письменные инструкции, полученные ими на местах. Эти инструкции были зачитаны. Все они высказывались против унии и против ее защитников.

Во время заседания неожиданно появились королевские послы. Среди них был знаменитый иезуит *Петр Скарга*. Он пригласил князя Острожского в отдельную комнату и попытался в этот ответственный момент склонить к унии. Это не удалось. Для встречи с послами собор выделил по четыре человека от каждого «кола». На встрече послы упрекали епископов Гедеона и Михаила в самочинии и отступничестве, так как ранее они сами просили унию, а теперь отказались от нее; называли Никифора союзником турок и врагом Польши; упрекали за то, что православные собрались в доме протестанта (а больше им негде было собраться); взывали к чувству патриотизма, указывая им гибельные последствия разделений. Депутаты все передали собору, и собор к вечеру послал ответ, в котором говорилось, в духе воззрений князя Острожского, что соединение церквей – дело всей Церкви и оно возможно только после согласования всех расхождений в догматах и обрядах. После этого собор обратился к очередным делам. В частности, он оправдал виленского проповедника Стефана Зизания и еще двух священников, подвергнутых проклятию митрополита. Затем экзархи отвечали на вопросы собравшихся о папской власти и других предметах.

9 октября оба собора закончили свою работу. Королевские послы сказали униатам, чтобы они завершали свое дело, не обращая внимания на «ере-

тиков». Униаты надели праздничные облачения и торжественным крестным ходом пришли в церковь св. Николая, где был зачитан акт унии. В акте говорилось, что русские епископы посылали своих братьев в Рим, где совершалось соединение с римским престолом, и ныне их действия и обещания полностью подтверждаются. Таким образом, униатский собор подтвердил, что уния состоит в принятии всей католической догматики. Для народа это осталось неизвестным, и многие простые люди, принявшие унию, наивно считали, что таковой была русская вера со времен святого князя Владимира.

Затем униаты отправились в латинский храм, где состоялся общий молебен. Следующим актом было отлучение на православное духовенство, не принявшее унию.

У православных этот день начался с суда над митрополитом и другими епископами. Экзарх Никифор подробно изложил все их отступничество. После признания их вин доказанными, Никифор встал на возвышение и, держа в правой руке крест, а в левой – евангелие, торжественно лишил сана митрополита и епископов-отступников. Приговор этот был подписан всеми членами духовного «кола» и послан митрополиту с его епископами. Одновременно было решено обратиться к королю с просьбой об отстранении этих иерархов от занимаемых ими кафедр. От имени православной церкви в Литве собор заявил о своей решимости хранить православие и сопротивляться насильно навязываемой унии.

Таким образом, в Бресте столкнулись две разные экклезиологии. По мнению католиков, от имени церкви говорят только иерархи, которым народ обязан подчиняться. По мнению православных, хранителем истины является сам православный народ. В соответствии с этими разными экклезиологиями, образовалось два собора. Униатский собор представлял собой почти полностью изолированную группу епископов, в то время как православный собор ясно продемонстрировал единство православного клира с народом. Униатский собор имел задачей только лишь официальное подтверждение уже совершившегося, без ведома народа, соединения с Римом. Православный собор был проявлением самой жизни организма Церкви, что проявилось в горячем участии и клира, и мирян.

Провозгласив унию, Сигизмунд поставил православие вне закона и обрушил на православных жестокое гонение. Особенную ненависть вызывал у поляков экзарх Никифор. Он был объявлен турецким шпионом и брошен в тюрьму. По просьбе друзей Никифора запрос о нем сделал турецкий султан, которому было отвечено, что Никифор... московский шпион. В тюрьме Никифор был уморен голодом. Он скончался как истинный мученик Христов, отдавший жизнь за дело Церкви. К сожалению, со временем личность и подвиг Никифора оказались почти забытыми.

После Бреста

Уния была введена без согласия сейма. Конечно, по духу литовско-польских законов не нужно было брать согласия сейма на введение новой ве-

ры. Но другое дело, когда вводилось вероисповедание официальным путем, когда его вводила власть и требовала от громадной массы народа подчинения ему. Такого дела уже нельзя было делать без сейма, т.е. без согласия прежде всего тех людей, для которых оно предназначалось. Сигизмунд в деле унии согласие сейма заменил собором 1596 года. Но такому образу действий явно противоречили дух польской конституции и положительные законы. Всякий православный в противодействие этому приказу мог сослаться на общую в государстве свободу совести и на законы, признаваемые всеми.

Вопрос об отношении православия и унии захватывал чуть ли не все стороны литовско-польской жизни. Сами собою возникали вопросы и о догматическом достоинстве Православия и унии, следовательно, и латинства, и о правах иерархии и папства решать его, и о королевской власти в делах религиозных, и о праве частных лиц, свободных сословий и крестьян защищать свои религиозные дела.

Едва кончился Брестский собор, как началась активная религиозная полемика. Писатели латинские и униатские, как ни сильно желали разрушить все, на чем зиждется православная истина, каждый раз чувствовали в этом огромное стеснение. Сама уния, в защиту которой они нападали на Православие, заключала в себе значительную часть особенностей Православной Церкви. Это поставляло этих писателей в необходимость не трогать многого в Православии и тем ослаблять свою главную мысль, что Православие – ересь, а уния – истина.

Принято было за правило говорить, что уния включает в себе обряды восточной Церкви, а учение – латинской. Но немного нужно было размыслить, чтобы понимать, как неточно подобное разграничение между Православием, унией и латинством. Учение и обряды и в Православии, и в латинстве слиты в одно целое и их гораздо легче заменить одно другим, чем соединять одни с другими в унии. Решение этого вопроса затруднялось еще и тем, что латинские писатели, имея в виду, что уния со временем совершенно сольется с латинством, не могли останавливаться решительно на одной ее норме и чаще всего рассуждали о ней, как о чистом латинстве, а униатские писатели, по самому чувству самосохранения, оставляли за унией больше особенностей православных. Не указываем на другие частные странности и противоречия в этих сочинениях.

Православные писатели могли смело нападать на латинство и знали, на что нападать. Их слабая сторона, имевшая отрицательные последствия, - недостаточность научной подготовки.

Своим сторонникам униаты предоставляли такие материальные выгоды, которые привлекали значительное количество людей, не имевших прочных православных убеждений. На Брестском соборе они открыто признали западно-русскую Православную Церковь незаконным обществом, не имеющим с этого времени права на существование в литовско-польском государстве. Но здесь-то и заключается источник всех затруднений унии и всех бедствий, обрушившихся из-за нее на литовско-польское государство.

Поборники унии представляли, что уния ничего не изменила в западно-русской церкви и что унию приняла вся иерархия, которой паства, говорили они, должна подчиняться безусловно.

Православные противопоставляли этому тезис, что иерархи, принявшие унию, отступили от своей Церкви и от своей собственной клятвы; отступили без согласия своих паств и им противится не одна паства, а представитель восточной Церкви – экзарх константинопольской Церкви Никифор, два западно-русских иерарха и многочисленная низшая иерархия; на этом основании они требовали низложения принявших унию иерархов и назначения других на их место.

Одним из вопросов развернувшейся полемики был вопрос о том, какая власть лучше: константинопольского патриарха или римского первосвященника. Латинские и униатские писатели сильнейшим аргументом в пользу унии и во вред православию находили величие папы, управляющего беспрекословно громадным латинским миром, имеющего огромные средства доставлять торжество своей Церкви, своим последователям. Рядом с этим они изображали унижение константинопольского патриарха и всей восточной Церкви, поработанной турками. Всем была чувствительна неудача патриарха Иеремии исправить дела западно-русской Церкви, и всем было очевидно, как торжествует в Польше латинство. Православные писатели любили выставлять разьединение небесных и земных интересов, а потому показывали превосходство той власти церковной, которая чуждается смешения их в одно. Униатские писатели учили о беспрекословном подчинении мирян иерархии и усиленно защищали авторитет королевской власти. Православные не разделяли иерархию и паству. Что касается королевской власти, то, не касаясь прямо этого щекотливого вопроса, они ловко противопоставляли ей законы государства и собственные клятвы королей не нарушать свободы иноверцев.

Вопрос об унии перешел в область гражданской администрации и полиции. Но мы сделали бы несправедливое заключение, если бы всех администраторов без исключения признали безответственными орудиями власти королевской и, тем более, искренними друзьями и покровителями унии. Между ними, бесспорно, были люди очень самостоятельные и очень любившие унию. Известно, что важнейшие чиновники в литовско-польском государстве были бессменными, по крайней мере, их нельзя было сменить без их желания. Это давало им большую самостоятельность. Но нередко случалось, что высший администратор был католик, а низший – православный, или наоборот. Тогда, естественно, происходило колебание в пользу унии или Православия, смотря по силе и характеру этих лиц.

Тем не менее, в целом у администрации уния находила гораздо большую поддержку, чем Православие. В городах, пользовавшихся самоуправлением и имевших в большинство православное население, перевес был на стороне православных. В деревнях все зависело от вероисповедания помещиков, но и тут помещики могли менять только внешнюю сторону религии. Церкви, духовенство, богослужение могли менять как угодно, крестьянам

могли говорить какие угодно красноречивые проповеди об унии: Скарга и Потей могли волновать всю Литву и Польшу; а они, загнанные, забитые, так же, как я прежде, веровали и молились, как будто уния проносилась мимо них. На стороне одних была опора власти, на стороне других – опора народных чувств.

Важно то, что в польско-литовском государстве на высоком уровне стояло судопроизводство, несколько ограничивавшее произвол шляхты и аристократии. Беспристрастие судов в большей части Литвы было так велико, что униаты даже не осмеливались подвергать им православных, способных доискиваться беспристрастного решения дела. Так, остались неприкосновенными оба епископа, не принявшие унии, - Гедеон и Михаил.

Униаты стремились решать дела административно или оказывали давление на суд.

Для оказания сопротивления унии и католикам православный патронат попытался вступить в союз с протестантами. В 1599 году состоялся их общий съезд в Вильне. Было решено совместно защищать оба вероисповедания всеми возможными средствами. Однако, иерархия отказалась поддержать этот союз, опасаясь религиозного давления со стороны протестантов, и он распался. В том же году умер Михаил Рогоза.

На его место был поставлен Ипатий Потей, который начал решительно насаждать унию, изгоняя непризнававших его священников и поставляя новых. Очень скоро он пришел в столкновение с братствами, в первую очередь, с Виленским братством. Было приказано изгнать Стефана Зизания, которому пришлось спастись через печную трубу. Началась упорная борьба. В 1607 году православные решили воспользоваться междоусобной борьбой в Польше и обратились к сейму, который постановил, что и православное, и униатское вероисповедания не должны уничтожать одно другое, но жить рядом, уважая гражданские права один другого. Это было на пользу православным, т.к. разрушало главную цель вождей унии – говорить от имени всех православных и мыслить себя единственно законной иерархией и Церковью.

В 1609 году состоялся очередной сейм, который постановил оставаться каждой стороне при том, что она имеет, и установил громадный штраф в 10 тысяч злотых для всякого, кто нарушит спокойствие между православными и униатами. Кроме того, сейм решил предоставить разбирательство возможных конфликтов трибунальному суду. Это решение по сути ограждало права православных, т.к. ограничивало завоевательные намерения униатов. Тем не менее при помощи короля униатская сторона в это самое время отняла у православного виленского братства Троицкий монастырь. Это вызвало возмущение православных, во время которого было совершено покушение на Потей, стоившее ему двух пальцев. Этот инцидент был тотчас использован против православных: униаты и латиняне придали ему значение христианского мученичества и чуда. Два пальца Потей были положены на престоле в Троицком монастыре, но т.к. неловко было держать постоянно в Церкви, особенно на престоле, эти тленные частицы Потей, то их вделали в серебряную доску и повесили в Церкви.

Виленское братство, изгнанное из Троицкого монастыря, сгруппировалось вокруг церкви Святого Духа, напротив на той же улице. Однако, униаты продолжали нападения: они подняли вопрос о доходах братства, получаемых в Троицком монастыре и теперь переданных братством церкви Святого Духа.

Преследования православных не прекращались. У них было отнято право быть членами городского магистрата, записываться в цехи и даже выносить покойников через общие ворота: они должны были пользоваться воротами для вывоза нечистот.

Патриарх Мелетий назначил своими экзархами львовского епископа Гедеона, Кирилла Лукариса и князя К.К. Острожского.

Ипатий Потей жаловался Сигизмунду на непокорного Гедеона. Он обвинил Гедеона в том, что тот, несмотря на проклятие и низвержение, присвоил себе звание экзарха и продолжает действовать в чужих епархиях, поставляя духовенство. Особенно неприятно было Потее то, что Гедеон проклинал его и всех архиереев, принявших унию.

10 февраля 1607 года Гедеон скончался. При избрании и назначении его преемника король взял присягу на унию с нового кандидата – православного шляхтича Евфимия, в монашестве Иеремии Тиссаревского. Но Иеремия перед самым посвящением отрекся от насильственного обязательства и навсегда остался православным. Потей пытался подчинить себе Иеремию Тиссаревского, требуя его на суд за то, что он выпросил себе у короля епархию без его согласия и поставился за границей. Иеремия не поехал на суд и продолжал управлять православными Львовской и Галицкой и Каменец-Подольской епархиями.

13 февраля 1608 году скончался защитник православия – 82-летний старец князь К.К. Острожский. В 1610 году умер Михаил Копыстенский, и на Перемышльскую кафедру был возведен униат. Иеремия остался единственным православным иерархом. В 1614 году он получил звание патриаршего экзарха, возлагавшее на него обязательства по отношению ко всей западно-русской Церкви.

После смерти Потей в 1613 году униатским митрополитом становится Иосиф Рутский. Первоначально он был православным, потом принял протестантство, из протестантства перешел в католичество, из католичества – в унию. В этот период шла борьба за русский престол, кандидатом на который был сын Сигизмунда **Владислав**. Положение православных в Литве было известно русским и ожесточало их против католичества и унии. Поэтому методы унии вызывали недовольство и в самой Польше, и уния находилась в состоянии застоя в продолжение первых пяти лет управления Рутского, пока не был заключен прочный мир между Россией и Польшей. Вслед за этим Рутский возобновил активную деятельность по укреплению унии и борьбе с Православием. Для этого он не стеснялся вводить в среду униатского монашества настоящих иезуитов.

Первоначально сила унии была в том, что униатская Церковь казалась подчиненной папе лишь только внешне; он утверждал униатского митропо-

лита и его поминали вместо патриарха. Все остальное оставалось неизменным. Однако так могло быть лишь короткое время.

Вскоре обнаружился наплыв в унию латинских особенностей, что было естественным и неизбежным процессом. К тому же Потей вынужден был окружить себя негоднейшими людьми, поскольку только такие и могли переходить в унию, подкрепляемые выгодой или страхом. Для подкрепления сил иерархии он стал выдвигать также таких лиц, которые были истыми латинянами. Сближение с латинством решительно затрудняло распространение унии. Но уния не могла быть иной по своему существу.

Восстановление высшей иерархии в Западно-русской Церкви

В 1620 году прибыл в Киев возвращавшийся из России иерусалимский патриарх Феофан. В этот момент Польша находилась в самом критическом положении. С трех сторон угрожала ей война – со стороны Швеции, России и Турции. Самая главная ее опора в возможной войне – литовско-русский народ – был взволнован неистовствами унии; казаки были ненадежны. Тем не менее, к Феофану православные обратились не сразу. Лишь через полгода, к сейму 1620 года, Виленское братство, возглавлявшее деятельность православных убедилось, что наступило самое удобное время воспользоваться затруднительным положением Польши, чтобы получить высшую иерархию.

На сейм были посланы послы с требованием свободы православной веры и восстановления православной иерархии. Когда Сигизмунд узнал о таком требовании православных, он пришел в неопиcуемый гнев и изрек до-стопамятные слова: «Скорее я лишусь королевской короны, чем дам Вам иерархию». Ответом на это явилось заявление послов от казаков (гетмана Конашелича-Сагайдачного) о том, что они не пойдут на войну, если желания православных не будут исполнены. Король вынужден был внешне проявлять лояльность и милость к православным, и даже пригласил Феофана к своему двору. Воспользовавшись этим, в Киеве было совершено посвящение православного митрополита Иова Борецкого и еще шести иерархов.

Феофан решил посвятить представленных кандидатов, но с возможной осторожностью и тайной, даже при закрытых дверях и окнах, так как это делалось без королевского разрешения. Первым был посвящен 6 октября на Перемышльскую кафедру Исая Копинский. 9 октября игумен Михайловского Златоверхого монастыря Иов Борецкий посвящен на Киевскую и Галицкую и всея России митрополю. Оба владыки посвящены были не в Киево-Печерской Лавре, а в братской Богоявленской церкви «в нощи» из-за опасения католиков и униатов. Затем был посвящен в архиепископа Полоцкого Мелетий Смотрицкий.

Патриарх Феофан поспешил выехать за границу, убеждая казаков помогать королю в войне с турками, в надежде, что, быть может, за их услугу король согласится признать и утвердить восстановленную иерархию. Под прикрытием трехтысячного войска казаков под командой Сагайдачного, в сопровождении епископов, множества дворян и духовенства, патриарх по пути к границе продолжал посвящать православных епископов вместо уклонившихся в унию. 7 января 1620 года в местечке Трехтемирове он посвятил архимандрита Иезекииля Курцевича на Владимирское и Брестское епископство, а через 4 дня поставил игумена Исаакия Борисковича епископом Луцким и Острожским. В имении православного князя Стефана Четвертинского, недалеко от Белой Церкви, он поставил во епископа Холмского игумена Памисия Ипполитовича. Затем на Пинское епископство был поставлен грек Авраамий, ранее епископ Стегонский. Так совершилось восстановление православной иерархии, после чего патриарх отбыл в Валахию, в г. Яссы. Расставание было самым трогательным: епископы, гетман и все войско плакали.

Королю нужно было, чтобы патриарх Феофан убедил и благословил казаков на войну с турками, которые уже шли к пределам Польши, что патриарх и сделал. Но как только он выехал из Литвы, то был объявлен турецким шпионом и самозванцем. В 1621 году Сигизмунд издал приказ ловить и казнить новопоставленных православных иерархов. Последним пришлось скрываться в казацких областях. Основной удар был обрушен на Виленское братство.

Перед решающей битвой с турками при Хотине гетман Конашевич вновь объявил, что казаки не будут воевать, если не прекратятся преследования православных иерархов. Сигизмунд опять стал проявлять ласку и принял одного православного епископа. Но после одержанной при Хотине победы преследования возобновились с новой силой. Благодаря активному сопротивлению православных, сейм 1623 года постановил прекратить все взаимные судебные процессы с целью примирения обеих сторон. Но в том же году в Витебске был убит униатский архиепископ Иосафат Кунцевич, известный фанатическим преследованием православных. Так, в Полоцке он приказывал вырывать из земли тела умерших православных и отдавать их на съедение собакам, а в самом Витебске отнял у них все церкви в городе и даже наспех сооруженные храмы – «шалаша» - за городом. Его убийство дало повод к жестоким преследованиям православных со стороны государства.

Но надеясь на защиту короля, западно-русские иерархи стали входить в сношения с Москвой. В 1624 году митрополит Иов отправил три письма с луцким епископом Исааком Борiskeвичем, ехавшим в Москву за милостыней. В Москве обещали поддержать теснимое Православие. В 1625 году Исая Копинский и Иеремия Тиссаровский обращались за милостыней в Москву.

Западно-русская иерархия, поддерживаемая Москвой, все еще не получила королевского утверждения. Не утвержденная королем, жившая и теснившаяся вдали от своих кафедр, православная иерархия не могла иметь того влияния и значения для православной паствы, которое имели епископы – униаты для униатов. Поэтому восстановленные православные кафедры и епархии в действительности оставались в прежнем безотрадном состоянии.

Когда кончился террор над православный Белоруссии за убийство Кунцевича и когда православные этой страны, пораженные им, притихли, униатский митрополит Рутский пришел к убеждению, что теперь можно успокоиться на счет успехов в этих странах и решил обратить все внимание на юго-западную Россию, по преимуществу на Волынь. Он сам отправился сюда и прежде всего обратился с воззванием к магнатам юго-западной России, чтобы они давали монастыри и приходы не иначе как тем из православных, которые согласятся принять унию.

Ближайшим плодом этих усилий Рутского было обращение в унию известного толкователя Евангелия Транквиллиона и игумена Дубенского монастыря Кассиана Саковича. После этого ему удалось привлечь в унию Полоцкого архиепископа Мелетия Смотрицкого, уход которого был очень чувствителен для православных. Он известен как писатель и богослов. В своих сочи-

нениях Смотрицкий развивал мысль, что богословская наука западно-русской церкви находится под воздействием протестантизма. Православные обличили преувеличение Смотрицкого, но допустили основную его мысль. В 1628 году в Киеве состоялся собор, на котором были осуждены и сочинение Смотрицкого «Апология путешествия на Восток», и сочинения названных им протестантствующих писателей. Смотрицкий указал также на слишком большую роль мирян, ограничивавших через посредство братств деятельность епископата. Церковь, не отвечая прямо на это обвинение, занялась переустройством братств, более подчинив их иерархии со времени митрополита Петра Могилы.

В 1629 году король, по просьбе униатов, назначил во Львове собор для примирения униатов с православными. Православные очень хорошо знали, что от этого съезда не могло быть никакого толку, но им не хотелось навлечь на себя гнев короля, если и они по его приглашению не явятся совсем на собор, им назначенный. Поэтому, собравшись сами в Киев, они отправили на этот собор только некоторых светских и духовных членов братства. После всех вежливостей, миролюбивых встреч, угощений и дружеских прощаний иезуит Бембус открыто уже проклинал православных с кафедры, а униаты протестовали против них и сами отказались от всяких дальнейших сношений по делу взаимного примирения.

В 1631 году умер король Сигизмунд III, 45 лет угнетавший православную веру. После его смерти был назначен избирательный сейм, который должен был провозгласить королем сына Сигизмунда Владислава. Пользуясь обстановкой, православные вновь подняли вопрос о восстановлении прав Православной Церкви во всем их объеме, вплоть до уничтожения унии. Дворянским послам, отправляющимся на сейм, было наказано прежде всего стараться, чтобы Православной Церкви были возвращены епископские кафедры, церковные владения отнятые униатами, и чтобы Православная Церковь была вполне удовлетворена во всех своих правах; без этого не приступать к избранию короля.

Специальная правительственная комиссия под председательством самого королевича Владислава постановила прекратить разногласия и борьбу на основании законов, но исходя из существующего положения. Незаконно отнятое униатами у православных комиссия постановила им вернуть, однако во многих случаях комиссия признавала законным то, что, с точки зрения православных, было нарушением их прав. Владислав разрешил православным выбрать нового митрополита, восстановил православные епископии и велел в каждом городе Литвы возвратить православным по одной церкви. Было постановлено уравнивать церковные и гражданские права униатов и православных, предоставив тем и другим одинаковую свободу веры и богослужения. Православные получили Львовскую, Луцкую, Перемышльскую и вновь открываемую Мстиславскую (с кафедрой и Могилеве) епархии, а также право заводить типографии, школы, больницы и т.д.

Что касается свободы веры, то всем было предоставлено полное право переходить из унии в православие, из униатской епархии в православную и

наоборот. Обе стороны должны жить в мире и покое, не наступая одна на другую. К крайнему прискорбию католиков и униатов, не взирая на их протесты, королевич Владислав утвердил проект соглашения 1 ноября 1632 года.

13 ноября Владислав был избран королем Польши и поклялся выполнить все статьи и тем самым успокоить людей греческой веры. Так совершился государственный акт величайшей важности для православных в Литве и Польше. Православным дана была полная свобода вероисповедания и восстановлена православная западно-русская митрополия. Возвращены те права, какими православные пользовались до унии, хотя и не во всем объеме.

Однако польское правительство не признало законную существующую иерархию, восстановленную патриархом Феофаном. Поэтому стало необходимым избрание нового митрополита и других владык. В том же 1632 году состоялось избрание нового митрополита – *Петра Могилы*. Торжественное посвящение его состоялось в 1633 году во Львове. Из прежних епископов только один Иеремия Тиссаровский остался на своей кафедре.

Став королем, Владислав не спешил выполнить свои обещания, данные православным. Уже на сейме 1635 года король откровенно признался, что сделанные уступки вызваны стеснительными обстоятельствами. Он запретил открывать православный храм в Минске и утвердил за униатами все, чем они владели в настоящее время, т.е. после сейма 1635 года.

Большое давление на Владислава оказывал папа, выступавший против предоставления прав православным и желавший склонить к унии Петра Могилу, к которому папа писал послания, называя его «возлюбленным братом».

Митрополит Петр Могила

Митрополит *Петр Могила* родился в 1596 году в Молдавии, в знатной семье. Юность его прошла во Львове, где он получил первоначальное образование в братской школе. Он служил в польском войске, участвовал в известной битве под Хотинском в 1621 году. Петр Могила был хорошо знаком с митрополитом Иовом Борецким, под влиянием которого постригся в монахи в 1625 году. В 1627 году он становится архимандритом Киево-Печерской Лавры. Могила имел большие связи и был лично известен Владиславу, который относился к нему с уважением. По совокупности всех признаков Могила был наиболее достойным кандидатом в митрополиты. Патриарх Кирилл Лукарис прислал благословение нареченному митрополиту.

После избрания Петра Могилы митрополитом король Владислав отдал в его распоряжение Софийский собор, ранее захваченный униатами. Престарелый митрополит Исаяя Копинский, избранный после смерти Иова Борецкого в 1631 году, не пожелал признать нового митрополита и добровольно уйти на покой. Но польское правительство не признавало Исаяю, избранного без его согласия. Для церкви было необходимым иметь легального митрополита, и Исаяя был отправлен в монастырь.

Уже в 1632 году Петр Могила создал при Лавре *Киево-Могиленскую коллегию*. Там преподавались греческий и латинский языки, диалектика и

логика. Богословие польское правительство преподавать не разрешило, поэтому православным по-прежнему приходилось выезжать за границу для изучения богословия.

Силами сотрудников коллегии, под руководством Петра Могилы, были подготовлены такие необходимые книги как «*Православное исповедание веры*» и «*Требник*», рассмотренные на поместном соборе 1640 года. На богословствовании Петра Могилы и его школе лежит заметный отпечаток латинского влияния. Таково было время, когда избежать этого влияния на Руси было практически невозможно.

«Православное исповедание веры» было рассмотрено на Ясском соборе 1643 года восточными патриархами и принято всей Церковью. Впервые оно было напечатано в Амстердаме в 1662 году, уже после смерти Петра Могилы.

Большое распространение и влияние получил и «Требник» Петра Могилы. К нему восходит «*Известие учительное*», печатаемое при «*Служебниках*», и многое другое.

Кроме ученых просветительных трудов митрополит Петр Могила вынужден был постоянно заботиться о защите прав православной Церкви.

Он также произвел раскопки Десятинной церкви и обрел мощи святого князя Владимира. Много усилий и средств Петр Могила потратил на восстановление Киево-Софийского собора, разоренного униатами. Митрополит Петр Могила скончался в ночь на 1 января 1647 года.

Сближение с Москвой

Преемником митрополита Петра Могилы оказался *Сильвестр Коссов*, избранный в феврале 1647 года, ранее епископ Мстиславский. Давая Сильвестру благословение, патриарх константинопольский утвердил его своим экзархом.

При митрополите Сильвестре началась великая борьба казаков и всего русского населения против унии и польского гнета.

Еще ранее, на сейме в 1645 года, православные депутаты говорили: «Наша древняя и законная религия, подтвержденная привилегиями в католическом государстве, в вольной республике, страдает больше, чем христиане греки в неволе у неверных. Церкви, соборы, монастыри у нас отобраны, свободное отправление церковных обрядов запрещено, бедные христиане умирают без причастия и не смеют публично погребать умерших. В Люблино, в Соколе, Бельске и других городах православные принуждены тайно погребать умерших в подвалах и своих домах. Может ли быть большее рабство?»

Не лучше было и на Днепровской Украине, где жили казаки. Угнетенные не только протестовали, но и бунтовали. Ответом были жестокие казни и новые притеснения. Особенно известны два бунта – Павлюка (1637) и Острияницы (1638). После бунта Острияницы на Варшавской площади казаков колесовали, пробивали насквозь спицами и поднимали на сваи; казацких детей жгли перед глазами отцов; у казачек отрезали груди и били ими мужей по

лицу. Церкви обращались в костелы или пустыли в жидовской аренде. Пьяным шляхтичам ничего не стоило напасть на православную церковь, побить попов, взять сосуды или оклады с икон и пропить в шинке у жида. Наконец, выведенная из терпения Украина поголовно восстала под предводительством Богдана Хмельницкого в 1648 году.

После ряда блестящих побед при Желтых Водах, Корсуни гетман в ряду первых условий мира поставил, чтобы:

1) имени, памяти и следа унии не было;

2) митрополит Киевский должен иметь в сенате первое место по примасе польском;

3) воеводы и кастеляне на Руси должны быть православные русские. Далее шли условия о гражданской свободе казаков.

Однако, по Зборовскому миру 1649 года король только обещал митрополиту место в сенате и должности на Руси – православным; было запрещено иезуитам показываться в Киеве и в других городах, где были русские школы. На сейме 1650 года православным дозволялись свобода веры, церковный суд, строительство храмов; они, наконец, получили ряд монастырей и часть церковных имений. Самым важным было то, что православным отдана еще одна епархия – *Холмская*. Была также восстановлена Черниговская кафедра. Однако, поляки отказались уничтожить унию и дать место в сенате православному митрополиту.

Вновь возгоревшаяся война с поляками оказалась неудачной для казаков. Белоцерковский договор 1651 года сводит на нет достигнутое ранее. Холмскую епархию вновь занял униат. С этого времени началось массовое переселение малороссов в южные степи Московского государства. Бросали свои насиженные места, жгли хаты, ехали, даже бежали на Московскую сторону.

За перепетиями борьбы между православным населением и поляками в Юго-Западной Руси внимательно наблюдали в Москве. Тяжелое положение казаков заставило Хмельницкого настойчиво просить помощи, а царь Алексей Михайлович должен был предпринять решительные шаги. Осенью 1653 года в Москве состоялся земский собор с участием патриарха и архиереев, на котором было единогласно решено объявить Польше войну, а казаков со всеми землями принять в Московское подданство, «ради православной веры и святых божиих церквей, на которые папы ...восстали с намерением их искоренить».¹ Отправленное в Малороссию посольство всюду торжественно встречали народ и духовенство с крестами, образами и хоругвиями. Наконец, в январе 1654 году совершилось великое воссоединение двух народов. Однако, митрополит Сильвестр в этом деле не принимал никакого участия и в решениях Переяславской Рады не участвовал. Митрополит не без основания опасался, что при продолжении борьбы открытое участие духовенства на стороне казаков вызовет месть и озлобление польских войск, которые начнут преследовать православное духовенство и разорять храмы. Поэтому он ста-

¹ Митр. Макарий. Указ. соч. Т. XII. С. 46-47.

рался показать, что покоряется Москве против воли, и даже отправил полякам соответствующее заявление, в котором подчеркивалось, что духовные никогда не были бунтовщиками против короля. Одновременно он проявил смиренную покорность московским властям. Характерно одно из заявлений митрополита Сильвестра: «Под чьею властью велит Бог ... быть, под того и будет».

Присоединение Малороссии к Московскому государству поставило вопрос об отношениях между Киевской митрополией и Московским патриархатом. Сразу же после Переяславской Рады Алексей Михайлович потребовал чтобы малороссийское духовенство было под благословением московского патриарха. Но митрополит и все духовенство предпочитали номинальное подчинение патриарху цареградскому – суровому контролю патриарха московского. Юридически Юго-западная митрополия оставалась в подчинении Константинопольского патриарха, но Московский патриарх Никон называл себя уже в 1656 году патриархом всея Великия и Малыя и Белья России.

Митрополит Сильвестр, со своей стороны, стал подписываться митрополитом Малыя России, а не всея России, в отличие от предшественников. В 1657 году митрополит Сильвестр скончался. Он управлял митрополией в сложное, неустойчивое время, когда часть ее перешла под власть московского царя, а часть оставалась под властью польского короля. От него требовалось немало мудрости и осмотрительности, а также и мужества, чтобы по возможности в целостности сохранить свою паству, что он делал довольно успешно.

После кончины митрополита Сильвестра Богдан Хмельницкий передал управление митрополией Лазарю Барановичу, епископу Черниговскому. Остальные епархии все еще принадлежали Польше. Вскоре, Богдан Хмельницкий умер, и гетманом сделался в том же году *Иван Выговский*.

Смуты в управлении митрополией

Под влиянием гетмана Выговского нареченным митрополитом был избран *Дионисий Балабан*, епископ Луцкий. Избрание совершилось в соответствии со старыми традициями без обращения в Москву, чем московское правительство было недовольно. Дионисий напомнил, что Киевская митрополия принадлежит константинопольскому патриарху. Тем не менее, в Москве Дионисия считали человеком преданным России. Однако вскоре Выговский перешел на сторону поляков, а вместе с ним и митрополит Дионисий, покинувший Киев в 1658 году. Они составили договор с поляками, в котором интересы православия терпели ущерб. Но уже в 1659 году казаки отошли от Выговского и во главе с Юрием Хмельницким вернулись в русское подданство. Дионисий уже не мог вернуться на кафедру, и блюстителем митрополии был вновь назначен Черниговский епископ *Лазарь Баранович*. Тем не менее Дионисий не отказался от своих прав и управлял епархиями, находившимися в пределах Польши.

В 1660 году Юрий Хмельницкий изменил и перешел на сторону Польши. В этих условиях Москва искала церковного деятеля, который мог бы умело содействовать московской политике. Лазарь Баранович был отстранен, как слишком непрактичный. На место блюстителя митрополии послан Мефодий Филимонов, епископ Мстиславский. Мефодий, в миру протопоп Максим, из г. Нежина, поставлен во епископа в Москве митрополитом Питиримом. Таким образом, Москва начинает сама ставить епископов в Киевскую митрополию, ссылаясь на сложные политические обстоятельства. Узнав об этом, митрополит Дионисий Балабан рукоположил на ту же Мстиславскую кафедру своего ставленника – Иосифа Нелюбовича-Тукальского. Всем была показана сомнительная законность Мефодия.

Наконец, патриарх Константинопольский, усмотрев в действиях Москвы вмешательство в свою церковную область, предал Мефодия анафеме. Однако, по просьбе царя эта анафема была вскоре снята. В этой ситуации авторитет митрополита Дионисия продолжал стоять высоко, и к нему с почтением относился и признавал его даже такой московский епископ, как Лазарь Баранович. Дионисий совершил прославление мощей святого Иова Почаевского. В 1663 году митрополит Дионисий Балабан скончался.

После измены Юрия Хмельницкого и смерти митрополита Дионисия и при том, что Мефодий был скомпрометирован, наступило безвластие. Из Москвы был прислан воевода, Гагин, собравший раду, на которой избрали гетмана Брюховецкого, который был в хороших отношениях с Мефодием. На польской стороне правобережья Днепра был свой гетман – Павел Тетеря. Вместо умершего митрополита Дионисия в польской части митрополии духовенство избрало сразу двух кандидатов – Антония Винницкого и Иосифа Тукальского, епископа Мстиславского, причем оба кандидата были утверждены королем. Но вскоре митрополит Иосиф был обвинен в измене и посажен в тюрьму. Антоний Винницкий не стал вступать в управление митрополией, и блюстителем был признан Львовский епископ Афанасий. В 1666 году гетманом на польской стороне стал Дорошенко, а митрополитом с 1667 году утвердился *Иосиф Тукальский*, выпущенный из тюрьмы.

На левой стороне Днепра церковь возглавлял Мефодий; после снятия с него анафемы местное духовенство признало его блюстительство. Но с гетманом Брюховецким у него началась вражда. Брюховецкий вообще плохо относился к духовенству. Позволял разорять церковные имения, не обращая внимания на жалобы. Дело дошло до того, что в конце концов его имя перестали помянуть за богослужением.

Брюховецкий предлагал, чтобы Москва прислала в Киев своего митрополита; и это производило волнение в духовенстве, часть которого по-прежнему не желала прямого подчинения Москве.

Митрополит Иосиф пытался добиться своего признания в Москве, и за него хлопотал влиятельный архимандрит Печорский – Иннокентий Гизель, как «о муже зело во учениях и подвигах из древних лет честно и знаеме». Иосиф и гетмана Дорошенко пытался уговорить подчиниться московскому царю, но безуспешно. Однако Москва не доверяла Иосифу и не приняла его.

Пребывая в Литве, Иосиф активно защищал православие и пользовался большим уважением у духовенства и народа по обе стороны Днепра.

Тем временем Мефодий, войдя во вкус независимой иерархической власти, вскоре перешел на сторону польской партии, несмотря на то, что всем своим значением обязан был Москве. Когда гетман Брюховецкий стал хлопотать о присылке настоящего митрополита из Москвы, Мефодий вместе с Иннокентием Гизелем, печерским архимандритом, и с другими лицами из монашеского духовенства решительно объявили, что все они запрут в своих монастырях и разве их за ноги оттуда выволокут, тогда только в Киеве будет Московский митрополит.

Противомосковской партии много помогало распространявшиеся тогда в Малороссии недовольство Москвой за Андрусовский мир (1667 г.), по которому Россия уступила Польше все свои завоевания и Литве, Белоруссии и всю заднепровскую Малороссию, оставив за собой только один Киев, и то на два года. Гетман Заднепровья Дорошенко поддался Турции, надеясь освободиться от польской неволи с ее помощью, как прежде Хмельницкий освободился о помощью Москвы. Турецкая партия усилилась и на восточной стороне, так как прошел слух, что царь и остальную Украину хочет отдать под унию и короля. К этой партии пристали и Мефодий с Брюховецким, потому что Дорошенко посулил им за это: первому – независимую митрополию, а последнему – гетманство на обеих сторонах Днепра. Но лишь только Брюховецкий изменил, променяв царя на султана, как Дорошенко убил его, желая сам остаться гетманом над обеими сторонами. Обманул он и Мефодия, которого митрополит Иосиф Тукальский лишил сана и приговорил к заточению. Мефодий бежал в Москву, но и здесь подвергся заточению в монастыре за измену.

Москва, занятая делом патриарха Никона и старообрядческим расколом, не могла уделить достаточного внимания Киевской митрополии. Положение изменилось, когда патриархом стал *Иоаким Савелов* (1674 г.). Было очевидно, что беспорядки можно прекратить только подчинением митрополии Московскому патриарху. Иоаким энергично принялся за дело.

На восточной стороне Днепра не хотели признать Иосифа. Всеми церковными делами снова управлял здесь, вместо Мефодия, старший из епископов – Лазарь Баранович Черниговский. Со смертью Иосифа (1676 г.) церковное управление перешло в руки Лазаря уже на обеих сторонах Днепра. В 1686 году Россия заключила с Польшей вечный мир, удержав за собой всю восточную (левобережную) Малороссию и Киев; в других областях, оставшихся за Польшей (правобережная Украина с Волынью, Подолией и Галицией, Белоруссия), поляки обязались дать православным свободу веры и возвратить епархии: Луцкую, Львовскую, Перемышльскую и Могилевскую. Теперь пора было, наконец, приступить и к избранию общего митрополита. Первым кандидатом был Лазарь Баранович, но он был сторонником только политического, а не церковного союза с Литвой и не хотел ехать на поставление в Москву. Поэтому обойдя его, патриарх Иоаким в 1686 году поставил в митрополиты Луцкого епископа *Гедеона Четвертинского*.

Константинопольский патриарх Дионисий, после соборного совещания с другими патриархами, в 1687 году сам согласился признать зависимость Киевской митрополии от Московского патриархата. Этим важным актом окончательно прекращено было разделение Православной Русской Церкви, продолжавшееся более двух столетий. Киевская митрополия была признана первою и старейшею между русскими митрополиями, и ее иерарху предоставлены были особые преимущества чести. Ему дано право носить две панатгии, митру с крестом; в пределах его епархии ему предносился крест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. – М., 2002.
2. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. – М., 1998.
3. Григорак Димитрий, прот. Основные черты духовно-нравственного подвига в житиях Киево-Печерских святых. – Киев: Информационно-издательский центр Украинской Православной Церкви, 2002. – 160 с.
4. Доброклонский А. Руководство по истории Русской Церкви, вып. I и II, изд. 2, Рязань, 1889.
5. Жукович П.Н. Лекции по истории Западно-русской Церкви. – СПб., 1900.
6. Знаменский П.В. Руководство по русской церковной истории. – М., 2000.
7. Иоанн (Снычев), митр. Русская симфония. Очерки русской историософии. – Житомир: Ника, 2003 – 728 с.
8. Иоанн (Снычев), митр. Русь соборная. Очерки христианской государственности. – СПб.: Царское дело, 1998 – 250 с.
9. История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России. – М., 1993. В 2-х тт.
10. Карташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви. – М., 2000.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга 2. Тт. V-IX.
12. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. – СПб., 1914.
13. Ключевский В.О. Курс русской истории, 1-5.
14. Коялович М. Литовская церковная уния. – СПб., 1859.
15. Любавский М.К. Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. – М., 1910.
16. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. – М., 1994, 1997. – Т. 6, 10, 12.
17. Малицкий П.И. Руководство по истории Русской Церкви. Издание четвертое. – М.: Общество любителей церковной истории; Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000. – 464 с.
18. Малков Ю.Г. Русь Святая. Очерк истории Православия в России. – М.: Правило веры, 2002. – 624 с.
19. Митрополия Киевская в начале своего отделения от Московской. – М., 1854.
20. Осос Павел, прот. – Значение Острожского княжества в защите Православия на Волыни. Машинопись, Загорск, 1986.
21. Покровский И. Русские епархии XVI-XIX вв. – М., 1916.
22. Смирнов П., свящ. Иоаким, патриарх Московский. – М., 1881.
23. Соловьев С.М. История России с древнейших времен, кн. 4-6.
24. Успенский Л.А. Богословие иконы в Православной Церкви. – М., 1991.
25. Филарет (Гумилевский), архиепископ. – История Русской Церкви. – М., 2000.

- 26.Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. – М, 2000.
- 27.Шляпкин И.А. Святитель Дмитрий Ростовский и его время (1651-1709). – СПб., 1891.